

1р. 20к.

В. Д. ЛАВРИНЕНКОВ · ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЕБО

В. Д. ЛАВРИНЕНКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЕБО

Владимир Дмитриевич
Лавриненков

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК АВИАЦИИ
В. Д. ЛАВРИНЕНКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЕБО

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1983

*Литературная запись А. М. Хорунжего***Лавриненков В. Д.****Л13** Возвращение в небо. — 2-е изд. — М.: Воениздат, 1983. — 240 с., 10 л. ил. — (Военные мемуары).

В пер.: 1 р. 20 к.

Эта книга — волнующий рассказ о подвигах советских авиаторов, сражавшихся в небе Сталинграда, Ростова, Украины, Восточной Пруссии, Берлина. Автор ее дважды Герой Советского Союза Владимир Дмитриевич Лавриненков — человек выдающегося мужества и яркой, необычной судьбы.

Замечательно показан в книге процесс становления молодого летчика-истребителя, его путь к мастерству. Основное же место занимает рассказ о боевых друзьях автора, с которыми он прошел через всю войну — вначале в качестве рядового летчика, затем командира эскадрильи и, наконец, командира 9-го гвардейского истребительного авиационного Одесского орденов Красного Знамени и Суворова 2-й степени полка.

Книга рассчитана на массового читателя.

Л 1304010000-007
068(02)-83 45-83

ББК 63.3(2) 722

9(С) 27

© Воениздат, 1974

ПРОЩАЙ, ЧЕРНИГОВ...

Зеленая весенняя улица с кирпичными одноэтажными домами, пролетки извозчиков, колонна молоденьких курсантов с голубыми петлицами, марширующих по дороге, звонкая походная песня, плывущая над земляным валом с двенадцатью пушками, и многочисленные избы на окраине. Таким на всю жизнь остался в моей памяти Чернигов. Впервые же я увидел город в белом зимнем наряде в январе 1941 года, когда в составе группы выпускников Чугуевского военного авиационного училища прибыл в Чернигов на должность инструктора авиаучилища.

Признаюсь честно: это назначение воспринял без восторга. Мечтал о другом. В училище я поступил после окончания аэроклуба, уже умея прилично летать. Будучи курсантом, я, как многие мои товарищи, рвался сначала на Халхин-Гол, потом на Карельский перешеек. Мечтал получить боевой самолет. И вдруг Чернигов, авиаучилище...

До призыва в армию я жил в таких довольно крупных городах, как Смоленск и Сталино. Казалось бы, куда до них Чернигову! А случилось так, что именно этот городок сразу и навсегда покорила меня. Здесь и началась суровая, расписанная по минутам армейская служба.

Незаметно кончилась зима. Училище выехало в лагерь. Город, который теперь отстоял в десяти километрах от наших лагерей, манил к себе с особой силой. Но командир нашего отряда капитан Куценко не баловал нас увольнительными. Он считал: чем меньше людей отлучать в город, тем меньше будет нарушений дисциплины, и строго придерживался этого правила. Мы не обижались на капитана. Это был опытный и волевой командир. Однако не всем нравилась его строгость. Мы были вполне взрослыми и считали, что имеем право на личную жизнь.

Лето в 1941 году обещало быть на редкость погожим. Дни в июне стояли один лучше другого. Погода была летняя. Но это почему-то не радовало нашего командира. Он ходил хмурый, был чем-то озабочен. Мы знали, капитан Куценко уже участвовал в боевых действиях — об этом свидетельствовал и орден на его гимнастерке, — и невольно притихали, уловив его настроение. А наиболее наблюдательные заметили даже, что он становится все мрачнее после каждого совещания у начальника училища.

Однажды капитан сказал нам:

— Пахнет порохом. Готовы ли вы к бою с врагом?

— Преувеличивает, запугивает... — шеннул мне сосед.

— Я запугиваю?! — вскинулся капитан.

— У нас ведь договора... — стал оправдываться инструктор. — В Москву ездят мирные делегации... наших приглашают к себе.

Куценко поблел, глаза его сузились, будто он смотрел в прорезь прицела.

— Дорого бы я дал, чтобы поверить во все это... В тревожное время живем... Это надо понимать, — с горечью произнес он и умолк.

Чутье не подвело нашего командира. Мы, к сожалению, очень скоро убедились в этом.

Последнюю предвоенную субботу я с несколькими товарищами провел в Чернигове. Настроение у нас было отличное: целый воскресный день был еще в нашем распоряжении. Ночевали в гостинице. И вдруг рано утром появился посыльный из отряда:

— Скорей. Вас ждет машина. Началась война...

Капитан Куценко быстро собрал личный состав.

— Сейчас мы находимся далеко от фронта, но для авиации не существует больших расстояний, и вы отлично знаете это. С сегодняшнего дня каждый из нас — фронтовик, — спокойно и твердо сказал он. — Приказываю перетащить все самолеты в лес, надежно замаскировать их, срочно соорудить землянки для жилья, открыть щели. Из лагеря не отлучаться! Палатки разобрать, кровати сдать на склад.

Мы бросились выполнять приказ. Летное поле аэродрома, где стояли крыло к крылу наши двухкрылые тупоносые, легкие истребители И-15 бис, вмиг опустело. Свернутые палатки кучей лежали под деревьями. Вместе с курсантами авиаучилища мы перебрались в лес.

С рассвета до темноты инструкторы поочередно дежурили у самолетов в полной готовности к немедленному вылету. А сменившись, возвращались к курсантам и продолжали занятия по программе...

Тревожные вести приносили радио и газеты. Обстановка в первые дни и недели войны складывалась не в нашу пользу. Фронт приближался к Днепру. Над Черниговом все чаще стали появляться немецкие самолеты-разведчики. Поступил приказ эвакуировать училище в Ростовскую область. А я был включен в группу инструкторов, которым поручили перегнать все самолеты По-2 в Горький.

«ТОЛЬКО НА ФРОНТЕ!»

Из Горького до Ростова мы добирались целую неделю. Железнодорожные пути были забиты эшелонами. Здесь с особой силой чувствовалось дыхание войны.

Наше авиаучилище расположилось в станице, неподалеку от известного совхоза «Гигант». Здесь, на новом месте, нас ждали привычные дела: полеты по кругу, отработка с курсантами навыков вождения самолета, стрельба по мишеням, приземление. В распорядке дня, утвержденном размашистой подписью капитана Куценко, был расписан каждый наш шаг, и соблюдался этот распорядок неукоснительно.

Поднимаясь с курсантами в воздух, я каждый раз видел ровную, без единого лесочка, степь и невольно вспоминал Черниговщину, ориентиры ее маршрутов. Думал об этом с болью: вплотную к Чернигову подступили фашистские захватчики...

В один из хмурых дней в конце августа мы услышали в небе необычный гул самолета.

— Это «юнкерс», — сказал кто-то.

А через два-три дня, уже при ясной погоде, над нашим аэродромом, не таясь, пролетел двухмоторный бомбардировщик «Хейнкель-111». Мы даже рассмотрели кресты на его крыльях...

Я подал капитану Куценко рапорт с просьбой об отправке на фронт. Через несколько дней он отозвал меня в сторону и сказал, что начальник училища отнесся к рапорту отрицательно.

— Ты пойдешь, потом захотят другие, а кто будет обучать курсантов? — резонно заметил Куценко.

Служба в училище перестала удовлетворять меня. Все чаще приходила мысль о том, что самолетов И-15 бис, на которых мы обучали курсантов, уже нет на вооружении истребительных полков. Газеты описывали воздушные бои, в которых действовали «мги», «яки», И-16... «Для кого же мы готовим наших подопечных?» — невольно спрашивал я себя.

Послал еще один рапорт, теперь уже на имя начальника училища. Подождал с неделю — ответа нет. А тут как раз подошло мое дежурство. Взял да и написал ночью письмо товарищу Сталину. А послать так и не решился: представил, сколько нужно пройти моему посланию, чтобы попасть в Москву, и отказался от своей затеи. Решил искать путь короче.

В те дни мне довелось летать на перехват по-зрячему. Погнался за «юнкерсом», который шел на высоте через наш аэродром. Был он близко, а расстояние между нами не только не сокращалось, а даже увеличивалось: скорости были разные. Мало того, «юнкерс» стал набирать высоту и легко ушел за четыре тысячи метров. А я без кислородного прибора. Пришлось прекратить преследование.

Приземлившись, я сгоряча выпалил командпру, что для перехвата разведчиков надо иметь хотя бы один «як»! А нашим «бисам», хотя они и являются истребителями, пора подвешивать бомбы и посылать нас бить фашистов.

Капитан резко оборвал меня, сделал выговор за недисциплинированность, а в довершение сказал такое, что перевернуло мне душу.

— О каких «яках» ты говоришь? — укоризненно произнес он. — Твоя техника пилотирования годится только для того, чтобы утюжить воздух над аэродромом...

Слова командира задело меня за живое. И дело здесь было вовсе не в самолюбии. «А что, если я на самом деле дисквалифицировался, ползая над аэродромом? — оставшись один, подумал я. — Не зря, видно, нам твердили опытные летчики, что мастерство истребителя необходимо оттачивать каждодневными тренировками. Мы ведь не делали этого!»

Возвращаясь вскоре после очередной бесплодной погоны за «юнкерсом», я, раздосадованный неудачей в небе, решил проверить, не растерял ли еще навыки летчика-

истребителя. Резко сник на селс, выбрав целью гладь небольшого пруда. Выходя из пике около самой воды, крутанул восходящую бочку, а потом, сам не зная для чего, нажал на гашетку пулемета, к которому давно не прикасался. Все это было похоже на атаку с настоящим огнем по «мессершмитту». В небе блеснула трасса...

Пролетая над домиками и садами, я заметил на берегу пруда группу людей, и среди них капитана Куценко. Мне даже показалось, что командир сел на свой мотоцикл. Холодок пробежал у меня по спине.

Только зарулил самолет на стоянку, как рядом остановился мотоцикл. Капитан был немногословен. Подозвав меня, он объявил: за недозволенную стрельбу пять суток гауптвахты. И в тот же вечер меня отправили на гарнизонную губу.

С тяжелым сердцем уезжал я в Батайск: рвался в бой, а оказался под арестом. За стрельбу в недозволенной зоне капитан Куценко пообещал еще передать дело в трибунал... Неужели придется распрощаться с авиацией?..

В Батайске расширилось и переоборудовалось какое-то военное училище. Меня послали туда убирать старую штукатурку и выносить кирпич. Загрузив строительным мусором очередную тачку, я вдруг заметил шагнувшего навстречу майора. Надо было поприветствовать командира.

Майор, очевидно, увидел на моих рукавах нашивки летчика, задержался. У него тоже были голубые петлицы, на них красовались две шпалы.

— Кто вы? Из какой части? — добродушно спросил он.

— Пилот-инструктор Черниговского авиаучилища сержапт Лавриненков, товарищ майор! — отрапортовал я.

— Пилот с тачкой! Ничего себе, дослужился... За что вас так?

Я молчал, соображая, что ответить. Дело в том, что я с первого взгляда узнал майора, но не был уверен, что он признал меня. А ведь мы были знакомы. Я вспомнил все в какую-то долю секунды.

...Аэродром нашего училища располагался в трех километрах от станицы. Для его охраны на ночь назначался наряд из нескольких бойцов и командира. В тот вечер,

когда я заступил на дежурство, небо заволокло тучами, разразилась гроза. И вдруг из-под черной тучи уже в сумерках вынырнул По-2. Наш аэродром, видимо, оказался спасением для него. Когда самолет подкатил к единственному строению, в котором размещалась наша небольшая команда, из него выбрались пилот майор и женщина в летнем платье.

Чтобы ветер не опрокинул машину, мы под дождем помогли закрепить ее за крылья и за хвост. Только после этого промокшие до последней нитки пилот и его спутница направились к караулке. Там было очень тесно. Я пригласил их в свою комнатку. При свете керосиновой лампы я хорошо рассмотрел майора. У него было приятное молодое лицо со свежим шрамом, который несколько не портил внешности. Майор объяснил, что возвращался в свою часть с центральной усадьбы совхоза «Гигант» и что его попросили довести до Зернограда местного агронома.

В ту ночь я узнал, что фамилия майора Горбачев, что зовут его Алексей Николаевич, что в первые дни войны он сбил вражеский бомбардировщик, но его машину поджег «мессершмитт», что майор недавно вышел из госпиталя и надеется в скором времени возвратиться в свой полк.

Жадио слушал я каждое его слово. И завидовал, безумно завидовал майору.

За ночь гроза утихла. С первыми лучами солнца майор, уже успевший обойти летное поле, вынул свой По-2 на край аэродрома. Мы с тревогой следили за ним: неужели решится взлететь? Колеса вязли в раскисшем грунте, поле было покрыто многочисленными лужами. Медленно набирая скорость, По-2 покатился по густой траве. Разбегался он долго. И в самом конце аэродрома будто оттолкнулся от земли, поплыл на крыльях...

— Так что же все-таки приключилось с вами, сержант? Почему молчите? — Голос майора Горбачева вернул меня к печальной действительности.

Майор шел по коридору, я следовал за ним. Он ждал ответа. Остановился майор в дверях комнаты, которую я только что очистил от строительного мусора.

— Действительно, стало просторно! Это вы навели порядок? — по-дружески улыбнулся он.

— Я, товарищ майор.

— А что еще умеете делать?

— Летать.

— Это я знаю. А рисовать?

— Нет, товарищ майор.

— А красиво писать?

— Это могу.

— Ну вот что! Отвозите тачку и приходите ко мне. Спросите заместителя начальника училища.

Дня три я занимался писарской работой. Когда срок наказания кончился, меня вызвал майор Горбачев.

— Я разговаривал с вашим командиром... Вы очень неправильно вели себя, сержант.

— Но я хочу на фронт, товарищ майор! Особенно после того, как однажды ночью, во время грозы, услышал ваш рассказ о том, как воюют летчики...

— Постойте-постойте... Так, значит, это вы, сержант, приютили во время ливня нас с агрономом?

— Я, товарищ майор...

— Ну конечно же, вы! — обрадовался майор. — То-то мне кажется знакомым ваше лицо. А вспомнить, где видел, так и не смог. — Майор прошелся по кабинету, потом остановился передо мной, посмотрел мне в глаза, с отеческой теплотой произнес: — Вот что, сержант Лавриненков, наше училище формирует эскадрилью для истребительного полка, который должен выступить на защиту Ростова. Вы будете назначены летчиком в этот полк. Согласны?

— Только об этом и мечтаю, товарищ майор! Благодарю!

— Тогда так. Поезжайте в ваше училище, заберите вещи и возвращайтесь сюда. Документы мы затребуем сегодня сами. Завтра утром быть у меня...

До училища я добрался довольно быстро. Сборы были недолгими: бросил в чемодан шлем, планшет, сапоги, куртку и отправился к капитану Кущенко.

Вызов уже пришел, капитан, увидев меня, на минуту нахмурился:

— Добился-таки своего.

— Так точно, товарищ капитан. Вылетаю на своем «бисе» в полк.

— Пулеметы, выходит, проверял не зря? — уже совсем другим тоном спросил он.

— Выходит, так, товарищ капитан. Счастливо остаться.

— Спасибо за пожелание. А вам, сержант, хочу дать добрый совет. Запомните крепко: война тоже наказывает нарушителей дисциплины.

— Запомню, товарищ капитан.

Куценко с грустью пожал мне руку. Было похоже, что он завидовал мне.

Конечно, завидовал — никто не хотел находиться в тылу, все рвались на фронт.

Я улетаю на своем И-15 бис — обтянутом перкалью биплане. Улетаю со страстным желанием скорее включиться в боевую работу, испытывать свои силы в ожесточенных стычках с врагом. Как и многие юноши, я обладал пылким воображением. Оно рисовало в сознании захватывающие картины воздушных стычек, в которых я бил врага в хвост и в гриву. Мне казалось, я вполне подготовлен к тому, чтобы действовать именно таким образом.

Каково же было мое разочарование и огорчение, когда после первого боевого вылета выяснилось, что все обстоит далеко не так, как думалось.

Я приземлился в Куцевке, где срочно пополнялся авиационный истребительный полк. Там пока набралось летчиков всего на одну эскадрилью. Нашел ее командира — такого же, как я сам, молодого летчика в звании лейтенанта, представился ему.

— Еще пополнение? Летчик-инструктор? Отлично! — обрадовался он. — А сейчас иди в столовую, подзаправься как следует. Судя по твоему виду, в училище вас кормили не жирно...

В столовой меня потрясло изобилие вкусных блюд. Подошедшая официантка, заметив мое недоумение, пояснила:

— Отступаем... Не оставлять же продукты врагу. Вот и роскошествуем...

Отступаем... От одного этого слова сразу пропал аппетит.

На рассвете следующего дня нас собрал комзск. Нарисовал мелом на доске боевой порядок эскадрильи, набросал маршрут полета.

— Летим девяткой в район Синявки, западнее Ростова. Будем наносить бомбовый удар по скоплению фаши-

стских танков. Всем подготовить карты. Над полем боя цели каждый ищет сам. Ориентир — кресты на броне.

Минут через десять мы уже сидели в кабинах и ждали сигнала на взлет. Первым делом я нашел рычаг, с помощью которого сбрасываются бомбы, и осторожно подержался за него (мне еще ни разу не приходилось им пользоваться). Как-то все обойдется в этом первом долгожданном боевом вылете? Что он принесет мне и остальным летчикам, так и не успевшим познакомиться друг с другом?

Мысли мои оборвал сигнал на взлет. Появилась зеленая ракета.

Тройки истребителей приняли старт. Над полевым аэродромом тучей взвихрилась пыль, закрыла впереди идущие машины, линию горизонта. Я был замыкающим последнего звена и изо всех сил старался держаться своего места в строю. Но все же отстал, пришлось догонять. Позже я узнал, что именно отстающие чаще всего становились жертвами «мессершмиттов». Но тогда это не приходило мне в голову. Мало того, что я не имел понятия о коварстве «мессеров», мне даже не приходилось видеть их...

Достигнув окраины Ростова, мы развернулись на Синявку. Вскоре перед нами открылась панорама широко растянувшегося фронта: мы увидели вспышки артиллерийских залпов, взрывы снарядов, пожары.

Приглядевшись, заметили танки. С высоты полутора тысяч метров не просто было определить, чьи они. Вот первая тройка вошла в пикирование, сбросила бомбы, перешла в набор высоты. За ней — вторая. Потом — наша очередь. Уже несясь к земле, я разглядел черно-белые кресты на бортах танков, рванул рычаг. Бомбы отделились от самолета — он сразу стал легким, послушным.

Задание выполнено, можно идти домой. Неужели это все? И так просто?!

Круто переломив траекторию полета, я устремился вверх и тут увидел такое, что пробежали мурашки по спине. Надо мной в яростном клубке сценились более двух десятков самолетов. Мимо вдруг стрелой пронеслась необычных контуров машина. Я четко увидел желтый крест на фюзеляже.

«Мессершмитт!» — мелькнуло в мозгу. — Что предпринять?»

В ту же секунду увидел, как промчавшийся мимо «мессер» короткой очередью поджег наш И-15 бис. Потом чуть в стороне стал падать еще один самолет. Кто кого бьет, я понял не сразу. Все перемешалось, слилось в сплошную огненную карусель. Но разбираться не было времени. В следующий миг два «мессера» начали брать в клещи меня. Когда самолет, шедший справа, чуть обошел мою машину, я повернул на него и дал длинную очередь. Такую длинную, что опомнился, лишь когда умолк пулемет. Патроны кончились, а «мессеры» наседали. Вот-вот скрестят на мне пушечные трассы. И тогда почти подсознательно я резко бросил «ястребок» вниз и попес-ся к плавням, чтобы на их фоне слиться с землей. «Мес-серы» ринулись следом. Я прошел прямо над верхушками деревьев, вляпая из стороны в сторону. Фашисты открыли огонь, но их снаряды вонзались в болотистую почву, под-нимая в воздух султанчики грязных брызг.

То, что я выскочил из этой переделки, похоже на чу-до. Не иначе как я родился в рубашке. То ли у немец-ких летчиков иссякли боеприпасы, то ли кончалось горю-чее, но они вдруг оставили меня в покое и ушли. Не веря своему счастью, я непрерывно осматривался по сторонам, боясь, что это уловка, что гитлеровцы снова атакуют меня.

Весь взмокший, приземлился на своем аэродроме. Вы-держав на пробеге направление, я уже должен был оста-новиться, но самолет вдруг завалился на правое крыло, потом стал на нос и застыл в таком положении. Я завис на привязных ремнях и боялся шевельнуться: если бы машина перевернулась — не миновать беды.

Но мне и тут повезло. Быстро примчались на грузови-ке авиаспециалисты. Они накинули на хвост «ястребка» веревку, потянули, и самолет лег на фюзеляж. Оказалось, что немецким снарядом отбило правое колесо. Я не мог этого знать, поскольку шасси на И-15 бис не убиралось.

Итак, все кончилось благополучно. Но я горько пере-живал первую неудачу. А тут еще узнал, что не все вер-нулись из полета... Остаток дня ходил по аэродрому как неприкаянный. И страшно обрадовался, когда к вечеру до нас добрались пешком еще трое летчиков — они спас-лись, выпрыгнув с парашютами...

Первый бой заставил меня серьезно задуматься. Он показал, что надо еще многому учиться, чтобы не попа-дать в подобные ситуации. Без опыта в бою — как без

крыльев. В тот раз меня выручило то, что я, в общем-то, неплохо владел самолетом и техникой пилотирования. Но ведь этого мало! Летчику необходимо в совершенстве знать тактику, мастерски вести огонь, досконально отра-ботать взаимодействие в звене. И всему этому я должен научиться...

События этого памятного дня привели к тому, что уже вечером нам объявили: из-за нехватки людей и техники пополнение полка приостановлено. Некоторую часть вновь прибывших летчиков переводили в Сталинград, остальным, в том числе и мне, предложили возвратиться в училище.

Такой поворот событий никак меня не устраивал. Я стал настаивать, чтобы меня тоже послали в Сталин-град. И очень обрадовался, узнав, что командование по-шло мне навстречу.

Прибыв в Сталинград, я сразу отправился на аэродром Гумрак и немало удивился, увидев почти пустое летное поле. В казарме при аэродроме находилась только убор-щица.

— Будете у нас жить? — вежливо спросила она.

Я кивнул.

— Свободных кроватей много. Занимайте любую.

— А где же летчики?

— Отправились куда-то с винтовками.

Под вечер действительно пришли несколько человек. Среди них я с радостью увидел друзей по Черниговскому училищу — Чучвагу, Нагорного, Гуляева и Стеценко. Они рассказали, что зачислены в полк ПВО, но он еще не укомплектован.

Ехал в Сталинград, надеясь, что получу новую ма-шину и буду сбивать «юнкеры», которые уже появлялись над Волгой. А сложилось все по-иному. Меня тоже за-числили в полк ПВО, а там нас начали переучивать при-менительно к задачам противовоздушной обороны.

До весны 1942 года наш полк со своими «бисами» сто-ял на аэродроме неподалеку от Сталинграда. Лишь изред-ка вылетали мы на перехват одиночных вражеских раз-ведчиков. И хотя они нередко уходили от нас, мы про-

должали тренироваться, а главное — осваивали район Поволжья. Тем, кто сотни раз пролетал над оврагами и балками, над степными хуторами междуречья, над самим городом, очень пригодился полученный опыт в период Сталинградской битвы.

Весной 1942 года нашу эскадрилью перебросили из полка почти на двести километров западнее Сталинграда. Здесь, на дальних подступах к Сталинграду, нам было поручено перехватывать вражеские самолеты.

Наша эскадрилья базировалась на полевом аэродроме возле станицы Морозовская. Уже на второй день мы облетали район. Моим ведущим был командир звена Николай Тильченко.

В первых числах июня над нашим аэродромом бесшумно появилась пара самолетов. Если бы не красные звезды на крыльях, мы могли бы принять их за немецкие.

Истребитель Як-1 мы видели только на снимках. Это были «яки».

Все, кто находился на аэродроме, бросились к месту их приземления. Комзск капитан Корниенко, догнав нашу группу, крикнул на ходу:

— Живем, друзья! Получили парочку «яков»!

Появление Як-1 в то трудное время на прифронтовом аэродроме мы восприняли как доброе предзнаменование. В тот день с особой силой каждый почувствовал, что такое помощь тыла.

«Яки» стояли неподалеку от наших стареньких «бисов», и не нужны были никакие слова, чтобы убедиться в преимуществе этих новых отличных машин.

— Надо переучиваться! — решительно сказал комзск.

— А кто будет учителем? — спросил Тильченко.

— Тот, кто первым полетит на новом истребителе, — ответил Корниенко. — К примеру, ты, согласен?

— Конечно!

— Кто еще? — спросил комзск.

Откликнулись почти все, но дело оказалось не таким простым, как мы полагали. Взлететь, конечно, мог почти каждый — это не сложно для тренированного летчика. Но в воздухе надо было машину освоить, испытать ее возможности, попробовать выполнить некоторые элементы техники пилотирования, а потом удачно сесть... Скоростной истребитель был совершенно незнаком нам. А что, если разобьем или повредим его?

Выбор комэска пал на Николая Тильченко. Ведущий звена — это знали все — летал уверенно, смело, считался лучшим летчиком в эскадрилье. Ему первому и доверил Корниенко новенький «як».

Несколько часов мы вместе с инженером провели в кабине, потом осмотрели мотор, облазили всю машину. После этого каждый понял: самолет совсем не похож на И-15 бис, его приборы были размещены по-другому, органы управления — тоже. Принципиально новое заключалось в том, что у машины убиралось шасси и она имела радио.

Николай Тильченко запустил мотор, опробовал его на различных оборотах, помахал нам рукой и закрыл фонарь кабины. Подрулив на старт, он передал по радио: «Я пошел». «Як» стал быстро набирать скорость.

Летчики не сводили глаз с Тильченко. Как поведет себя самолет в его руках? Как приземлится командир звена?

Тильченко сделал горку, выполнил боевой разворот, потом зашел на посадку, выпустил шасси, щитки, притерся, как говорят, к земле и сел. Все бросились к Николаю. А он, соскочив с крыла, вдруг стянул с головы плем, пвырнул его на землю, поднял руки вверх и произнес нараспев:

— Это здорово!

Мне предстояло совершить полет на второй машине. Поэтому Тильченко сразу подошел ко мне.

— Не спеши отрывать машину от земли, — посоветовал он. — Помни, ей нужен большой разгон. И шасси убирай не сразу.

Я тоже успешно совершил полет на «яке». А через несколько дней летчиков со всех эскадрилий, которые умели летать на «яках», вызвали в полк, в Гумрак. Прибыть нужно было на своих машинах. Корниенко выделил нас с Тильченко, и мы поняли, что больше сюда не вернемся. Я был счастлив, что для меня наконец начиналась жизнь настоящего боевого летчика.

Личный состав полностью укомплектованного истребительного полка перевезли на «дугласах» из Сталинграда в И-ск. Там нас доставили машинами на аэродром авиационного завода. То, что мы увидели, показалось чудом: перед нами крыло в крыло длинными рядами стояли повенские «яки».

Нас выстроили перед самолетами.

Мне достался «як» с цифрой «семнадцать» на фюзеляже, что тоже обрадовало меня. Я родился 17 мая и потому считал эту цифру счастливой. К слову сказать, до конца войны я летал на машинах с этим номером и окончательно укрепился в своем мнении...

В тот же день наш полк скоростных истребителей вылетел к новому месту назначения.

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Нашу группу в составе нескольких десятков самолетов вел к аэродрому близ Ельца лидер-бомбардировщик Пе-2. Линию фронта мы не видели, но по многим признакам она была рядом. А перед самым приземлением «мессершмитты» неожиданно атаковали лидера и передовое звено. Наша группа немедленно рассыпалась.

Я держался своего ведущего Тильченко. Шли на сравнительно небольшой высоте, внизу сплошным пожаром полыхала земля. Тильченко увидел летное поле, окруженное лесом, и пошел на посадку.

Поляна была широкой и длинной. Как только совершили посадку, нам предложили немедленно уйти в лес, предварительно замаскировав свои «яки».

Вскоре мы узнали, что приземлились в расположении одного из полков той самой авиадивизии, в которую были направлены. Лес, находившийся недалеко от линии фронта, оказался довольно густым и обширным. Его зеленое лоно скрывало от неприятеля большое количество самолетов, землянок, летних строений и не одну сотню людей.

Пополнение здесь встретили гостеприимно и радостно. Первым делом нам предложили поесть. Не успели встать из-за стола, послышался мощный гул самолетов. Мы с Николаем Тильченко выбрались на поляну. В сторону фронта на высоте примерно трех километров шла группа бомбардировщиков Пе-2 под прикрытием истребителей. Погода стояла чудесная. С земли отчетливо было видно каждую машину. И вдруг над нашими «лаггами» появилась четверка «мессершмиттов». Они ринулись на наших, сбили один «лагг» и стали брать в клещи другой. В тот же миг «лагги» закрутили карусель. На помощь им с

аэродрома, на котором мы недавно приземлились, поднялись четыре «яка».

Только тогда мы с Тильченко перевели дух. На душе посветлело — пошло подкрепление.

Вот когда мы воочию убедились, каков «як» в бою.

Наши истребители молниеносно атаковали «мессершмиттов». Один из них сразу вспыхнул, стал камнем падать к земле и рухнул в центре аэродрома.

Мы с Тильченко переглянулись, без слов поняв друг друга. Родина дала нам замечательные машины, обладавшие высокой скоростью, мощным огнем, огромными возможностями для маневра. Нужно только в совершенстве овладеть этой машиной, и тогда...

— Тогда мы поговорим на равных с фашистскими асами, — сказал Тильченко, словно прочитав мои мысли.

...Поблагодарив летчиков за гостеприимство, мы затопились на свой аэродром, находившийся возле села Чорнави. Перелет длился недолго. У Чорнави уже собрался весь наш полк. Здесь же базировался еще один полк, ставший нашим добрым соседом. Тут и началась для меня настоящая боевая работа.

После того как командиры и комиссары рассказали о положении на Воронежском фронте, каждому из нас стало ясно, почему именно сюда спешно перебросили из-под Сталинграда вновь сформированный полк.

Потерпев в декабре 1941 года поражение под Москвой и испытав на себе силу ударов советских войск под Ростовом и Тихвином, немецко-фашистские захватчики пополнили резервы и ринулись в новое наступление. Сюда перебрасывались отборные гитлеровские пехотные дивизии и крупные авиационные соединения. Командование Красной Армии, судя по всему, готовило врагу достойный отпор. Летчики, например, чувствовали себя во всеоружии. Новую боевую технику мы получили, людей хватало, опыт боев с немецкими истребителями наши полки уже имели. Каждый из нас рвался в бой.

А ведь как трудно все начиналось! У каждого летчика — свой путь к постижению боевого мастерства. Для меня этот путь был коротким, напряженным и суровым, и прошел я его летом грозного сорок второго года в жесточайших воздушных боях.

Думая об этом, я невольно вспомнил детство и тот урок жизни, который получил в ранней юности, когда

ребята однажды, дурачась, схватили меня за руки и за ноги да и бросили в озеро. Плавать я не умел, однако не утонул. Подавив первый страх перед глубиной, я отчаянно заработал руками и ногами, почувствовал, что держусь на воде, и поплыл...

Нечто подобное пережил я на фронте. Здесь «на глубину», в гущу битвы, нас, молодых летчиков, бросала сама война. Она была для нас и учителем, и строгим, безжалостным экзаменатором, не прощавшим ошибок.

...Утром мы с ведущим вылетели в составе группы сопровождать штурмовики Ил-2. Четыре истребителя обеспечивали непосредственное прикрытие, а мы с Тильченко и еще два летчика получили задание сковать «мессеры», которые ходят на высоте.

Мой ведущий еще на земле строго приказал: «Никуда не отворачивай, твое дело защищать меня». Я знал свои обязанности, но такое напоминание перед тем, как разойтись по машинам, никогда не бывает лишним. Взлетев, я только об этом и думал. Увидел «мессершмиттов» — известил своего командира. Он ответил, что тоже видит их, и пошел на высоту, я — за ним. Его машина сделала крутую горку, и я не имел права отстать. За себя опасаться было нечего — командир рассчитывал, что на такой вертикали нас никто атаковать не сможет. Помня приказ, я точно следовал за своим ведущим.

Потом мы пошли в атаку на «мессеров»... Ни один вражеский истребитель не прорвался к «илам».

В этом полете я впервые увидел штурмовиков на боевом курсе и за работой. Сокрушительным был их удар по позициям гитлеровцев. Образовав круг, «илы» друг за другом подходили к заданному объекту, бомбили и били по нему из пулеметов и пушек.

Возвращаясь домой, мы на радостях снизились над аэродромом, где базировались «илы», и поприветствовали их покачиванием крыльев. Все сложилось так, как было задумано в штабах нашими командирами, и мы гордились в душе, что точно выполняли приказ.

Таких вылетов было около десяти. Они способствовали ходу операций наших наземных войск, ведь каждый раз «илы» обрушивали огонь по немецким танкам, колоннам, артиллерии.

Мы, истребители, считали эти вылеты обычными для себя. Но осложнения на фронте, как известно, нередко

возникали там, где быть их, казалось, не должно. Как-то, посадив штурмовиков, мы сделали обычный круг над аэродромом и взяли курс домой. Я немного отстал от ведущего, высматривая на земле ориентир для захода на посадку. И вдруг неожиданно оглянулся. С высоты на нас устремились два «мессершмитта». Быстро доложил об этом Тильченко.

— Разворачивайся! Атакуй! — бросил он в ответ.

Я был значительно ближе к противнику, чем ведущий, и от моих действий зависело в тот момент многое. Отвернув в сторону, я стал набирать высоту.

Сделав первым необходимым маневр, я, по сути дела, стал ведущим. Вскоре мы с Тильченко оказались выше «мессершмиттов» и атаковали их из-под самых туч. Скорость была хорошая, пулеметы стреляли безотказно. Длинная очередь прошла вражескую машину...

На аэродроме Тильченко подождал меня:

— Видел, как взорвался «мессер», которого ты преследовал?

— Нет.

— Ты здорово расправился с ним!

— А как насчет прежнего указания никуда не отворачивать?

— Что сказать тебе на это? Нет правил без исключения. Поздравляю с первой победой. Молодец, что не потерялся! — А когда мы пошли к штабу, добавил: — Запомни только одно: во время полета над своей территорией нужно действовать особенно осторожно. Погоня за одним фашистским самолетом может иногда привести большую беду...

Первая победа в бою — большое событие для летчика. И неудивительно, что волнение мое в тот день улеглось не сразу. Даже вечером, когда мы с Николаем Тильченко забрались на ночлег в свой шалаш, я все еще находился под впечатлением пережитого. Шалаш у нас был, надо сказать, отличный. Мы с Тильченко сами соорудили его в лесу, возле стоянки наших самолетов. Так поступали в полку все летчики и техники. Строить себе жилье каждый мог по своему вкусу. Единственное, что требовал от нас командир полка, — было соблюдение правил маскировки. Он сам периодически осматривал нашу базу с воздуха и строго наказывал тех, кто нарушал это требование.

Наш шалаш не отличался удобствами, но мы любили его и отлично чувствовали себя под его зеленой крышей. Здесь о многом было переговорено, здесь в то лето родилась у нас мысль о свободных полетах пары. Автором этой идеи был Николай Тильченко.

Отличный парень был мой ведущий. Он просто не умел сидеть без дела, не мыслил жизни своей вне боя. В те часы, когда мы собирались в землянке, ожидая вылета, Николай буквально сгорал от нетерпения. А если выпадала нелетная погода, не находил себе места. Обычно спокойный, сдержанный, он становился ворчливым и раздражительным. На все корки разделял метеостанцию, словно она только из прихоти не желает изменить погоду. И чего греха таить, начинал даже придирается к товарищам.

Вообще Тильченко был отчаянным спорщиком. Многие в эскадрилье не раз вступали с ним в перепалку. Но особенно часто спорил с Николаем я. Однако это не мешало нам с ним отлично взаимодействовать в бою. Что из того, что в азарте спора он редко соглашался со мной. В воздухе мой ведущий защищал меня грудью. А ворчливость и задиристость не мешали ему быть хорошим товарищем и на редкость скромным человеком. Никто из нас никогда не слышал, чтобы Тильченко рассказывал о своих летных успехах, хотя имел для этого все основания.

...В тот день у нас не было никаких заданий, и Тильченко неожиданно заявил:

— Пойду к командиру просить вылет.

Через несколько минут вернулся сияющий:

— Выпросил разрешение на охоту! Быстренько к машинам! Пошли! — торопил он меня, будто опасался, что командир полка изменит решение и отставит намеченный полет.

Мы запустили моторы и уже через несколько минут были далеко от аэродрома. Построившись парой, набрали высоту на маршруте и вскоре оказались над территорией противника. Изредка меняя курс, мы прочесывали воздух в надежде перехватить пару «мессершмиттов» или, на худой конец, подкараулить одиночного бомбардировщика, случайного транспортника.

Но вышло иначе. Мы встретили шестерку «Мессершмиттов-110». Они шли под небольшим ракурсом к нам.

Расстояние между нами и «мессерами» стало быстро сокращаться.

Заметив нас, фашисты тут же изменили боевой порядок и встали в вираж. Запахло боем. И в этот момент я допустил непростительную оплошность: не раздумывая, прямо с ходу я тоже встал в вираж. Что меня толкнуло на это? Я знал, что у Ме-110 сильный лобовой огонь, и поэтому с ним лучше не встречаться лоб в лоб. Надеюсь, что Як-1 на вираже так же управляем, как на вертикали, я и вошел в вираж. Но упустил одно важное обстоятельство — драться на вираже против шестерых совсем не то, что против одного-двух самолетов!

Иначе поступил Тильченко. Используя разгон машины, он резко ушел вверх, в сторону солнца. Его решение было правильным — он исходил из технических преимуществ своего Як-1. Я не догадался последовать примеру своего ведущего и в момент завязки боя упустил инициативу.

Прошло несколько секунд. Тильченко сразу сбил одного Ме-110, а сам снова взмыл вверх и вторично повис над фашистскими самолетами. Я же оказался зажатым в клещи.

Затеяв бой, я тоже пытался тянуть вверх, но мне так и не удалось уйти от противника, чтобы занять сколько-нибудь выгодное положение. Почти непрерывно по мне стрелял шедший в хвосте Ме-110. Как только я делал попытку уменьшить радиус виража и ускользнуть из-под его удара, по моей машине начинали бить по меньшей мере два немецких самолета.

Сотни снарядов пересекали возможные пути выхода из боя. Я видел огненные трассы впереди мотора, над головой, за хвостом. В глазах начинало рябить. Я отчетливо понимал, что долго так не продержусь, что ближайшие минуты решат мою судьбу...

Вскоре на моем самолете появились пробойны. Были серьезно повреждены левый элерон и руль поворота. Едва успев отвернуть от трассы одного «мессера», я попадал в струю огня другого.

Все складывалось явно не в мою пользу. Правда, на этот раз я уже достаточно хорошо владел собой, пилотировал уверенно, но все же ключья обшивки на рулях управления вызывали тревогу. И тут услышал по радио голос Тильченко:

— Держись, Володя! Пилотируй! Не давай себя расстрелять. Лови момент, чтобы уйти.

Лавируя по вертикали, Тильченко вел бой. Действовал он решительно и стремительно. После очередной атаки моего ведущего еще один «мессершмитт» вывалился из круга.

Успех Николая ободрил меня. Да и противник вел бой уже не так, как вначале. Потеря двух самолетов сбила спесь с немецких летчиков.

— Уходи... пикируй! — снова донесся до меня по радио голос Тильченко.

Используя замешательство гитлеровцев, я перешел в пики и почти отвесно понесся к земле...

На выходе из пикирования стал искать своего ведущего. Он все еще дрался. «Як» Николая сделал красивый вертикальный росчерк — в этот момент он ударил третьего «мессера»...

Через несколько минут мы встретились на аэродроме. Тильченко подошел ко мне, сдвинул шлем на затылок, вытер пот со лба рукавом комбинезона, расстегнул ворот гимнастерки.

— Ну как, понравилась охота? — с улыбкой спросил он. Потом, наклонившись, взял меня за плечо: — Крепко они в тебя вцепились. Боялся, не вырвешься... — Сказал это таким тоном, будто в бою, что происходил недавно в небе, он был не более чем сторонним наблюдателем. — Не следовало тебе ввязываться в выраж... Надо было идти за мной, к солнцу, — после короткой паузы добавил Николай и тут же стал объяснять, что такое слетанность, как надо чувствовать и понимать товарища в бою.

— Пойми меня верно, — проникновенно произнес он. — Дело не только в том, чтобы ты хорошо ходил со мной в строю... Чувствуй ведущего, не отрывайся. Если я на что-то нацелился, следи и вовремя схватывай замысел. А то видишь, какой разницей получился, я — вверх, ты — в выраж...

Хорошую школу боевого мастерства прошел я в полку, летая в паре с Тильченко. И что еще важнее — получил надежную морально-политическую закалку. Многим людям на всю жизнь благодарен я за это. А больше всего и в первую очередь — комиссару нашей эскадрильи Ивану Борисовичу Махине. Удивительный это был человек. Сам он не летал, был освобожденным политработни-

ком, мобилизованным в первые дни войны именно на партийно-политическую работу в авиационных частях. Но мы, летчики, безгранично уважали Ивана Борисовича и за его «земной» характер, и за умение выслушать тех, кто возвратился из боевого вылета, и за удивительный талант, позволявший ему вникнуть в то, что происходило в небе. Партийно-политическая работа, кипевшая в полку и в нашей эскадрилье, в те суровые и трудные дни придавала нам силу, уверенность, вдохновляла на выполнение священного воинского долга. Формы партполитработы подбрасывала сама обстановка. Велась она с большим знанием дела и для нас, воинов, являлась благодатной духовной пищей.

Политбеседы, информации, собрания коммунистов, комсомольцев, всего личного состава, индивидуальные беседы — когда я вспоминаю их сегодня, они кажутся мне такими же полезными и нужными, как наша предполетная подготовка или обсуждения боевых вылетов, и такими же конкретными, по-фронтовому целенаправленными. Запомнилась листовка, несколько экземпляров которой мы однажды увидели прикрепленными к деревьям у входа в землянку столовой и штаба. В ней были крупно напечатаны известные ленинские слова: «Товарищи красноармейцы! Стойте крепко, стойко, дружно! Смело вперед против врага! За нами будет победа».

Какие глубокие чувства пробудила эта листовка в наших сердцах! Слова, написанные вождем революции много лет назад, звучали так же актуально для нас, участников Великой Отечественной войны, как и для тех, кто в годы гражданской войны отстаивал завоевания советского народа от интервентов и внутренних врагов.

Иван Борисович Махине не раз беседовал и со мной, молодым летчиком. Комиссара интересовало все, что я рассказывал о семье, о своей жизни до войны, о работе в комсомоле. И однажды он прямо сказал, что мне пора вступать в партию. Меня очень обрадовали и взволновали его слова. Я признался комиссару, что давно уже думаю об этом, но хочу прежде сбить несколько вражеских самолетов. Только тогда я почувствую, что имею право на такой важный шаг...

Так оно и сложилось. В скором времени мне удалось сбить четыре фашистские машины. Возвратившись из очередного боя, я подошел к комиссару и напомнил о нашем

разговоре. В тот же день я написал заявление и получил рекомендации от командиров звена, комиссара эскадрильи и комсомольской организации. Тут же, на стоянке самолетов, состоялось партийное собрание эскадрильи и меня приняли кандидатом в члены ВКП(б). Этот день и сегодня считаю одним из самых счастливых в жизни...

Недолго после этого пробыл я в полку. Нам с Тильченко неожиданно приказали сдать свои машины и отправляться в другую часть...

Недалеко от города машина свернула в лес, на разбитую колесами узкую просеку. А вскоре перед нами открылось поле с замаскированными самолетами, аэродромными постройками, жилым городком. Нас окружили летчики. Все они были старше нас и по званию, и по возрасту. На груди почти у каждого сверкали боевые ордена.

Нас построили. Вскоре явился командир с двумя шпалами в петлицах. Доброжелательно оглядев новичков, он сказал:

— Вы прибыли для дальнейшего прохождения службы в четвертый истребительный полк. Знакомьтесь с нашими ветеранами, — указал он на своих однополчан, которые тоже выстроились небольшой шеренгой чуть в стороне.

Нам с Тильченко, к нашей общей радости, повезло: оба попали в одну эскадрилью, значит, опять будем летать вдвоем. Раньше нас всегда видели вместе. И теперь, попав в новую часть, старались держаться тоже поближе друг к другу. Оба боялись, что нас могут принять за новичков, которые вообще не видели «мессера». Говорить о том, что мы вдвоем сбили десять немецких истребителей и бомбардировщиков, было неудобно. Да товарищей и не интересовало это. Прежде всего они хотели знать, какие задания мы выполняли. Упомянув о сопровождении штурмовиков, Тильченко подробно рассказал о свободном полете.

— Свободная охота нашим ребятам знакома! — живо отозвался молодой чернявый лейтенант с густым кудрявым чубом. — От Кишинева до Воронежа каждый день охотились за фрицами в небе. Научились!

— Вы с первых дней на фронте? — поинтересовался я.

— С первых часов, дорогой сержант! — не без гордости ответил он. — Повеюем — познакомимся. А сейчас приглашаю на партию в шахматы. Прошу в тень.

Мы с Тильченко играли слабо и приглашения не принимали. Не нашлось желающих и среди ветеранов.

— Свои бояться со мной играть, — серьезно заметил лейтенант. — Ну а вы-то почему отказываетесь? Не нравятся шахматы, могу в шашки или домино.

Я тихонько спросил своего соседа, кто этот чернявый лейтенант.

— Это Амет-Хан Султан. Парень-орешек. Самолетом владеет как бог.

Я пошел рядом с Амет-Ханом. Он стал рассказывать какой-то веселый случай, связанный с игрой в шахматы. За ним потянулись все, кто стоял поблизости. Я, конечно, и не предполагал, что, сделав первые шаги по одной тропинке с Амет-Ханом, отмеряю вместе с ним, прекрасным человеком и бесстрашным истребителем, тысячи километров воздушного пространства, что вместе мы будем драться в сотнях боев против гитлеровцев и оба дважды будем удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Мог ли думать, что подружусь с ним на всю жизнь, что почти через тридцать лет провожу моего неугомонного, жизне-радостного друга в последний путь... *

Командир полка гвардии майор А. А. Морозов вызвал Тильченко и меня в свой кабинет. Он подробно расспросил нас о предшествующей службе, а затем рассказал о своем полке. Тут-то мы и узнали, что сам командир и часть летчиков нынешнего состава первый бой с «мессершмиттами» провели над Кишиневом утром 22 июня 1941 года и что потом они с боями отходили на восток. Морозов особо подчеркнул, что ветераны полка имеют большой опыт воздушных сражений с врагом.

— На днях получим новые самолеты, — после паузы сказал он, — облетаем их, а потом перебазировемся. Куда? Я еще и сам не знаю.

Прошло несколько относительно спокойных дней. Получив новые истребители Як-7, мы изучали их и непрерывно тренировались.

* После войны дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан стал прославленным летчиком-испытателем и трагически погиб в 1971 году при испытании самолета. — *Прим. ред.*

В те дни стало известно, что получен приказ о награждении летчиков и техников.

За наградами мы приехали в Тулу. Большой зал заполнили войны, представители партийных и общественных организаций города. Играл духовой оркестр, все было очень торжественно.

Когда на сцене поднялся занавес, мы увидели в президиуме депутата Верховного Совета СССР М. Ф. Шкирятова. Представитель Москвы и вручал награды. Одной из первых назвали фамилию Амет-Хана. В списке награжденных были и мы с Тильченко...

Утром построились поэскадрильно. Командир полка, пробежав взглядом по шеренге, объявил:

— Товарищи, перелетаем в Сталинград... — Выдержав паузу, он продолжал: — Маршрут — Тула, Тамбов, Саратов, Сталинград. За Саратовом возможны встречи с противником. Не исключено, что на пути к аэродрому придется вести бой.

Назвав ведущих эскадрилий, командир полка приказал назначить ведущих звеньев и проложить на картах маршруты. Затем установил срок готовности.

Все занялись картами.

— Какой конечный пункт? — спросил кто-то из летчиков у нашего комэска Рязанова.

— Полевой аэродром... — быстро ответил комэск.

Николай Тильченко заметно оживился, услышав это название.

— Могу дать точные справки относительно ориентиров! — возбужденно сказал он. — Мы с Лавриенковым летим туда, как домой.

Перед вылетом в эскадрилье побывали командир полка и комиссар Миронов.

Комиссар взволнованно рассказал о трудной обстановке, сложившейся в Сталинграде. А через несколько часов мы увидели окутанный дымом, пылающий Сталинград.

Я мысленно похвалил Николая Тильченко, успевшего рассказать товарищам о полевом аэродроме. Окна, которые время от времени появлялись в сплошной дымовой завесе, позволяли определить основные ориентиры: трубы завода имени Октябрьской революции, элеватор, длинные цеха Тракторного. И все же нам с Николаем было легче,

чем остальным, ориентироваться в обстановке. Мы помнили силуэт города и цепко держались рукава Волги — небольшой речки, вблизи которой находился отведенный нам аэродром. Внимательно приглядываясь к земле, на каждом километре которой шли бои, я не забывал следить за тем, что происходило в воздухе.

Нам было ясно, что на земле, на каждом ее километре, разгоралась битва с врагом. А что происходит в небе? Как и все летчики, я в те минуты переживал не за себя, а за техника, который сидел в «яке» за спинкой кабины. Для того чтобы сразу после посадки наш полк мог вести бои, мы забрали наших техников и мотористов с собой. Что ожидало бы наших верных фронтовых друзей, напади на нас «мессершмитты»?

Наконец показался аэродром. Летное поле было плотно заставлено самолетами. Один край аэродрома бугрился капонирами, а на другом краю тысячи людей сооружали новые укрытия и маскировочные приспособления.

Дождавшись очереди, я сделал два круга над аэродромом и пошел на посадку. Выпустил шасси и вдруг увидел, как на меня (я шел последним) заходят два «мессера». Меня бросило в жар: гитлеровцы вот-вот расстреляют мой тяжелый, повисший на крыльях самолет. Какой истребитель пропустит возможность свалить противника на посадке или на взлете, когда он не имеет скорости и практически почти беззащитен!

Первая мысль была: убрать шасси. Сделав это, я дал полный газ, а скорости — никакой. В какую-то долю секунды я все же успел бросить машину в сторону. Пулеметная очередь пронеслась рядом.

Но опасность еще не миновала. В баках моей машины кончалось горючее — остаток его уже не показывали приборы. Мотор делал последние обороты.

Когда же я вторично выпустил шасси, одно колесо не стало на замок. Очевидно, пулей все-таки задело воздушный провод.

Раньше мне уже приходилось сажать самолет на одно колесо, и все кончалось благополучно. На этот раз ситуация была более сложной — ведь в машине кроме меня находился техник. Стало быть, я рисковал не только своей жизнью...

Машина не подвела меня. Немного пробежав на одном колесе, «як» начал клониться в сторону неисправного

шасси. Главное — удержать его в таком положении, чтобы он не задел крылом о почву. И это удалось сделать. Самолет легко зацепил винтом землю, когда совсем упала скорость, и остановился. Выбравшись из машины, мы с техником первым делом внимательно осмотрели ее и убедились, что ремонт предстоит совсем несложный.

СТАЛИНГРАД — РУБЕЖ ЖИЗНИ

Плоская, как стол, равнина в районе базирования являлась идеальным местом, где без труда можно было разместить десятки аэродромов. Их здесь и было немало. Наша площадка, плотно заставленная самолетами, видимо, была основной. Гитлеровская разведка уже засекла ее и постоянно держала под наблюдением.

«Мессершмитты» шныряли над нами на большой высоте. Навстречу им каждый раз устремлялись краснозвездные истребители, завязывали бои. Нельзя было допустить, чтобы в пятидесяти километрах от фронта, в нашем тылу, господствовала в воздухе фашистская авиация.

Так было и в тот день, когда после всех злоключений трактор затянул наш «як» в капониру. Над головой у нас строчили пулеметы, слышались глухие залпы пушек. В стороне от аэродрома падали подбитые самолеты. Нас с техником, хлопотавшим у поврежденного «яка», сначала это заставляло втягивать голову в плечи. Но прошло каких-нибудь полчаса, и мы свыклись с обстановкой, работали, ни на что не обращая внимания. Однако одно событие все же отвлекло нас от дела.

Неизвестно как и откуда к нам пробился транспортный «дуглас». Стал заходить на посадку. А тут, чего и следовало ожидать, на эту совершенно беззащитную машину набросились два «мессера». Посланные ими снаряды вспороли землю прямо возле нашей стоянки, заставили нас бросить инструмент, прижаться к земле.

Ну, думаем, не уйти «дугласу» от гибели. А он, представьте себе, продолжает по всем правилам снижаться, переходит на выравнивание, приземляется. И ничего страшного пока не происходит.

Фашистские летчики, видимо, не могли простить себе такой промашки. Один «мессер» ушел вверх, чтобы прикрыть своего напарника: тот, стреляя по «дугласу», который совершал пробег, круто, со свистом пикировал прямо

на аэродром. Видя, что попасть в цель не удастся, гитлеровец вошел в еще более крутое пикирование, одержимый слепой яростью, просчитался. Высота оказалась столь малой, что выйти из пикирования он уже не смог. На виду у всех «мессер» врезался в землю. Раздался оглушительный взрыв, во все стороны брызнули осколки и пламя.

Радуюсь столь неожиданному обороту дела, мы снова взялись за ремонт.

Закончили его поздно вечером. Ночевать решили в длинном колхозном сарае на свежем сене, застеленном брезентом. Я пришел на ночлег последним. В потемках начал искать местечко, где бы приткнуться.

— Падай сюда! — позвал кто-то.

Ну, конечно, это был Тильченко! Кто еще станет ждать своего напарника, как не ведущий!

— Ну как, порядок? — спросил Николай, когда я, сняв ремень и гимнастерку, стал укладываться рядом с ним.

— Завтра проверим гайки, почистим оружие, и можно будет облетать.

— Утром полк перескочит на другой аэродром. Километров двадцать, не больше. Доберешься туда сам.

— Почему сразу не сели там, где надо? — в сердцах спросил я. — Может, и не случилась бы со мной эта неприятность...

— Хватит гудеть... Дайте людям спать! — пробурчал кто-то рядом, резко перевернувшись.

Я слышал, как Тильченко несколько раз тяжело вздохнул, и невольно притих. Могли ли мы знать, что проводим вместе последнюю ночь?..

Все произошло так нелепо! Утром полк, взлетев парами, оставил перегруженный, уже известный противнику аэродром. Николай Тильченко один, без ведомого, оторвался от земли последним.

Мы с техником стояли возле своей машины на краю поля.

Самолет Тильченко пробежал мимо нас, и мне показалось, что Николай помахал нам рукой. Мы долго смотрели ему вслед.

«Як» моего ведущего только еще набирал высоту, когда на него напали два «мессера». После нескольких очередей машина Тильченко резко пошла вниз.

Мы на земле сжимали кулаки, кусали до крови губы. Наш командир звена, которого я столько раз иногда неумело, но всегда самоотверженно защищал, погибал у меня на глазах. Тильченко не стал ждать меня, чтобы не терять времени: каждый вылет был тогда очень важен. Он летел последним в строю и оказался беззащитным.

«Як» взорвался километрах в десяти от аэродрома. Черный столб дыма поднялся над ровной степью...

Возможно, на том месте, где произошла трагедия, люди когда-нибудь найдут орден Ленина, уцелевший в огне. Не знаю... Знаю только, что в моей душе и в сердцах однопольчан навсегда сохранится добрая память о бесстрашном бойце — нашем верном друге...

К вечеру я тоже был готов вылететь на новый аэродром. Пока испытывал мотор, техник стоял в стороне и наблюдал за небом. Вскоре он подал мне знак, что в воздухе никого нет, после чего быстро занял свое место в фюзеляже, и мы взлетели.

Пролетая над степью, я напряженно разглядывал землю, но так и не увидел выгоревшего круга на том месте, где взорвался самолет Николая Тильченко. Оно, наверно, и лучше, что ничего не увидел. Тильченко и сейчас для меня живой. Мне иногда кажется, что он просто полетел на боевое задание и должен еще возвратиться.

Новый аэродром оказался значительно спокойнее, чем тот, что находился в прежнем районе, да и самолетов здесь было меньше. Неподалеку от него лежало небольшое село. Меня определили в избу, где уже располагались человек пять. Но место нашлось — двор был завален ранним сеном. Сено, кстати, нас выручало всюду: в избе, в машине, на которой ездили на аэродром, в землянке КП, на стоянке около самолетов. Его пьянящий дух перебивал запах пыли и бензина, напоминал каждому о далеких родных краях.

После трагической гибели Николая Тильченко я стал ведущим пары. Нашему полку поручили прикрывать переправы через Волгу. Одопольчане, уже побывавшие на берегу, рассказывали, что там творилось. Гитлеровцы бесновались, потому что им не удалось с ходу захватить Сталинград. Ворвавшись в город, они натолкнулись на ожесточенный отпор, да так и не смогли продвинуться к

реке. Четвертый воздушный флот гитлеровской люфтваффе сосредоточивал свои бомбовые удары по переправам, а «мессеры» висели в воздухе, не подпуская наших истребителей к бомбардировщикам.

И все же переправы пропускали на правый берег воинские части, а на левый — местных жителей, эвакуированных в Заволжье.

— Летишь с Анашкиным, — сказал комэск, объяснив мне задачу.

Летчики спешили к стоянкам.

«С Анашкиным», — повторил я про себя. Фамилии Рызапова, Амет-Хана, Борисова, Степаненко, Бугорчева, Кобельникова мне уже о многом говорили. Анашкина я почти не знал, и теперь нам с ним предстояло сменить дежурную пару над Волгой.

Набрав высоту, мы прошли реку и продолжали полет, всматриваясь в небо. Искали бомбардировщиков — было бы лучше встретить их подальше от переправы.

И «юнкеры» не заставили долго себя ждать — они группами шли к Волге. Я различил первую тройку, за ней показалась вторая. Решил немедленно атаковать ведущее звено.

«Юнкеры» приближались. Мы летели выше их, и я перевалил своего «яка» в пике. В этот ответственный момент и заметил, что Анашкина рядом нет. Что с ним случилось? Тягостно заныла душа. Еще раз оглянувшись и с радостью увидел советский истребитель из другого полка, бросившийся мне на помощь.

Стреляя, я разогнал группу вражеских машин, а мой неожиданный напарник меткой очередью поразил ведущего группы «юнкеров», пырнувшего под мой «ястребок». «Юнкерс» стал падать на берег Волги, а его ведомые в замешательстве сбросили бомбы куда попало. Несколько советских истребителей вели над нами воздушный бой, отвлекая на себя «мессершмитов». А мы тем временем ломали планы другой группы немецких бомбардировщиков. Остальные, убедившись, что переправу прикрывают «яки», не осмелились сунуться туда.

Мы с товарищем сбили второй «юнкерс», а третий серьезно повредили. Очистив небо над переправой, легли на обратный курс. Я надеялся, что коллега пойдет со мной вместе на наш аэродром, но он, оказывается, знал прямую дорогу домой. Покачивая крыльями, как бы попробо-

щавишись, он оставил меня одного. Появление неизвестного напарника в трудную минуту так тронуло меня, что я в полете невольно вспомнил Николая Тильченко. Будто это он явился и помог мне...

Постепенно мысли возвратились к Анашкину. Где он? Почему отстал?

На аэродроме стоянка Анашкина была пустой. Рядом с ней поставил я свой самолет и направился к командиру, с волнением думая, как доложу о случившемся. Первый вылет — и такая неприятность!

Майор Морозов, очевидно, не раз принимал подобные рапорты и спокойно выслушал меня. Едва я заикнулся, что готов немедленно отправляться на поиски Анашкина, командир полка перебил меня:

— Сначала отдохни. Надо немного подождать. Он еще может вернуться.

Когда я вышел из землянки Морозова, над аэродромом пронесся «як». Я машинально стал следить за ним. Вижу: развернулся, сел, рулит к моей машине. Анашкин! Я чуть не запрыгал от радости.

— Куда ты подевался? Где был?

— А ты куда исчез? — вместо ответа спросил Анашкин. — Я доложил тебе по радио о «юнкерсах». Пошел в атаку... Ты не отозвался. А времени в обрез. Что было делать?

В этом энергичном, порывистом юноше я как бы узнал самого себя. Хорошо, что он, как я сам когда-то, вырвался из трудной переделки... И все же я высказал Анашкину все то, что не так давно выслушивал от своего ведущего Николая Тильченко.

Совсем недавно Сталинград был зеленым городом со светлой рекой, массивными крышами заводских цехов, с чистыми длинными улицами. Таким я видел его с воздуха, таким он являлся и на самом деле. Теперь с высоты открывалась иная картина. Вместо квадратов красных и белых крыш внизу темнели только коробки зданий. Фашистская орда методично разрушала город, огнем выжигала в нем все живое.

Особенно резко изменился Сталинград после страшного налета немецких бомбардировщиков 23 августа. Изменился — не то слово. Просто не стало того города, который

Т. Т. Хрюкин

Л. Л. Шестаков

Н. А. Верховец

В. С. Никитин

Д. В. Спиридонов

М. С. Баранов

Г. П. Кузьмин

мы знали. На его месте виднелись только обгоревшие коробки здалий да густыми клубами, закрывая все на своем пути, стался черный дым. Сердце сжалось от боли, когда я увидел это, вылетев на сопровождение «илов».

Наши штурмовики имели задание находить позиции вражеской артиллерии, места скопления боевой техники, склады и бить по ним. Гитлеровцы уже проникли к центру и к прибрежным улицам Сталинграда. Мы поняли это по тому, что именно оттуда уже стреляли по нас «эрликоны». На одних участках реки паромы и лодки, крадучись, плыли нередко под градом бомб в противоположную от города сторону. На других, наоборот, тянули по реке в сторону Сталинграда пушки, бойцов, ящики с боеприпасами. Защитники волжской твердыни готовились к новым боям. Их кровью была уже полита земля Сталинграда. Они и не думали отдавать ее врагу.

Так обстояло дело на земле. В небе Сталинграда преимущество имела гитлеровская авиация. Однако она не стала хозяйкой положения. Когда на боевое задание вылетало двое, четверо, шестеро советских летчиков, они, не раздумывая, нападали на десять и двадцать «мессершмиттов», стреляли по ним до последнего патрона, а когда замолкали пулеметы, шли на таран.

Вся страна в те дни услышала о подвиге старшего лейтенанта Михаила Баранова. И хотя этот молодой летчик уже и раньше отлично проявил себя в воздушных поединках и имел на своем счету двадцать сбитых вражеских самолетов, мы все тоже были потрясены этим его боем с «мессершмитами». А кое-кто даже наблюдал это удивительное зрелище с земли.

Дело было под вечер, когда после напряженной боевой работы летчики, как обычно, собрались возле полковой радиостанции. Именно в этот момент в чистом небе неожиданно появилась группа «юнкеров», сопровождаемых истребителями прикрытия. В тот же миг прозвучал сигнал вылета по тревоге, и наши «яки» поднялись навстречу врагу.

Силы были неравны. Однако Михаил Баранов смело врезался в боевой порядок «мессеров», и один из них тут же загорелся.

Надо сказать, что наши истребители по тактико-тех-

пическим данным не уступали самолетам Me-109. И потому мы не удивились, увидев, как старший лейтенант после блестящей атаки ушел на высоту. Другое «яки» сразу разобрали «юнкерсов» и стали преследовать и обстреливать их, защищая центральную переправу. Именно в этот момент Баранов на большой скорости стремительной атакой сбил «юнкерса», который неосторожно отделился от группы. Оглядевшись, летчик заметил, что несколько «мессеров» атаковали наш отставший штурмовик. Заметил и то, что «ил» даже не пытался отбиваться. Он едва тащился над землей к своим. Улучив момент, когда фашистская машина, выйдя из атаки, набирала высоту, Михаил одной очередью оборвал ее полет...

Когда находишься в воздухе, в смертельной карусели, нет времени следить за своими товарищами. И все же почти каждый летчик фиксирует момент атаки или падения самолета. Те, кто видел, как старший лейтенант свалил трех фашистов в этом бою, послали весть об этом в эфир, на землю. Затаив дыхание, мы, на земле, увидели, что Баранов снова пошел в атаку. Однополчане, находившиеся в воздухе, и те, кто стоял на земле, ясно понимали, что для его пулеметов осталось совсем мало патронов и действовать ему надо очень осторожно.

Баранов догнал «мессера», который оказался в невыгодном положении, и ударил крылом по хвосту. Тот сразу повалился вниз, а наш летчик на удивление всем, кто видел это, как ни в чем не бывало устремился ввысь. И тут внезапно напоролся еще на одного немецкого истребителя.

Они шли на встречных курсах. Такие ситуации бывают в бою в момент, когда только сближаются группы. Здесь ситуация была иной. Возможно, гитлеровец охотился именно за «яком» Баранова, которого не брали пули.

Два самолета шли друг на друга на высоких скоростях. И что же? После столкновения двух самолетов среди хаоса обломков, летевших на землю, вдруг забелел парашют. Михаил Баранов вернулся в полк.

Через несколько дней политуправление Сталинградского фронта выпустило листовку, посвященную Михаилу Баранову. В ней говорилось: *«Отвагу и мужество в воздушных боях проявил летчик М. Д. Баранов. Товарищи летчики! Истребляйте немецких оккупантов! Бейте их так, как это делает Герой Советского Союза Михаил Баранов!*

Он уничтожил в воздухе 24 вражеских самолета, вывел из строя сотни автомашин, бензоцистерн, паровозов, истребил около тысячи гитлеровских солдат и офицеров. Слава герою Михаилу Баранову!»

Однажды мы с моим новым ведомым Борисовым сопровождали «илы», которые штурмовали вражеские позиции в городе. Наземные войска противника вызвали на помощь «мессершмитты», которые люто набросились на нас. Обстоятельства сложились так, что в ходе боя нашей паре пришлось разделиться. Я открыл предупредительный огонь, перекрывая фашистским летчикам путь к «илам». Борисов отвлек на себя двух «мессеров». Вдруг вижу: мой напарник горит. А через минуту пилот выбросился из горящей машины, беззащитный, повис под куполом парашюта. Любой ценой надо было защитить ведомого.

Как мне это удалось, как смог выйти победителем из боя с четырьмя немецкими истребителями — рассказать не могу. Зная только, что свой «як» я ввел в спираль, а затем медленно делал круги, снижаясь и сопровождая Борисова до самой земли. Только убедившись, что товарищ в безопасности, я перевел дух. Но успокаиваться было рано. Против меня действовала четверка немецких истребителей. На мое счастье, у троих из них, видимо, кончилось горючее: постреляв, они довольно быстро повернули на запад. Но четвертый... Я и теперь помню его облезлый фюзеляж, желтый расплывчатый рисунок на капоте. Четвертый бросался на меня как осатанелый, он не жалел себя. И все же мне удалось перехитрить гитлеровца. Во время очередной атаки он проскочил мимо и на какой-то миг потерял меня. Тут-то я и обстрелял его. Облезлый фюзеляж мелькнул передо мной своими желтыми пятнами, и «мессер» стал падать, разматывая черный шлейф дыма...

Много раз приходилось мне под Сталинградом летать на разведку. Для истребителя — это было самое почетное и ответственное задание.

Как-то я полетел с Амет-Ханом разведать тыл противника километрах в двухстах пятидесяти западнее Сталин-

града. Маршрут был мне хорошо известен, ориентировался легко. Нужно было только смотреть, смотреть в оба, все запоминать и остерегаться засад «мессершмиттов».

Стоял октябрь. Грустными, безлюдными показались мне донские степи и села. Повсюду виднелись следы ожесточенных бомбежек.

Калач, Суровикино, Чернышевская, Морозовская... Летели низко, чтобы нас не сбили зенитки. На бреющем земля несется под тобой с сумасшедшей скоростью, а потому нужно молниеносно схватить взглядом все, что требуется. На аэродроме в Морозовской мы обнаружили около 200 немецких самолетов. В Калаче засекли колонну машин и танков, приближавшихся к переправе. Чтобы кое-что уточнить, мы развернулись за Доном и снова пролетели по тому же маршруту, а после этого взяли курс на свой аэродром. Лететь предстояло через Сталинград: это было необходимо, чтобы заглянуть в некоторые знакомые нам балки и, в частности, в Песчаную, где гитлеровцы сосредоточивали резервы и имели многочисленные склады.

Не зря заглянули мы в Песчаную: там было темно от машин и танков.

Задание было выполнено. Теперь предстояло проскочить через Сталинград, за Волгу. Здесь нас и засекла шестерка фашистских истребителей.

Атака шестерки — это ливень свинца. Куда деваться? Ища спасения от огня, мы чуть ли не прижимались к развалинам. Перед самыми глазами мелькали коробки сгоревших зданий. Только в одном месте подымался и расползался над южной стороной города, над Волгой черный дым. Там уже с полмесяца горели нефтесклады. Решение родилось одновременно у обоих: укрыться в дыму! И решение это было правильным.

Полоса дыма оказалась длиннее, чем мы предполагали. Выскочили из нее уже над левым берегом Волги, не вдалеке от своего аэродрома.

С утра до захода солнца — полеты, полеты. Перед нами горящий Сталинград. Но мы знаем: среди руин, в подвалах, в землянках на смерть стоят пехотинцы. Мы, летчики, не отстаем от них — деремся в воздухе до последнего патрона. Самолетов в полку становится все меньше,

пилотов — тоже. Пополнения пока не получили. К началу октября в нашем 4-м полку осталась совсем небольшая группа ветеранов и несколько новичков. Совместные бои, потери, все пережитое очень сплотило людей. Мы чувствовали себя единой семьей. И обычаи, сложившиеся в полку, соблюдали свято. Вот почему я давно перестал удивляться, слыша, как каждый вечер по пути в общезнание Амет-Хан непременно делал один-два выстрела из пистолета в воздух и при этом восклицал: «За живых!» Мне давно разъяснили, что так здесь было заведено с первых дней войны...

Непрерывные боевые вылеты требовали огромного напряжения сил. Наверное, поэтому мы постоянно не высыпались. Спали в машине, по дороге на аэродром, в землянке, пока комэски готовили задания, под крылом самолета, как только выпадала свободная минута.

«Мессершмитты» почти непрерывно патрулировали над Сталинградом. Противник имел большое количественное преимущество в самолетах. Но гитлеровцы даже временно так и не стали хозяевами в воздухе. Стоило только нам вылететь солидной группой, как мы быстро очищали родное небо. Немецкие летчики быстро научились узнавать наших асов Амет-Хана, Степаненко, Борисова, Лещенко. Как только они появлялись в составе группы, фашисты сразу оттягивали воздушную карусель к своим базам и немедленно вызывали подкрепление.

В одном из боев над городом Амет-Хан сбил двух вражеских истребителей. Правда, его самолет тоже оказался поврежденным. Амет-Хан выпрыгнул с парашютом над самой Волгой. Я со своим ведомым защищал его в то время, как паши однопольчане продолжали бой. Амет-Хан умело направлял свой парашют. Ему удалось замедлить спуск, и ветер спес его на берег. Но пока Амет-Хан приземлялся, мне тоже крепко досталось: вражеский снаряд разорвался под сиденьем моего «яка».

В тело вонзилось несколько осколков, но отделался я, в общем-то, легко. Врач на аэродроме быстро оказал мне помощь, и через полчаса, когда потребовалось снова послать группу истребителей к переправе, я полетел вместе с товарищами.

Вечером в полк как ни в чем не бывало, держа в руках аккуратно сложенный парашют, явился Амет-Хан.

...В середине октября защитников Сталинграда ожидали самые тяжелые испытания: немецко-фашистские войска перешли в наступление. Борьба разгоралась на большой площади. Она шла за давно разрушенные заводы: Тракторный, «Баррикады», «Красный Октябрь». Мы видели этот район города с воздуха, здания были сожжены и разрушены до самого основания. Но в эти дни развалины словно ожили: окопавшиеся в них советские войска оказывали героическое сопротивление врагу. Немецкая авиация пыталась засыпать бомбами каждую нашу огневую точку. И мы, истребители, защищали с воздуха наших нехотинцев, артиллеристов, минометчиков от немецких бомбовозов.

Сейчас точно известно, что в начале октября 1942 года четвертый гитлеровский воздушный флот бросил на этот участок 850 самолетов, а наше командование располагало всего 373 машинами. Наш полк таял на глазах. Новых машин мы не получали, пришлось обходиться только уцелевшими и отремонтированными в полевых условиях. Примерно такое же положение сложилось во всей 8-й воздушной армии, которой командовал генерал-майор авиации Т. Т. Хрюкин.

Командарм нередко бывал у нас в полку, беседовал с нами, рассказывал о положении на фронтах. В те труднейшие для Сталинграда дни он решил собрать самых опытных летчиков из всех полков и перебросить их вместе с машинами на берег Волги, ближе к переднему краю и к переправам. Отсюда легче было действовать из засад, кроме того, самолеты могли больше времени паходиться в воздухе.

Из нашего полка в засаду вылетела четверка. В нее вошли Амет-Хан, Борисов, я и еще один летчик. Сели у большой деревни, на берегу. Был поздний вечер, но за рекой не смолкала стрельба. К нашим самолетам в темноте подъехали бензовозы. Мы пополнили горючее и улеглись под крыльями спать.

Утром мы увидели, что самолеты умело замаскированы. Прихватив полотенце, я побежал к Волге умыться. Пролез сквозь кусты тальника и оказался на чистом песке, перед широкой, по-осеннему мутной рекой. Раздевшись до пояса, обдал себя прохладной водой, с наслаждением стал черпать ее руками и вдруг заметил недалеко небольшие стравные плоты. Присмотрелся — на них люди.

Кто подгребал веслом, кто — доской. Один из плотов повернул к берегу, другие относил дальше. С того, что ткнулся в песок, первым сошел старик и стал спимать изможденных оборванных детишек.

Засмотревшись на детей, я не заметил, что произошло на одном из плотов, которые причаливали к берегу, но вдруг услышал отчаянный крик. Бросился на голос и увидел двух детей, боровшихся с течением в нескольких метрах от берега. Я подбежал вовремя и вынес детей на сушу.

Это оказались мальчик и девочка лет пяти-шести. Бледные, насмерть перепуганные, они вцепились в меня посиневшими ручонками и прикили ко мне, дрожа от страха. Сердце дрогнуло от жалости. Никогда, ни до этого, ни после, не испытывал я таких горьких минут...

Засад на берегу было несколько. Позавтракав, мы увидели, что справа взвилась сигнальная ракета, и сейчас же заревели моторы. Взлетели «лабочкины», и в небе тут же послышалась стрельба. «Мессершмитты» уже были над нами. Прошло несколько минут, и прямо в Волгу рухнул один из советских истребителей. Вскоре та же участь постигла один самолет противника. Но нашу четверку почему-то никто не беспокоил — может, о ней забыли?..

Ожидая сигнала, мы сидели под машинами, замаскированными ветками. Воздушный бой, не умолкавший ни на минуту, откатился куда-то в сторону, над нами все стихло. Так и прождали сигнала до вечера. На закате пришел приказ возвратиться на свой аэродром. А вскоре я узнал, что на том месте, где находилась наша засада, был оборудован ложный аэродром, неизменно привлекавший к себе немецкие бомбардировщики.

В октябре 1942 года гитлеровцы овладели территорией Сталинградского тракторного завода и вышли к Волге. Их бомбардировочная авиация действовала непрерывно. А наш поредевший истребительный полк был в состоянии лишь посылать на разведку один-два самолета.

В один из дней мне приказали пройти вдоль железной дороги до Котельниково, просмотреть ближайшие станции и разъезды, а на обратном маршруте — линию соприкосновения наших войск с противником в районе озера Цаца.

Садовое, Гремячий, Котельпиково, Дубовское — в каждом полете мы обнаруживали на этом маршруте эшелоны. А там, где находились эшелоны, по нас остервенело били зенитки. Так было и в тот раз, когда я один летел на малой высоте чуть в стороне от железнодорожного полотна, пытаясь разглядеть силуэты паровозов и вагонов.

Возвращался над прикаспийской степью, над озерами и редкими селениями. В степи обнаружил ходы сообщения, артиллерийские позиции, транспорты на дорогах. Потом показались озера, заросшие густым камышом. Здесь, как предупредили меня, часто сосредоточивались вражеские войска, и надо было смотреть в оба.

Вначале ничто не вызывало подозрений. Потом в зарослях камыша мелькнуло темное квадратное пятно. Развернулся, прошел снова над камышами. И сразу увидел четкие контуры танка, прикрытого ветками. Развернулся еще раз, снизился. Танков было больше сотни.

По моему самолету не было сделано ни единого выстрела: те, кто находился на земле, не хотели себя обнаруживать. Им важно было сохранить втайне скопление войск. Они явно готовились к наступлению.

С этим твердым убеждением летел я домой, и было очень грустно на душе. Нашей боевой техники почему-то пугде не видно, а враг подтягивает свою, душит Сталинград...

Приземлившись, я бросился бегом на КП. По моему виду майор Морозов понял, что я привез важные сведения.

— Говори, будем сразу передавать твоё донесение в штаб армии, — сказал он и взялся за телефон.

Связавшись со штабом, Морозов протянул трубку мне.

— Докладывайте. Слушаю вас, лейтенант, — услышал я голос командарма.

— Товарищ генерал, в районе озера Цаца сосредоточено около сотни танков...

— Ни слова о том, что вы видели! — оборвал меня командарм. — Доложите, что разведано на территории противника. Ясно?

— Ясно, товарищ генерал!

Мне действительно было все ясно: очевидно, я первый из нашего полка увидел советские танки, подвешенные к фронту!

Продиктовав оперативному дежурному донесение, я

ушел с КП. Переполненный предчувствием чего-то большого и важного, я боялся встретиться с кем-нибудь из однополчан, чтобы не заговорить о том, что будоражило мысли. Так, значит, боевая техника и люди у нас есть. Советское командование готовит сокрушительный контрудар по врагу. Значит, самолеты тоже стоят где-то на запасных аэродромах, ждут своего дня!

Мысли снова и снова возвращались к танкам. Такая сила незаметно подтянута к самому фронту! Какое это большое искусство! Десятки машин были безупречно скрыты от наблюдения воздушной разведки, а одна была замаскирована плохо, и это сводило на нет усилия многих людей! Думая об этом, я отчаянно ругал того растяпу, который невольно подвел товарищей...

В конце октября командир нашего полка собрал всех летчиков и объявил, что Амет-Хана, Степаненко, Борисова и меня откомандировывают в авиаполк, который находится в тылу на переподготовке и пополнении.

За ужином майор Морозов, подняв фронтовую чарку, сказал:

— Мне тяжело отпускать сразу четырех хороших летчиков. Амет-Хан, Степаненко и Борисов прошли под Знаменем нашего полка большой боевой путь. Лавриненков за три месяца перенял самое ценное из нашего опыта и стал достойным членом нашего гвардейского коллектива... Утешает только то, что мы посылаем четырех летчиков в прославленный девятый гвардейский полк. Он не раз летал вместе с нами. Мы хорошо знаем его соколов и их командира подполковника Льва Шестакова. И я уверен, что еще не раз услышим имена Амет-Хана, Степаненко, Борисова и Лавриненкова. За их боевые успехи!

Перед тем как разойтись по избам, Амет-Хан выстрелил в воздух четыре раза. Это был традиционный «салют живым» и салют прощания с друзьями. Наши товарищи оставались на месте нести героическую вахту в небе над Волгой. А мы четверо направлялись в тыл, в зону тыпины, для боевой учебы.

Утром нас троих (Степаненко находился в госпитале) перевезли на трех По-2 в одно из селений.

Летели, казалось, недолго, а очутились на земле Казахстана.

В дни Сталинградской битвы эта станция и селение сыграли немалую роль в подготовке победы над врагом: здесь сосредоточивались и готовились резервы. Поселок на всю жизнь запомнился нам своими домишками, арбузами, верблюдами, невероятной перенаселенностью. И еще тем, что отсюда открывался безбрежный горизонт.

Девятый гвардейский полк, в который мы прибыли тревожной осенью 1942 года, ждал новых машин «Яковлев-1» вместо ЛаГГ-3, на которых летали до сего времени. На базе 9-го формировался особый гвардейский полк. Об этом мы догадались сразу. Что собой представлял 9-й гвардейский вообще, его историю, замечательные качества служивших в нем людей и его командира Льва Шестакова, мы, новички, познали до конца только со временем.

В общежитии мы застали двух девушек. Они были одеты в легкие комбинезоны, какие тогда носили летчики. О чем-то весело беседовали, усевшись на покрытом одеялом матраце. Увидев девчат, мы решили, что попали не по адресу, и растерянно остановились в дверях.

— Проходите! Не смущайтесь, — сказала одна из летчиц. — Вы только прибыли?

— Да, — подтвердил кто-то из нас.

— Мы тоже. Давайте знакомиться. Лиля Литвяк. А это Катя Буданова.

Не успели оглядеться, как вслед за нами вошла группа мужчин. На их гимнастерках сверкали награды. Среди вошедших было три Героя Советского Союза. Один из них — блондин среднего роста — сразу привлек мое внимание.

— Баранов, — назвал он себя.

Я с восторгом смотрел на него. Славные боевые дела Баранова были известны всем летчикам, мы помнили его по портретам в газетах, знали, что служит он где-то рядом с нами, иногда и встречались в воздухе. Баранов в те дни был самым популярным истребителем на нашем фронте.

Оглядев новичков, он стал расспрашивать, кто откуда прибыл.

Тут-то мы и узнали, что капитан Баранов является заместителем командира 9-го гвардейского полка. Он представил нам своих товарищей Героев Советского Со-

юза И. Г. Королева и В. А. Серогодского. И сказал, что девушки тоже командированы к ним в полк и что на счету у каждой уже имеется несколько сбитых самолетов.

— Устраивайтесь, товарищи, кому где нравится, — показал Баранов на длинный ряд аккуратно застеленных матрацев.

— Я уже выбрал! — объявил Амет-Хан и бросил свой чемоданчик на матрац, находившийся рядом с тем, на котором только что сидели девчата.

— Возьми и меня в соседи! — поспешил Борисов.

Я тоже присоединился к ним.

— А вас я попрошу ко мне, — обратился Баранов к летчицам.

Амет-Хан разочарованно поморщился, присаживаясь на табуретку.

— А я надеялся, капитан, что вы оставите девушек с нами хотя бы до вечера. Скоро и разговаривать с представителями прекрасного пола разучимся.

— Еще поговорите! — успокоил его Баранов. — И па земле, и в воздухе будете вместе. До встречи за ужином!

Мы пошли прогуляться. Деревянные домики, украшенные резьбой, деревянная церквушка, мазанки, приветливые местные жители — все казалось родным, напоминало мне родную Смоленщину...

За ужином собрались вновь прибывшие и старожилы. Новичков было больше, но, как выяснилось, явились еще не все, а потому никто официально не приветствовал нас. Но летчики, как известно, народ общительный. Все быстро перезнакомились, заговорили о своих делах. Командир полка Герой Советского Союза подполковник Шестаков и комиссар — старший батальонный комиссар Верховец сидели тут же.

В тот вечер я и услышал кое-что об истории полка и о его командире.

Л. Л. Шестаков командовал полком с первого дня войны. Командовать полком в двадцать пять лет, да еще в таких сложных условиях, — на это способен не каждый. Полк выстоял во время блокады Одессы — семьдесят три дня находился он в окружении вместе с пехотинцами и минометчиками. Аэродром и взлетные площадки размещались рядом с боевыми позициями наземных войск, а в последние дни — на футбольном поле стадиона. Но это не мешало летчикам успешно выполнять боевые задачи.

Одиннадцать Героев Советского Союза родилось в полку в те дни: М. Е. Асташкин, А. А. Елохин, И. Г. Королев, С. А. Куница, А. А. Маланов, Ю. Б. Рыкачев, В. А. Серогодский, В. Т. Топольский, А. Т. Череватенко, Л. Л. Шестаков, М. И. Шилов. Жестокие бои под Одессой выковали не одну крепкую, как гранит, воинскую часть. И 9-й полк не был в этом смысле исключением. Летчики, инженеры, механики, техники, мотористы полка составляли единую семью, у которой было общее дело и одна судьба.

Отвагу и волю людей, их стремление в бой и творческую энергию разумно направляли, поддерживали командир и комиссар части. И сами они являлись для летчиков примером стойкости, мужества, потому что оба были бесстрашными воздушными бойцами.

В небе Сталинграда 9-й гвардейский тоже прославился немеркнущими подвигами. Вот в какую часть довелось нам попасть!

За ужином я увидел всех летчиков полка, ветеранов и молодых. Держались они скромно, как и их командир, хотя почти все имели награды.

Командир и комиссар беседовали с каждым вновь прибывшим. Разговор велся простой, непринужденный. Но после него каждый из нас почувствовал себя как-то уверенней.

Комиссар Николай Андреевич Верховец носил в петлицах две шпалы и имел два боевых ордена. В облике его было что-то орлиное, и на меня он произвел очень сильное впечатление. Именно комиссар обстоятельно рассказал нам о Михаиле Баранове, и я узнал, что Баранов годом раньше меня окончил наше Чугуевское летное училище. В дальнейшем, ближе познакомившись с комиссаром, я понял, что не случайно с этого начался наш первый разговор. У старшего батальонного комиссара Верховца были свои приемы воспитания новичков. Подробно рассказывая об отличившемся летчике, он как бы давал понять, что совершить подвиг под силу любому. Немалую роль играло и то, что комиссар очень хорошо знал своих подчиненных, вникал в подробности биографии, старался понять особенности характера и поведения каждого из нас. А главное — держался просто, по-товарищески. Услышав, что мои родные остались на Смоленщине,

Николай Андреевич сочувственно вздохнул и сказал сердечно:

— И мои старики где-то па Сумщине... Вот и давай вместе пробиваться к родным краям. А товарищи нам помогут. Смотришь, так скорее и дойдем!

В конце беседы комиссар не преминул вспомнить о девушках-летчицах.

— Берегите девушек, не обижайте их, — сказал он. — Они пришли к нам из полка ПВО. Девушки отлично летают и уже сбивали фрицев. Дружите с девчатами, поддерживайте их боевое настроение. Их всего четверо в мужском полку. И чувствуют они себя, наверное, не очень уютно...

С подполковником Шестаковым я столкнулся неожиданно. Мы шли с летчиком Дранищевым мимо домика, где жили командир с комиссаром. На крыльце как раз стоял Шестаков. Он подозвал Дранищева (мы подошли вдвоем) и сделал ему замечание за неопрятный вид.

Лейтенант что-то сказал в свое оправдание и быстро застегнул все пуговицы на вороте гимнастерки. Но командир полка смотрел уже не на него, а на меня. Я прибыл в старой, куцей кожанке и к тому же еще не успел побриться.

— А ты кто такой? — строго спросил Шестаков.

— Старшина Лаврипенков, прибыл в ваш полк, товарищ подполковник.

— То, что прибыл, хорошо. А то, что небрит, плохо.

— Не успел, товарищ подполковник, — виновато сказал я, чувствуя, как проклятая щетина будто растет на глазах.

— Нельзя в таком виде показываться в новой части. Правильно?

— Правильно, товарищ подполковник.

— Идите побрейтесь, разыщите недостающие пуговицы для вашей кожанки и завтра явитесь ко мне.

— Есть, товарищ подполковник...

Мы пошли дальше. Дранищев, оглянувшись, заговорил вполголоса:

— Следи за собой, будь всегда аккуратным. Наш командир все помнит, все видит, все знает о каждом... Мы привыкли к этому, а новичку может показаться, что к нему придираются по мелочам...

Утром я стоял у дома командира полка. Поздоровавшись за руку, он предложил сесть. Прежде всего я заметил, что подполковник Шестаков хорошо выбрит. Он с интересом расспрашивал меня о предыдущей службе. А когда речь зашла о полетах и боях, тон его круто изменился. Я почувствовал себя так, будто Шестаков советовался со мной о больших общих делах. Не всякий командир умеет разговаривать с подчиненным как с равным себе в профессиональных вопросах. Мой командир умел делать это, и беседа сразу потекла непринужденно.

— Много молодых летчиков потеряли мы под Сталинградом, — доверительно сказал он. — Молодые хуже переносят нагрузки. А бои предстоят тяжелые. Говорю об этом не случайно. Наш полк не скоро начнет боевую работу. Мы отдохнем, получим новые машины, одним словом, начнем все сначала. У вас есть время хорошо подготовиться к предстоящим боям... Полетаем вдвоем и над аэродромом, и над Сталинградом. Вы уже сбивали фашистские самолеты. Я верю, будете хорошо летать и на новой машине. Судя по всему, у вас характер настоящего истребителя. И релган вам добудем тоже настоящий...

Двадцать два дня мы жили на окраине города Пугачева. Отдыхали на берегу живописного озера, много играли в волейбол, смотрели кинофильмы, обсуждали ход войны. А когда, бодрые и эдакие, возвратились на свой аэродром, там уже стояли рядами тщательно замаскированные самолеты Як-1.

Началось переучивание на новые машины. Мне оно давалось очень легко — ведь я уже совершал боевые вылеты на истребителе именно этой марки.

А в ноябре мы перекочевали в соседний колхоз, точнее, на его заставленные скирдами луга. Небольшое строение на лугах было одновременно и общежитием, и штабом полка.

Мы чувствовали себя сильными, готовыми к бою, но несколько дней совсем не летали. Приближалось начало большого контрнаступления. Мы ждали его.

Поздно светает в ноябре. Шестой час утра — еще ночь. Туман как бы сгущает тьму, и мы наталкиваемся друг на друга, снепа к машине, на которой обычно добирался до аэродрома.

Погода явно нелетняя. Зачем так рано подняли пас — трудно понять. На аэродроме тихо. Мотористы и техники почему-то не расходятся к стоянкам. Полк выстраивается в компактную колонну по четыре. Перед нами подполковники Шестаков и Верховец.

— Смирно! Равнение — на Знамя!

Знаменосец и два офицера-ассистента с оружием в руках проходят на правый фланг. И сразу светлеет, становится теплее.

— Настал час грозной и справедливой расплаты с немецко-фашистскими захватчиками! — взволнованно произносит командир полка и при свете фонаря начинает читать приказ командующего Сталинградским фронтом на наступление.

Вслед за тем подполковник Верховец прочитал Обращение Военного совета фронта к воинам — защитникам Сталинграда. И начался митинг. Летчик Борисов, техник звена Д. В. Кислягин и заместитель командира дивизии по политчасти полковой комиссар П. С. Огнев были предельно кратки: они точно выразили наше стремление идти в бой и быть врага.

И сейчас же техники и мотористы заторопились к самолетам. А летчикам приказали выслушать первое боевое задание.

Готовясь к вылету, мы в землянке при свете коптилок прокладывали на картах маршруты, деловито переговаривались между собой, и каждый с нетерпением ждал предстоящий боевой вылет.

Как все начнется? С чего? Мы думали, что прежде всего прогремит могучий гром, а услышали обычный глухой залп. А через секунду после него началось такое, что вздрогнула под ногами земля.

Мы стояли на берегу Волги. От вала огня, от беспощадной смерти, посланной советской артиллерией на головы врагов, нас отделяла лишь полоса воды. Мы понимали, что наступление — это в первую очередь битва на земле, это удар артиллерии и минометов, это мощная атака брони. Артиллерия уже начала свое святое дело: безжалостно крушила бетон и железо, за которыми прятались гитлеровцы, расчищая путь пехоте. Мы знали, что здесь, за Волгой, сосредоточены могучие силы для наступления. Наши новые чудесные машины, освобожденные от маскировки, стояли теперь на виду, перед полетом, а мы ждали

одного — чтобы рассеялся туман. Никто не приказывал — мы сами пошли к самолетам, потому что могучая канонада начала как будто удаляться.

Техник моего самолета Василий Моисеев, сухощавый, невысокий и не очень молодой человек, увидев меня, выскочил из-под машины, вытирая испачканные маслом руки:

— Наступаем! Какая радость! Машина готова! Только еще разок осмотрю все снаружи...

На стоянке было убрано, чисто, как в доме на праздник. От прогретого самолета струилось тепло. Обо всем позаботился Вася Капарак. Так почему-то в полку прозвали Моисеева, и он откликался, не обижаясь. Мы с Моисеевым знакомы недавно, и я не осмеливался называть его Капараккой. Он трогательно старателен и аккуратен в работе. А прозвище все-таки смешное, но точное. У Моисеева острый нос, колючие брови, хриплый голос, большая пиапка на голове, он всегда на стремянке, а голова в моторе.

Взлетели не скоро. Вначале небольшими группами прошли наши бомбардировщики и штурмовики. Потом на расчистку неба от немецких истребителей вслед за другими бросили и наш полк.

Строй «фронтом», когда самолеты развернуты по фронту и эшелонированы по высоте, мы четко отработали под руководством Шестакова. Теперь демонстрировали свою выучку. Прошли над Волгой и там, где был город, увидели поднятые взрывами снарядов и обстрелом нашей артиллерии дым, сплошную завесу пыли. Но вспышки огня проступали и сквозь эту завесу. Вражеских истребителей мы почему-то не встретили: наверное, удары «петляковых» и «ильюшинских» по фронтовым аэродромам гитлеровцев парализовали действия их воздушных частей.

Развернувшись по команде ведущего, мы все вместе пошли на юг, потом снова — на запад, проведя по пути лишь несколько молниеносных стычек с одиночными «мессершмиттами».

Едва приземлились — получили новое задание: провести разведку дорог в направлении Дона. На разведку отправилась пара. Летчики установили, что в небе совсем нет вражеских самолетов.

Следующее утро снова встретило нас туманом. Как только прояснилось, подполковник Шестаков с Василием

Бондаренко пошли под низким небом в глубокий тыл врага.

Теперь противник ввел в дело все свои силы. Зенитный огонь, трудность ориентировки над покрытыми свежим снегом просторами и далекий маршрут — все это заставило тех, кто остался на аэродроме, немало поволноваться за улетевших. Но все закончилось благополучно. Два «яка», вынырнув из-под туч, четко приземлились на аэродроме. Летчики повалили к стоянкам, навстречу командиру и его напарнику, ведь они первые увидели то, что происходило тогда за Волгой!

— Враг отступает! — сообщил подполковник Шестаков.

— Фрицы вылезли из своих нор. Работы нам хватит, браточки! — весело подмигнул Бондаренко.

Только на третий день перед нами раскрылось все поле грандиозной битвы. Наш полк с утра до вечера посылал все свои истребители на сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков. Немецкие летчики, видимо, знали о папическом отступлении их армий на земле и часто, не принимая боя, просто удирали от нас. Мы не узнавали хваленых фашистских асов. Теперь им не помогали ни драконы, ни бубновые тузы, ни орлы, ни огненные стрелы, намаляванные на фюзеляжах «мессеров»...

НА КРУТОМ ПЕРЕЛОМЕ

С первых дней контрнаступления советских войск в районе Сталинграда, начавшегося 19 ноября 1942 года *, очень многое изменилось на земле и в воздухе. Участники этой великой битвы первыми ощутили эту перемену. Тот, кто сражался на Волге, испытал тогда ни с чем не сравнимое чувство гордости и радости за могучую силу Красной Армии и народа.

Наступление разворачивалось бурно. Карта боевой обстановки на фронте, которую мы обязаны были знать на зубок, менялась ежечасно. Постоянно менялись и ориентиры, по которым мы прокладывали маршруты полетов. Молниеносно перемещались объекты штурмовок. Даже неустойчивая погода и та изменилась в лучшую сторону.

* Контрнаступление советских войск под Сталинградом длилось почти два с половиной месяца и завершилось 2 февраля 1943 года. — *Прим. ред.*

Копчились туманы, перестал сыпать мокрый снег. Установились морозные солнечные дни. Словно неудержимый порыв наших войск передался самой природе...

Только за первые десять дней наступления (причем несколько из них были пелетными) наша 8-я воздушная армия произвела 1349 дневных вылетов в районы, где особенно яростно сопротивлялся враг, туда, где он пытался с помощью бомбардировщиков и истребителей задержать продвижение авангарда наших войск. 2, 8, 16 и 17-я воздушные армии надежно придавили к земле главную крылатую орду Гитлера. Бомбовые удары по аэродромам, блокирование и штурмовки истребителями стоянок фашистских самолетов в корне изменили ситуацию в воздухе.

Наш 9-й гвардейский полк, как я уже упоминал, был пополнен опытными летчиками и с первых дней Сталинградской битвы с честью выполнял отведенную ему роль. Особенно большой эффект давали боевые вылеты, проводимые одновременно всеми эскадрильями. Командир полка обдуманно готовил нас к этим дням. Весь опыт, накопленный им в период боев с фашистами в Испании, в дни героической обороны Одессы, во время проведения трудной Барвенково-Лозовской операции, в ходе самого Сталинградского сражения подполковник Шестаков вкладывал в отработку с подчиненными полетов на новых надежных истребителях Як-1. Немало энергии отдал он индивидуальной работе с каждым из тех, кто раньше летал только на И-16 и ЛаГГ-3 — машинах, имевших весьма ограниченные возможности. А чего стоило ему натренировать все эскадрильи в групповых полетах, сцементировать полк так, чтобы он, поднятый в воздух, четко действовал в самых сложных условиях!

В процессе тренировок мы обычно вылетали двумя группами, эшелонированными по высоте, и быстро перестраивались в случае необходимости. Все звенья в бою сражались с врагом самостоятельно и в то же время согласованно, подчиняясь единой воле ведущего, которым, как правило, являлся сам командир полка.

Не зря он гонял нас до изнеможения. Благодаря ему мы овладели трудной наукой побеждать врага. И результаты не заставили себя ждать. Какое счастье было видеть, как горели в воздухе и на аэродромах «юнкеры», «хейнкелы», «мессершмитты», как панически разворачи-

вались и сбрасывали куда попало свой смертоносный груз бомбардировщики фашистов, как улепетывали их истребители, стоило только показаться на горизонте плотному строю наших «яков»!

Чтобы не утомлять читателя, позволю себе привести только один, но весьма знаменательный факт из документов, с которыми я познакомился много лет спустя после войны. Я узнал, что в июне 1942 года на Сталинградском направлении мы имели самолетов втрое меньше, чем противник. А 19 ноября того же года наших бомбардировщиков и истребителей, большей частью новых, тут было столько, сколько в июне было немецких. Гитлеровское же командование за этот период смогло увеличить свой парк лишь на 16 единиц.

Думаю, не ошибусь, сказав, что наступление советских войск под Сталинградом зимой 1942 года оказалось для противника более грозным, чем для нас было лето 1941 года.

Надежно замкнув кольцо окружения немецко-фашистских войск в Сталинграде, советские армии продвинулись далеко на запад и юго-запад, образовав внешний фронт. На только что освобожденную территорию, лежавшую между окруженной группировкой гитлеровцев и внешним фронтом, на многострадальную землю, по которой прошли сотни танков и которую безжалостно опалил огонь, одним из первых перелетел наш гвардейский полк.

Это был не обычный перелет на новую базу. В казахское селение мы впервые попали в сентябре, а в конце ноября сорок второго года покидали его навсегда, чтобы участвовать в походе на запад.

Техник моего самолета Василий Моисеев позаботился о том, чтобы положить все необходимое в фюзеляж «яка». Закончив хлопоты, он удобно устроился за бронесиникой и принялся тут же связывать шнуром сверток с инструментами.

— Что же, наш аэродром далеко будет от Сталинграда? — не отрываясь от дела, спросил он.

Я уловил в его тоне не только естественное любопытство. Мы уже знали, что многотысячное гитлеровское войско надежно взято в кольцо, и каждому было ясно, что окруженные попытаются пробиться к своим.

Пройдясь перчаткой по целлулоиду планшета, я показал технику карту:

— Видите хутор Зеты? Здесь и расположится полк.

Наш правобережный аэродром находился между внутренним и внешним кольцом окружения гитлеровцев.

В Зетах мы увидели лишь три уцелевшие хаты да неозримую белую степь. Снег, прикрывший руины, воронки, разбитые танки и машины, брошенные боеприпасы, прятал от нас и то, что могло пригодиться для устройства хоть какого-нибудь жилья. Хорошо хоть, что после ухода врага в Зетах остались земляные насыпи — капопиры, в которые мы сразу поставили самолеты.

Одну хату заняли под столовую, в другой разместились штаб, третью отдали летчикам и технике. Правда, в ней не могла поместиться и треть личного состава полка, поэтому пришлось рыть землянки. Позаботиться о себе, устроить ночлег и при этом быть постоянно готовым в любых обстоятельствах вступить в бой — на войне это было очень важно и непросто. Летчики и техники каждой эскадрильи выдолбили в мерзлой земле вблизи аэродрома углубления, прикрыли их железом, которое разыскали вблизи разбитых машин и самолетов, а сверху присыпали железо землей и снегом. Инженеры приспособили в землянках небольшие печурки. Не все, однако, успели устроиться до вечера. Нам с Василием, например, пришлось ночевать под самолетом, прикрывшись брезентовым чехлом. Зато уже на другой день специалисты из БАО, возглавляемого офицером Пушкарским, раздобыли для нас сена и мазута для топки печей. Над землянками заструился густой черный дым, и они сразу приобрели жилой вид.

Расчищенный от снега аэродром уже с утра позволял пачать полеты. В набитом до отказа КП зуммерил телефон и непрерывно слышался голос начальника штаба Виктора Семеновича Никитина. Карта с нанесенной боевой обстановкой, висевшая на деревянной стене, чуть шевелилась от порывов ветра. Возле нее толпились командиры и летчики. Мороз стоял лютый, продрогли мы все основательно. Но один взгляд на карту способен был согреть любого: линия фронта пролегла уже вблизи Котельниково!

— Если так будем продвигаться вперед, успеем к курортному сезону в Алупку, — разглядывая карту, замечает Амет-Хан.

Женя Дранищев, как обычно, ловит каждую мысль, чтобы развить ее на свой собственный лад.

— Оно, может, и так, — немедленно откликается он, — но насчет курортного сезона в Алупке — дело, на мой взгляд, сомнительное...

Амет-Хан порывисто оборачивается к Дранищеву. Несколько мгновений они разглядывают друг друга. После холодной бессонной ночи лица у обоих серые. Оба прячут носы в поднятые меховые воротники. Дранищев даже бороду прикрыл теплым шарфом.

— Мне кажется, ты просто забыл, кто в данном районе хозяин неба! — задиристо произносит Амет-Хан.

Но Женю Дранищева трудно сбить с толку.

— Ясно кто! — живо откликается он. — Десятый гвардейский, в котором служит доблестный сын Алупки Амет-Хан Султан!

— И не менее известный сын героического Ленинграда Евгений Дранищев! — не без ехидства уточняет Амет-Хан. — Ну как, знаю я твою биографию? — уже другим тоном произносит он.

— Только в общих чертах, — смеется Дранищев. — Если рассмотреть этот вопрос глубже, то можно установить, что я родился недалеко от солнечного Крыма, в не менее солнечном городе Шахты.

— Прекрасно! — оживляется Амет-Хан. — Значит, мы сначала побываем у тебя на родипе, а потом у меня. Иначе говоря, нас ждут два радостных праздника. Руку, друг!

Если завязался разговор между Амет-Ханом и неистовым на острое слово Дранищевым, мы все умолкаем. Тут только успевай слушать, они и слова вставить не дадут!

На сей раз дружеская перепалка оборвалась внезапно: по телефону было принято боевое задание. Шестаков стал о чем-то советоваться с Верховцом и Никитиным. Первый вылет с нового аэродрома — дело ответственное и для командиров, и для летчиков.

Воспользовавшись наступившей паузой, я протиснулся поближе к карте, чтобы лучше все рассмотреть. Мне знакомы все аэродромы, станции, города. На этой большой территории теперь развернулись бурные события, ставшие известными всему миру. Я здесь все знаю. Вот бы поручили мне водить группы на штурмовку, прикрыть или

сопровождение! Уж я бы постарался везде успеть и со всем управиться. Самолет у меня новый, исправный, летать бы и летать.

— Идем на штурмовку аэродрома Гумрак! — вывел меня из задумчивости голос командира полка.

У меня екнуло сердце: неужели я не полечу в этой группе? Ведь я знаю на аэродроме в Гумраке каждое строение, каждую стоянку...

— Идем тремя шестерками. Одна прикрывает, две — для непосредственного удара.

После небольшой паузы подполковник Шестаков называет мою фамилию.

— Я слушаю, товарищ командир!

— Поведете шестерку воздушного боя.

Наверное, я пошевелил губами или сделал какое-то движение, выдающее нетерпение.

— Спокойно, — поднял руку командир. — Тебе знакомы тут все стежки-дорожки, и сам бог велел именно тебе проштурмовать их огнем. Поэтому и посылаю тебя на верхотуру. — Шестаков взглянул на комиссара, тот одобрительно кивнул. — Только помни: не отвлекаться. Сразу попадешь под очередь «эрликона». Кстати, ориентирование на высоте потребует немного внимания... В Гумраке находится добрая половина транспортной авиации Паулюса. Порядочно там и истребителей. Если они успеют взлететь, будет жарко. Задание получено от самого командарма. Ясно?

— Ясно, товарищ командир!

— Нападаем с юга, от центра Сталинграда. Отсюда чаще всего заходят фашистские самолеты. По машинам!

Пытаюсь спасти окруженную в Сталинграде группировку, немецкое командование организовало так называемый воздушный мост от Ростова и Зимовников до Сталинграда. На маршруте этого моста действовали аэродромы котла — Гумрак, Питомник, Воропоново. Нам и поручили вместе с другими полками уничтожить транспортную авиацию противника на земле и в воздухе.

Ничто не способно так поднять настроение и вызвать боевой энтузиазм у летчика, как зримость поставленной задачи и предчувствие успеха.

Гумрак, который когда-то был моим родным аэродромом, встретил нас густой огневой завесой. «Эрликоны» били прежде всего по тем «якам», которые обрушивались на

них с пеба. Первым пошел на цель командир полка. За ним ринулись Амет-Хан, Алелюхин, Королев, Бондаренко, Серогодский. Моя шестерка держалась в это время сверху.

Шестаков с ходу поджег Ю-52. Вслед за тем вспыхнуло еще пять транспортных тяжеловозов. Аэродром затаило дымом. Только в отдельных местах сквозь него выбивалось пламя.

В воздухе появились немецкие истребители. Их было больше, чем «яков». Но нас вдохновляла отважная атака Шестакова и его группы. Мы быстро разобрали пары «мессершмиттов» и отвлекли их от штурмовиков.

Для моей шестерки это был скорее бой на отвлечение. Мы упорно кружили над «мессерами», атаковали их и во время уходили из-под обстрела. Это продолжалось до тех пор, пока ведущий не подал команду на сбор. Выйдя из боя, «высотники» пристроились к основной группе. Обидно было только одно: моя шестерка не сбита в тот раз ни одного «мессершмитта».

Приземлившись, снова собрались на КП. Подполковник Шестаков доложил штабу армии об уничтоженных и уцелевших транспортных самолетах противника. Мы слышали его разговор и догадывались по ответам обо всем, что говорилось командиру полка. Нашему полку вместе с другими предстояло перерезать воздушную артерию, связывавшую окруженную группировку противника с внешним миром. Наземные части, блокировав противника, продолжали сжимать кольцо, а нам было приказано закрыть над котлом небо...

Командир полка начал разбор вылета. Он умел это делать блестяще. Казалось, что у него несколько пар глаз — так много он видел и замечал. Всесторонне проанализировав и взвесив действия шестерок, он резюмировал:

— Хорошо действовали пилоты!

Такая оценка означала, что Шестаков удовлетворен вылетом, и мы облегченно вздохнули. В подобных случаях командир полка никогда не омрачал настроение летчиков обидными упреками за отдельные промахи. Наоборот, если были к тому основания, он искренне восхищался проявлением инициативы, находчивости, мужества, готов был при всех обнять того, кто отличился. На этот раз командир особенно тепло говорил об Амет-Хане, Алелюхине, Ко-

ролеве, Бондаренко, Будаповой, Серогодском, вместе с которыми он добился ощутимого успеха в Гумраке.

Я был неудовлетворен действиями своей группы, и Шестаков заметил мою подавленность.

— Чем расстроен, Лавриненков? — спросил он.

— Не сбили ни одного «мессершмитта», товарищ командир.

— Что значит «не сбили»? — вскинулся Шестаков. — А шесть транспортных — разве не ваши? Вы хорошо дрались, не подпустили к нам немецких истребителей, вернулись без потерь. Отлично выполнено задание!..

Снова зазуммерил телефон — нам передали очередные приказы из штаба армии. Боевая жизнь, как говорят, вошла в свою колею.

Летчики перебрались в хату, где были сооружены двухъярусные пары, техники углубили свои землянки, расположенные возле самого аэродрома (им приходилось по ночам периодически прогревать моторы машин). Летчицы Будапова и Литвяк пристроились в комнатухе на КП. Таким образом, каждый имел теплый уголок для сна и короткого отдыха.

Еще в октябре по приказу штаба армии в полк были четыре летчицы, из числа которых было создано звено под командованием старшего лейтенанта Беляевой. В него вошли Будапова, Литвяк, Кузнецова. Четыре летчицы вместе с нашими девушками — парашютоукладчицами, вооруженцами, механиками, связистками — образовали целое женское подразделение.

Летчицы дежурили на аэродроме наравне с мужчинами. И воевали тоже не хуже мужчин. Однажды, еще в период нашего пребывания в Казахстане, как раз во время дежурства звена девушек, фашисты совершили налет на соседнюю станцию. Девушкам пришлось вступить в бой с группой «хейпкелей». Беляева своевременно перехватила бомбардировщиков, отважно повела в атаку свою четверку. Но «хейпкелей» прикрывали истребители. Они подбили самолет Беляевой. Летчице пришлось воспользоваться парашютом. А ее подруги довели бой до конца, не дали гитлеровцам сбросить на станцию бомбовый груз.

Беляева через несколько дней вернулась в полк. Но по состоянию здоровья больше не летала и вскоре уехала

в тыл. Вслед за ней по болезни выбыла из полка еще одна летчица. Остались только Катя Будапова и Лилия Литвяк.

Нелегко было девушкам на фронте. Особенно летчикам-истребителям: воздушный бой требовал от них недюжинной физической силы и выносливости. И то, что девушки безропотно переносили все трудности, делало им честь, вызывало огромное уважение у окружающих.

...Я высоко ценю мужество летчиц 46-го гвардейского авиационного полка ночных бомбардировщиков, летавших на По-2, и с удовольствием читаю обширную литературу об их славном ратном подвиге. Но каждый раз невольно думаю: как редко мы еще вспоминаем имена летчиц-истребителей! Их было немного, но их боевая деятельность заслуживает самой высокой оценки. Именно они опровергли ошибочное мнение, будто профессия воздушного бойца неприемлема для женщин. Катя Будапова и Лилия Литвяк были для нас надежными товарищами по оружию, по фронтовому небу. Я глубоко убежден, они заслуживают того, чтобы о них была написана книга...

Катя и Лилия были очень разными по характеру и по внешности. Высокая, плечистая Будапова носила мужскую стрижку и в летной форме мало отличалась от парня. Маленькая белокурая Лилия рядом с ней казалась девочкой.

Катя отличалась веселым, задорным характером, ее подруга была задумчивой и молчаливой. Девушки очень дружили, но верховодила во всем Катя. Живая, непосредственная, она была душой эскадрильи. Лучше Будаповой никто не мог организовать товарищеский ужин, танцы.

Лилия являлась для всех нас образцом женственности и обаяния. Хлопцы то и дело напевали ей: «Посмотрела — как будто рублем подарила, посмотрела — как будто огнем обожгла». Лилия относилась весьма сдержанно к восторженным взглядам и словам однополчан. Она никому не отдавала предпочтения. И это особенно импонировало нам.

Мы всячески старались облегчить жизнь и боевую работу летчиц. Реакция их оказалась самой неожиданной: и Лилия, и Катя категорически отказывались от нашей опеки, не признавали никаких скидок.

Летали Будапова и Литвяк отлично. В воздухе мы всегда рассчитывали на их своевременную поддержку и выручку. Боевую работу девушек высоко оценивая и командир полка. На разборах он не раз ставил их в при-

мер, хвалил за желание летать, за умение драться с врагом.

Мне однажды привелось лететь в паре с Будановой. Дело было зимой. Нашу группу, в которую входили Амет-Хан, Борисов, Бондаренко, Буданова и я, вел лейтенант Ковачевич. Пост оповещения сообщил, что от Калача на Сталинград идут «Хейнкелы-111» — бомбардировщики, переоборудованные под транспортные самолеты. Мы уже знали, что база «хейнкелей» находится под Ростовом, и Ковачевич точно вывел нас на их «наезженную» трассу.

Мое звено выступало в качестве ударной четверки. Шли мы на малой высоте и, как учил командир полка, должны были с ходу, неожиданно атаковать ведущих группы «хейнкелей», независимо от того, прикрывают ли их «мессершмитты». Мы вылетели, чтобы ударить по транспорту, предназначенному для котла, и обязаны были любой ценой выполнять приказ.

Я держался высоты в пределах двух тысяч метров, «хейнкелы» шли ниже. В целях маскировки они были окрашены в белый цвет, и надо было глядеть в оба, чтобы своевременно заметить их.

Наконец заметил: летят — вдаль мелькнули черточки с двумя кружками моторов.

Набрав еще метров пятьсот, я огляделся и увидел почти рядом, чуть сзади, самолет Будановой (в тот раз она была у меня ведомой).

— Прикрой, атакую! — передал я и пошел на ведущего группы «хейнкелей».

Мне удалось прошить очередью фюзеляж «хейнкеля», но и немецкий стрелок из турельной установки тоже стегнул по моему «яку». Мой самолет почему-то сразу потянуло влево, словно левое крыло стало вдвое тяжелее. Я невольно поглядел налево, ища там опасность. В тот же миг в наушниках раздался голос Будановой:

— Семнадцатый, вас подбили. Я прикрою! Прикрою!

И только тогда я догадался перевести взгляд вправо. Большая часть правого крыла была лишена перкаля. Передо мной был обнаженный каркас. Ценой огромного напряжения мне удалось удержать перекошенную машину. Атакованный мной «хейнкель» полз над самой землей. Василий Бондаренко одной очередью свалил его на заснеженное поле... Все это могла бы сделать Буданова, но она

не имела права действовать без моего предупреждения или просьбы.

— Тяни к аэродрому! Тяни! Я прикрою, — время от времени повторяла Буданова, подбадривая меня.

Всю сложность своего положения я осознал только над аэродромом, когда попытался приземлиться. Самолет на развороте срывался до падения. Ободранное крыло торчало, как лестница.

— Прыгай! — раздался в наушниках голос Кати.

Я не ответил. Я твердо решил: «Буду садиться».

С трудом управляя «яком», я подвел его чуть ли не вплотную к утрамбованной полосе. Посадка была больше похожа на падение с небольшой высоты. «Яка» сразу повело влево. Остановился он среди снежных сугробов.

Следом за мной приземлилась Буданова. Она первой подбежала к моему самолету. Затем подъехала эмка с Никитиным. Прямо по сугробам примчался Моисеев.

Я вылез на ободранное крыло и облегченно вздохнул. Мой поврежденный самолет сразу затащили в капонир, и им занялся техник Моисеев.

— Засучивай рукава, Капарак! — громко сказал старший авиаспециалист эскадрильи техник-лейтенант Олег Зюзин. Он уже успел прощупать весь деревянный каркас крыла и определил, что для ремонта пужны клей, перкаль да еще умелые руки Василия Моисеева.

Весь следующий день я сповал от общепития к стоянке, оттуда к штабу и снова к самолету. Пилот без машины всегда чувствует себя плохо. А в той обстановке, которая сложилась на нашем фронте во второй половине декабря, сознавать себя «безлошадным» было просто нестерпимо.

С 10 по 31 декабря наш полк летал непрерывно. С аэродрома в Зетах мы произвели 349 боевых самолетовых вылетов. Это означает, что в самые короткие декабрьские дни каждому летчику приходилось по три-четыре раза в день ходить на задания. И в такой-то момент неожиданно лишиться самолета!

Три дня длился ремонт. Не придумав ничего лучшего, я все это время терся у своего «яка», пытаюсь хоть чем-то помочь Моисееву и его подручным. В один из этих дней я и увидел массивного «Дорнье-217», возвращавшегося из Сталинграда. Он шел низко, прямо через наш аэродром, падрывво ревя моторами. Я инстинктивно бросился к своему самолету, но тут же остановился. Хотел

было бежать к землянкам, чтобы позвонить в штаб, но там обошлись без меня: штаб уже передал о «дорнье» по радио группе наших истребителей, как раз подходивших к Зетам.

Вскоре мы увидели, как ведущий группы (это был командир полка) догнал гитлеровца, но почему-то не обстрелял его. Шестаков возвращался с боевого задания. Он, очевидно, полностью израсходовал патроны и снаряды. И тогда мы увидели, как другой истребитель тут же пошел в атаку. Раздалось несколько пулеметных очередей, и фашистский самолет, потеряв управление, пошел к земле.

Наши истребители еще не успели приземлиться, а мы уже знали, что «дорнье» расстреляла в воздухе Лиля Литвяк.

И не случайно, когда речь заходит о подвигах женщин-авиаторов в годы Великой Отечественной войны, я прежде всего вспоминаю летчиц истребительной авиации, которые наравне с мужчинами проявляли отвагу, бесстрашие и высокий класс владения скоростными машинами.

Жизнь наша в Зетах с каждым днем становилась все беспокойнее. Во второй половине декабря наш аэродром подвергался даже обстрелу вражеской артиллерии. Действовать с него стало невозможно. Решено было покинуть Зеты.

19 декабря полк проводил в Зетах последнюю ночь. Но этой ночи предшествовало тяжелое событие.

Когда, возвратившись из полета, все собрались в столовой, совсем рядом послышались сильные взрывы. В довершение ко всему над Зетами появилось около дюжины немецких двухмоторных бомбардировщиков. На землю полетели бомбы. Группа наших самолетов вот-вот должна была возвратиться после выполнения боевой задачи. А пока единственным спасением для нас являлись капопиры, но до них надо было успеть добежать.

Я бросился в снег. Рядом упал Дранищев.

Налет натворил много бед. Скошенный осколком, погиб мастер по вооружению Иван Жук. Мы с почестями похоронили товарища, и 20 декабря наш полк покинул Зеты. Здесь занимали рубежи для обороны наземные войска.

Временной базой для нас стало на педелю село Трудолюбие, южнее Зет. Оттуда мы непрерывно вылетали вместе со штурмовиками уничтожать тапки Манштейна.

А резервы полка оставались далеко за Волгой.

Вскоре нас с командиром эскадрильи Героем Советского Союза Василием Серогодским послали на По-2 в Казахстан, чтобы перегнать оттуда отремонтированный «як».

Нас встретили там как желанных гостей. Перегонять машину предстояло Серогодскому, и он пожелал сразу облетать ее. Тогда-то и произошло непоправимое...

Трудно бывает иногда объяснить причину несчастья. Мы вместе осмотрели самолет, на земле опробовали мотор. Василий сел в кабину. У него было хорошее настроение. Как случилось, что летчик-фронтовик, прошедший ад обороны Одессы и Сталинграда, пилотируя над тихим селом, потерял чувство расстояния и после выполнения сложной фигуры врезался в землю, я не берусь объяснить...

Похоронив своего однополчанина, я возвратился в село Трудолюбие на По-2...

Просматривая уже после войны «Формуляр 9-го полка», в частности тот раздел, где регистрировались «небоевые» потери, я встретил имя Василия Александровича Серогодского. С болью вспомнил тот трагический день, когда он погиб, и мне показалось, что это произошло вчера...

Спустя неделю полк возвратился в Зеты. Это стало возможно потому, что под Сталинградом перешла в наступление одна из советских армий*.

Летчики немецких транспортных самолетов, не замедлив в капопирах советских истребителей, свободно ходили через наш аэродром на Сталинград и в одиночку, и целыми группами. Увидев противника, мы взлетали и атаковали его без разворота для набора высоты. Нагруженные продовольственными пакетами, Ю-52 иногда падали вблизи нашей столовой. В этих случаях мясные консервы, сигареты, галеты вмиг пополняли наши склады. Такие «подарки» являлись серьезным подспорьем для нашего

* Автор имеет в виду 2-ю гвардейскую армию Р. Я. Малиновского, переданную 15 декабря 1942 года по решению Ставки Верховного Главнокомандования в состав Сталинградского фронта. — *Прим. ред.*

БАО, который под командованием Пушкарского длительное время обслуживал полк.

Как раз тогда мне удалось сбить сразу два вражеских самолета. Один из них упал вблизи нашего КП. Как только я приземлился, меня позвали в штаб. Там я увидел спасшегося фашистского летчика. Переводчик помог нам познакомиться и поговорить.

Высокий рыжий офицер снял с себя шлем, очки, планшет, попросил вернуть отобранный у него и уже разряженный пистолет и все это передал мне. Потом стал показывать фотографии жены, детей, родителей. Слова, улыбка, взгляд сбитого немецкого пилота выражали покорность, молитву спасти его для тех, кто смотрел на нас с фотографий. И его поведение было по-человечески понятно нам. На другой день сбитого летчика под конвоем повели к самолету По-2, чтобы отправить в штаб армии. Увидев меня, он прощально взмахнул рукой, будто благодарил за то, что я своей меткой очередью вывел его из войны, а значит, сохранил ему жизнь...

В эти дни в полк прислали для пополнения нового летчика. Шестаков принял старшего сержанта, ознакомился с его личным делом.

Худой, высокий, в изрядно поношенном комбинезоне, с авоськой, в которой лежали незавернутые зубной порошок, мыло и аккуратно сложенное полотенце, он стоял перед командиром полка, ожидая решения.

Старший сержант воевал мало, сбитых машин на счету не имел, ничем особым не проявил себя, хотя давно находился на фронте.

Узнав все это, командир полка заявил, что пополнения пока не требуется.

Когда старший сержант вышел из штаба, По-2, на котором его привезли, уже разбежался по снежному полю. Не осмеливаясь вернуться в штаб, расстроенный летчик так и остался стоять у двери, огорченный и разочарованный.

Тут его и увидел комиссар Верховец. Стал расспрашивать, как он оказался в Зетах. Рассказав о себе, летчик протянул свое личное дело.

Комиссар по-своему прочитал его и проникся сочувствием к молодому парню, у которого не очень удачно складывалась фронтовая жизнь. Верховец тут же вспом-

нил, что в полку имеется одна вакансия, и решил переговорить с Шестаковым.

Предложив новичку подождать, комиссар вошел в землянку штаба, а через несколько минут приоткрыл дверь и позвал старшего сержанта. На этот раз Шестаков приветливой оглядел стоявшего перед ним летчика.

— Ну что, Остапченко, опоздал на свой самолет?

— Опоздал, — невесело подтвердил тот. — Теперь вот надо куда-то проситься переночевать.

Командир полка и комиссар переглянулись, невозмутимость парня понравилась им.

— Проситься никуда не надо. Останешься у нас. Как-нибудь найдем место, где переспать, — твердо сказал Шестаков.

...После полетов меня снова вызвали в штаб. На этот раз я застал там командира нашей эскадрильи Ковачевича и незнакомого летчика с авоськой в руке.

— Вот твой новый ведомый, — сказали мне.

— Старший сержант Остапченко, — представился новичок.

— Старший сержант? — переспросил я.

— Так точно!

— Хорошее звание. Я носил его два года, уже будучи летчиком.

— Маршал — еще лучше, — пошутил Остапченко.

— Ну, хорошо. Значит, будем летать вместе. А пока пошли ужинать, — предложил я.

За столом, когда повичку поставили фронтовые сто граммов водки, он решительно отодвинул стакан:

— Это зелье не употребляю.

На всю столовую грохнул раскатистый мужской хохот.

— Тебе, Лавриненков, повезло! — бросил Амет-Хан с противоположного конца стола. — Передавай сержанта в нашу эскадрилью.

Норму моего ведомого я поделил с товарищами. А фамилия Остапченко запомнилась всем с первого ужина...

В Зетах мы встретили Новый, 1943 год. 31 декабря весь день вели бои. Сразу после ужина повалились спать: холод и усталость сделали свое дело.

А через три дня полк перебазировался в Котельпиково, где всего неделю назад находился штаб Маппштейна. Настроение у всех было приподнятое: фронт быстро перемещался в направлении Ростова.

ПУТЬ НА ЮГ

Война до неузнаваемости изменила знакомые станции, города, села. Было радостно, что мы возвратились в оставленные места. Но радости сопутствовала печаль.

Я видел Котельниково летом сорок первого года. Белый вокзал, высокие деревья вдоль перрона, широкая сетка путей, а вокруг — множество домиков, утопавших в садах. Таким запомнился этот крупный поселок. Заходя на посадку холодным январским днем сорок третьего года, я обнаружил, что нет больше ни уютного вокзала, ни окружающих его домов...

На аэродроме нам досталось неплохое наследство от люфтваффе. Добротные бункера, капониры, сооружения для мастерских и складов, которые мы недавно обстреливали с воздуха, теперь принимали нас в свои стены. Нам пришлось только очистить их от трупов и мусора.

В полку царил оживление. Фронт нацеливался на Ростов. Немецко-фашистское командование, пребывавшее под свежим впечатлением от сталинградского котла, отводило свои войска и с Кавказа. Ведь советские танки могли и здесь вырваться к Ростову, и тогда Гитлер получил бы в подарок еще одно кольцо.

Изучая карту боевой обстановки на фронтах, мы, летчики, смело фантазировали и даже разрабатывали планы будущих окружений и прорывов. Но мы помнили при этом, что армия Паулюса еще не капитулировала и что каждый метр родной земли, оккупированной гитлеровцами, предстоит брать с боем.

Разместившись в Котельниково, полк в первый же день в полном составе полетел сопровождать штурмовиков, бомбивших позиции противника вблизи Сальска.

Теперь я ходил на задания с новым ведомым — Николаем Остапченко. Ему, понятно, дали не лучший «як». И мотор оказался слабоват, и маскировка машины была нарушена. Другие самолеты были выкрашены белой краской. Этот — известно, а она наполовину осыпалась. Правда, благодаря этому я узнавал своего «рябого» напарника на любом расстоянии и на земле, и в воздухе. А главное, меня радовало то, что Остапченко четко выполнял свои обязанности.

У нас в полку существовал неписанный закон, по которому определялась пригодность молодых летчиков к боевой работе. Если новичок участвовал в боях в течение недели (а это означало, что он около пятнадцати раз побывал в перепалках) и если его за это время не сбили, он становился равноправным членом нашей дружной семьи. Очень важно было при этом, чтобы ведомый ни разу не отстал от своего ведущего, не бросил его, не позарился на «мессера» или «юнкерса», иногда так заманчиво встречавшихся на его пути. Без соблюдения всех этих требований невозможно было успешно выдержать испытание на зрелость.

Остапченко отлично выдержал его.

— Ну как, не страшно встречаться с «мессерами»? — спросил я его после нескольких полетов. — Раньше ведь ты не видел этих машин.

Николай зашивал комбинезон и отозвался не сразу.

— Если бы вам было страшно, возможно, и я бы испугался. А так чего же мне дрейфить? — поднял он на меня полные удивления глаза. — За вашими плечами я чувствую себя как за каменной горой.

— Но ведь противник атакует сзади, а не спереди!

— Командир все видит. Если падо будет, выручит...

А спустя некоторое время Остапченко наконец разговорился.

— Я ежедневно хожу в небо, и знаешь, Володя, — просто и естественно перешел он на дружеский тон, — мне никогда не бывает страшно. Экзаменов в училище я боялся, а здесь ничего не боюсь. Полет для меня работа, и только. Нужная и важная работа. Нам дали оружие и приказали: ищите и жгите «мессеров». Этим и занимаюсь. И если мне только будет разрешено самостоятельно уничтожать их, я буду делать это люто.

— Ну и характер! — не удержался я, восхищенный его выдержкой.

Во время одного из боев Остапченко очень близко увидел, как его тезка лейтенант Николай Костырко расстреливал «мессера», как тот загорелся и упал на землю. Когда мы возвратились на аэродром, мой ведомый зашагал в сторонку один и был чем-то удручен. Я подошел к нему:

— Чего пос повесил?

Остапченко промолчал.

— Чем не удовлетворен?

— Да не в том дело, Володя... Как он сумел так точно? По центроплану, потом по мотору... Снаряды прямо рвали проклятого на части...

Мне понравилась наблюдательность старшего сержанта, его стремление анализировать увиденное. Мой ведомый жаждал боя и на глазах созревал как боец. Вот только поднакопит опыта — и из него выйдет грозный истребитель...

В Котельниково почти весь январь нас преследовала плохая погода — снегопады, метели, низкая облачность. Этим пользовались летчики немецкой транспортной авиации, имевшие приборы для слепых полетов. Из Ростова и Зимовников цепочкой ходили на Сталинград, к своим, «хейнкелы» и «юнкеры».

Наш полк находился почти за полторы сотни километров от Сталинграда. Но радио и печать регулярно сообщали о ходе завершающих боев советских войск на берегу Волги. Мы хорошо представляли, в какое положение попала армия Паулюса, в каком холодном и голодном котле оказались сотни тысяч солдат и офицеров противника. Но гитлеровцы еще пользовались аэродромами Гумрак, Вороново, Питомник. О том, что там творилось тогда, довольно правдиво написал спустя много лет полковник 6-й германской армии В. Адам в своей книге «Трудное решение»: *«Наземный персонал аэродрома, санитары и легкораненые первыми бросились к уцелевшим легковым автомашинам на краю аэродрома Питомник, завели моторы и устремились на шоссе, ведущее в город. Вскоре целые гроздья людей висели на крыльях, подножках и даже радиаторах. Машины чуть не разваливались под такой тяжестью. Некоторые остановились из-за нехватки горючего или неисправности моторов. Их обгоняли, не останавливаясь. Те, кто еще был способен передвигаться, удирали, остальные взывали о помощи. Но это длилось недолго. Мороз делал свое дело, и вопли стихали. Действовал лишь один девиз: «Спасайся, кто может!»*

В те же дни Гитлер радировал Паулюсу: «Запрещаю капитуляцию!» Между прочим, последняя радиogramма Паулюсу от фюрера, принятая в Сталинграде, гласила: «Поздравляю Вас с производством в фельдмаршалы...»

Находясь в Котельниково, наш полк помогал защитникам Сталинграда — мы перехватывали транспортные самолеты, которые летали по маршруту вдоль железной дороги.

Однажды над нашим аэродромом расступились облака, образовалось большое окно. В этом просвете показались немецкие самолеты, шедшие за облаками. Шестаков немедленно поднял несколько «яков». Каждому из нас удалось подловить по «хейнкелю». А Алелюхин, Амет-Хан, Борисов, Королев, Ковачевич, Дранищев и Тарасов сбили тогда по нескольку фашистских самолетов. Но вскоре «юнкеры» и «мессершмитты» все реже стали встречаться в этом районе: немецко-фашистское командование перенесло свои базы за Дон, далеко на запад...

Красная Армия успешно громила гитлеровские полчища. Это вызывало не только огромный подъем. Кое у кого из фронтовиков начинала кружиться голова, бывали случаи ослабления дисциплины. Это неприятное явление по обошло и наш полк. Ничем иным не объяснишь одну из наших котельниковских неудач. Стоит и сейчас сойтись двум-трем ветеранам, как они принимаются горячо обсуждать памятный для всех нас бой того периода.

В архивных документах об этом сказано, что 10 января 1943 года восемь Як-1 под командованием Шестакова вылетели на прикрытие своих войск. Выполняя поставленную задачу, они встретили группу «юнкеров» и атаковали ее. В погоне за противником участники вылета потеряли своего ведущего — подполковника Шестакова. Возвратившись домой, никто не мог сказать, где потеряли ведущего, в том числе и его ведомый — старший лейтенант Ковачевич, а подполковник Шестаков вел бой с тремя Ме-109, вследствие чего его самолет был подожжен. В этом бою впервые за войну Л. Л. Шестаков получил ранение...

Я не участвовал в вылете и о том, что случилось, узнал от товарищей.

Семь «яков» приземлились без командира полка. Летчики перебирали перипетии боя, вспоминали детали, а когда речь заходила о подполковнике Шестакове, разводили руками. Каждый доказывал, что занимался преследованием своего «мессера». Вывод напрашивался сам собой. Мои боевые друзья, в том числе и командир эскадрильи Ковачевич, бросились в погоню за самолетами противника, забыв обо всем. Закон ведения боя был пару-

шен: ведомые, оставив своих ведущих, тоже начали атаковать врага...

Печальным был наш ужин, тревожной — ночь. К утру кое-кто уже считал, что командир погиб. И вдруг по телефону сообщили: подполковник Шестаков в госпитале. А вслед за тем над аэродромом появился По-2 с Шестаковым на борту.

У меня не хватает слов, чтобы описать, как встретил полк своего любимого командира!

Шестаков медленно прошел на КП и вскоре приказал собрать всех летчиков. Слова его, обращенные к нам, были строги, но справедливы. Много пережил и передумал за эти несколько минут каждый из нас. Все чувствовали себя виноватыми, ведь мы подвели своего командира... Его слова били прямо в душу, и каждый думал о своих ошибках, просчетах, каждый мысленно давал себе клятву на всю жизнь запомнить этот злополучный урок.

Особенным был наш ужин в присутствии любимого командира. Шестаков, как обычно, начал разговор о боевой работе. Все опустили глаза. Но в словах командира не было больше ни тени упрека. Он делился с нами пережитым.

Восьмерка «яков» во главе с подполковником так энергично обрушилась на «мессершмиттов», что все разом забыли об опасности, о необходимости поддерживать непрерывную связь между собой. Беззащитные «юнкеры» веером рассыпались в разные стороны, а наши стали яростно преследовать их. Район патрулирования пахотился в 180 километрах от аэродрома, местность была мало изучена. Вот почему, когда ведомый командира полка Ковачевич, спохватившись, начал искать своего ведущего, он сразу потерял ориентировку. Восстановить ее удалось не скоро, и Ковачевич пришел на аэродром один.

А что было с самим Шестаковым? На него набросилось разом несколько «мессеров». И хотя командир полка уже понял, что остался один, он вступил в неравный бой. Используя любую возможность для атак, Шестаков одного истребителя подбил, а второго основательно повредил. Но в тот же момент подбили и его. Пришлось садиться в степи, на «брюхо». Гитлеровцы не успокоились и стали совершать заход за заходом, стреляя по неподвижному самолету. Улучив момент, Шестаков отполз в сторону. А «мессершмитты» во время очередного захода

подожгли его пестребитель. Летчика подобрали бойцы стрелковой части и доставили в госпиталь.

— Все, товарищи, поправимо, — стараясь подбодрить нас, пошутил командир полка. — Только вот мой реглан так и останется обгоревшим... А жаль — мы неразлучны с Одессой. Теперь нам с тобой, Лавриненков, надо будет вдвоем добиваться замены реглана... Впрочем, это, конечно, к слову. Я верю, происшедшее многому вас научит. Верю, подобное никогда не повторится в полку...

Я долго не упоминал о Михаиле Баранове, одном из славных асов дней обороны Сталинграда, белокурое юноше, любимце нашего полка. В последнее время Баранов являлся штурманом полка и летал реже. Не потому, что берег себя.

После тяжелого воздушного поединка над Сталинградом в августе 1942 года, когда Михаил сбил четыре немецких самолета и один таранил, он часто болел. Однажды во время полета судорога свела ногу, и он едва не разбился. Это случилось в середине ноября, накануне наступления. Баранова направили в дом отдыха. Там ему стало хуже, и он попал в госпиталь. Баранов вернулся в полк лишь 15 января 1943 года, когда мы стояли уже в Котельниково.

Время было суровое, но врачи делали все, чтобы летчик снова обрел крылья. Медицинское заключение, с которым он прибыл в полк, гласило: «Подлежит амбулаторному лечению в части, к полетам временно не допускать».

Не допускать к полетам... Разве есть что огорчительнее для летчика! Ведь он и живет, кажется, лишь для того, чтобы взмывать в небо.

Особенно трудно было Михаилу еще и потому, что вокруг него все были поглощены боевой работой. Наш командир знал это и все же не уставал повторять: «Истребитель должен тренироваться ежедневно, как скрипач. В нашем деле есть свои тонкости, познать которые можно лишь при условии постоянной тренировки».

Михаил Баранов был летчиком-виртуозом, и, когда после ранения ему запретили полеты, это угнетало его больше, чем болезнь.

Как удалось ему добиться отмены запрета, осталось тайной. Но однажды он, счастливый, прибежал в обще-

житие и, разматывая мягкий шерстяной шарф, чуть ли не прошел:

— Лечу! Лечу, друзья!

Только много позднее мы узнали: врачи разрешили Баранову немного полетать, чтобы морально поддерживать его и ускорить выздоровление. Стоило ли делать это, я не убежден и сейчас. Но, может, я не прав?.. Итак, Михаил поднялся в воздух. Его сопровождали десятки внимательных глаз. Но он очень скоро зашел на посадку, точно приземлив машину: отказал один из приборов кабины. На этом, казалось бы, можно было и остановиться. Однако переубедить Баранова было невозможно, он пожелал подняться в воздух еще раз и получил другой самолет, недавно выпущенный из ремонта, но уже полностью подготовленный к боевым полетам. Михаила выпустили в зону, определив, какие фигуры высшего пилотажа ему можно выполнять.

Взлетел он вполне нормально, и в воздухе держал себя так, как вел бы себя каждый после длительного перерыва. «Як» послушно покорялся пилоту — он выполнил виражи, боевые развороты, бочки. Потом машина почему-то вдруг накренилась, перевернулась вверх колесами и пошла так, словно летчик готовился выполнить еще одну сложную фигуру.

В этом положении «як» начал снижаться. Но в решающее мгновение случилось что-то непредвиденное: то ли пилот потерял чувство расстояния, то ли опоздал сделать какое-то необходимое движение. Только «як» со страшной силой ударился о мерзлую землю и тут же взорвался...

Ко многому привыкли мы за годы войны. Привыкли мужественно воспринимать известия о потерях. Но гибель Михаила Баранова потрясла нас... Спустя три дня полк перебазировался дальше на запад, куда шли войска Южного (бывшего Сталинградского) фронта и вместе с ними — части 8-й воздушной армии.

На подступах к Ростову мы впервые слышали название речушки Миус, мало кому известной до тех пор. До Миуса уже долетали наши воздушные разведчики. На его западном берегу противник возводил солидные укрепления.

Полк передвигался от аэродрома к аэродрому в направлении Ростова, который вот-вот должны были освободить советские войска.

Приземлились мы близ степной станицы Большой Орловки, где-то между Доном и Манычем. Зима была в полном разгаре — валил снег, метли вьюги. Полк летал мало — мешала непогода, да и самолетов к тому времени у нас оставалось совсем немного.

На очередные задания я вылетал с Остапченко в группе на сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков. Николай остался без своего «яка», и ему обычно давали самолет комэска Ковачевича. Это были вылеты с непродолжительными воздушными боями, так как и наши, и фашистские авиабазы располагались далеко от линии фронта.

Из каждого воздушного поединка мой ведомый выносил все новые впечатления. Когда я спрашивал: «Ну как, Николай?», он обычно отвечал двумя-тремя меткими фразами.

— Грязные, замурзанные «мессеры» похожи на замызганных собак, — сказал Остапченко в тот зимний день. — Белые, а от радиатора до хвоста у каждого тянется масляная полоса.

— Когда это ты успел рассмотреть такие детали?

— Да сегодня... Метрах в пятнадцати — двадцати от меня пропеслись двое.

— И ты не стрелял?

— Не имел права. Для этого надо было отвернуть в сторону и оставить тебя без прикрытия.

— Вижу по всему: пора выводить тебя на удар.

Вывести молодого летчика на удар, обеспечив ему успешную первую атаку, — дело серьезное. В нашем полку, например, служило не так уж много начинающих истребителей. Их вводили в строй постепенно и умело. Особенно хорошо делал это Алексей Алелюхин. Однажды он полетел с группой, в которой было два молодых соколенка. Бой для наших завязался выгодно — фашистские бомбардировщики разбрелись, и их атаковали раздельно. Молодые летчики подбили «юнкерса», но он все продолжал лететь. Увидев это, Алелюхин передал по радио своим ученикам:

— Разойдитесь-ка, ребята! Попытаюсь наглядно показать, как надо бить гадов!

Новички отвернули в стороны. Алексей Алелюхин проскочил мимо них к «юнкерсу» и приблизился к нему строго в створе его килля. А затем так точно полоснул очередью, что вражеский бомбардировщик всыхнул, как факел...

Наступление Красной Армии не остановили ни морозы, ни метели. Авиация, часто меняя свои базы, двигалась вслед за фронтом. Всего по нескольку дней находился наш полк на аэродромах близ Сальска и Зернограда, в тех самых местах, которые я в 1941 году облетал, как инструктор Черниговского училища.

Здесь я узнали мы радостную новость: 268-я истребительная авиационная дивизия, в которую входил наш полк, была преобразована в 6-ю гвардейскую истребительную авиадивизию. На вечере, устроенном в честь этого события, заместитель командира полка по политической части гвардии подполковник Николай Андреевич Верховец тепло говорил о командире полка гвардии подполковнике Герое Советского Союза Льве Львовиче Шестакове и о начальнике штаба майоре Викторе Семеновиче Никитине, под чьим началом полк прошел трудный путь отступления от западных границ до Волги и сейчас вместе с наземными частями доблестной Красной Армии взял старт к победе.

Затем замполит огласил фамилии ветеранов полка: Асташкина, Елохипа, Куницы, Маланова, Полоза, Рыкачова, Серогодского, Топольского, Тимофеевко, Шилова, Череватенко, а также тех, кто прославился в битве на Дону и на Волге. Среди них были: Баранов, Алелюхин, Королев, Амет-Хан Султан, Головачев, Карасев, Ковачевич, Борисов, Драпищев, Бондаренко, Сержантов и многие другие. Некоторых летчиков из этой славной когорты уже не было в живых, но в полку свято чтили их память, не забыли их отвагу и мужество.

Добрым словом помянул в тот день замполит инженеров и техников, обеспечивших своим самоотверженным трудом успешную боевую деятельность полка. Были названы Спиридонов, Бутов, Фетисов, Карахан, Моисеев, Ляпунов, Зюзин, Косак, Юдин, Кацен и многие другие.

Взволнованно говорил Верховец о командирах и политработниках, об авангардной роли коммунистов и ком-

сомольцев, о славных боевых традициях, по которым живет и воюет полк, о предстоящем наступлении.

Я слушал замполита и благодарил судьбу, что привела меня в наш полк, сроднила с его замечательными людьми.

Все мы гордились своим замполитом. Он был для нас образцом человека, офицера, коммуниста. Требовательность и строгость органично сочетались у него с сердечной заботой о людях, с безграничным вниманием к ним. Действовать на земле и в воздухе по его образцу означало быть в числе лучших. Мы и стремились к этому, побуждаемые умными советами, наставлениями замполита.

Николай Андреевич Верховец обладал удивительным даром: он безошибочно определял душевное состояние каждого своего питомца, знал наши мысли, мечты, тревоги и потому всегда находился рядом с тем, кому требовалась моральная поддержка или дружеское участие.

Порой мы удивлялись: откуда у замполита столько энергии, как ее хватает на все и на всех? Ведь он летал, как каждый из нас, вместе с нами участвовал в воздушных боях. К вечеру после полетов мы иной раз валились с ног от усталости. А Верховец как ни в чем не бывало продолжал заниматься делами. Обойдет стоянку, на которой хлопочут авиаспециалисты, готовя к следующему дню самолеты, поговорит с каждым, выяснит, все ли в порядке, накоротке соберет техников и механиков, расскажет, как действовали сегодня летчики, незаметно перейдет к событиям на нашем фронте и других фронтах, не забудет помянуть добрым словом тружеников тыла, вспомнит о международных событиях.

В столовой Николай Андреевич появлялся, как правило, когда летчики заканчивали ужин. И тут тоже подполковник Верховец не упускал возможности побеседовать с нами, назвать имена наших отличившихся наземных боевых помощников. Осведомленность замполита поражала нас: он всегда и все знал.

А какой пример высокого летного мастерства и взаимной выручки в бою подавал он нам! Все хорошо знали, как в одном из напряженнейших боев, когда у Шестакова отказало оружие и командир полка попал в опасную ситуацию, Верховец выручил его из беды. Он сбил «юнкерса», однако сам был тяжело ранен. Потеряв сознание, Николай Андреевич штыком врезался в землю. Он пришел

в себя, когда гибель казалась неминуемой, но огромным усилием воли вырвал машину из штопора и благополучно привел ее на соседний аэродром.

Вот каким был наш замполит!..

Штабы уже планировали наше перебазирование в Ростов. Мы тоже прослышали об этом и жили хорошими предчувствиями. И вдруг, незадолго до начала боев за освобождение Ростова, в один из зимних дней, всех летчиков нашего полка собрали и увезли в знакомый волжский тыловой город.

На этот раз мы увидели на заводском аэродроме длинные ряды модифицированных, поблескивающих на солнце Як-1. Когда разрешили осмотреть самолеты, мы быстро заметили приятные новшества в их конструкции. На всех машинах была установлена вполне современная, усовершенствованная радиоаппаратура. Срезанный гаргрот * значительно улучшал обзор задней полусферы. Предусмотренный конструкторами стопор заднего колеса — «костыля» — облегчал управление машиной на земле.

Такой самолет был для нас, истребителей, настоящим подарком. Полк, вооруженный новыми «яками», отправился догонять наступающие части.

РОСТОВСКАЯ ВЕСНА

14 февраля 1943 года был освобожден Ростов, а через четыре дня мы приземлились на тамошнем аэродроме.

Зима стояла холодная, многоснежная, ветреная. Авиагородок встретил нас воем метели и черными стенами сгоревших зданий. Сотни ростовчан, кое-как одетых, обутых, расчищали стоянки для самолетов, разбирали кирпич на подступах к уцелевшим частям домов, засыпали и утрамбовывали воронки.

Штаб полка обосновался в одной из комнат разрушенного аэропорта. Нас, летчиков, разместили в ближайшем пригородном поселке.

* Верхняя часть фюзеляжа, примыкающая к кабине. — Прим. ред.

В течение нескольких дней все мы занимались обезвреживанием снарядов и мин, брошенных противником, и обнаружили огромные запасы пороха. Кое-кто из ребят шутки ради стал устраивать опасные фейерверки.

Один из таких фейерверков увидел командир полка. Но его приближение вовремя заметили не в меру разрезвившиеся летчики, и все, как один, скрылись. На месте «преступления» он застал только Николая Остапченко, который случайно подошел туда ради интереса.

— Что здесь творится? — строго спросил Шестаков.

— Фейерверк, товарищ подполковник, — спокойно ответил старший сержант.

— А где же «фейермахеры»? — пошутил Шестаков.

— Разбежались, товарищ подполковник.

— Понятно. Но вы-то почему стоите? — строго взглянул командир на невозмутимого Остапченко.

— Даже сам не знаю...

— Не знаете? В следующий раз будете знать. Пять суток ареста! Можете идти!

Но первым ушел командир полка. Расстроенный Остапченко так и остался на месте, не ведая зачем. Когда товарищи подбежали к Николаю и стали расспрашивать, о чем беседовал с ним Шестаков, старший сержант замалчивал на них руками и только сердито выпалил:

— Пять суток ареста... Прощай офицерское звание!

Отчаяние Остапченко было понятно однополчанам. У нас уже знали, что в штаб армии послано наконец представление на присвоение ему офицерского звания. Остапченко заслужил его — он сбил вражеский бомбардировщик и безукоризненно выполнял обязанности ведомого. Но хорошо знали также крутой характер Шестакова. Ему ничего не стоило повернуть все вспять.

...Фронт стабилизировался — гитлеровские войска заняли оборону по реке Миус. Южнее Ростова они удержались на линии Батайск, Ейск и дальше — перед Таманским полуостровом. Южный и Закавказский фронты, сомкнув фланги, остановились, ослабленные продолжительным наступлением.

Мы летали малыми группами на перехват вражеских бомбардировщиков и парами — на разведку. Маршруты впервые пролегли над морем.

Поехали осмотреть город. В автобусе выяснилось, что многие хорошо знают Ростов. Шестаков после боев в

Испанию служил в Ростове командиром эскадрильи. Александр Карасев сразу заметил нам экскурсовода — он помнил все улицы и кинотеатры: перед войной здесь учился, здесь оставалась и его любимая девушка Надя. Услышав об этом, командир полка разрешил Карасеву ненадолго задержаться в городе.

Вечером весь полк облетела новость: Карасев разыскал родителей Нади. Узнал, что их дочь уже возвратилась из эвакуации и работает в райкоме комсомола. Но увидеться в тот день им не пришлось: девушка вместе с молодыми ростовчанами помогала расчищать аэродром... Наш товарищ был счастлив, предвкушая встречу, и все мы искренне радовались за него...

Ранняя южная весна вступала в свои права: длиннее становились дни, небо было ясным, безоблачным. Воздушные бои над Приазовьем принимали все более ожесточенный характер. Изгнанные с огромной территории юга, фашистские захватчики будто лишь теперь, с приходом тепла, до конца поняли, что им больше не видать богатств Северного Кавказа, не пользоваться урожаями степей и садов Кубани и Дона, и с бешеным ожесточением принялись бомбить южные города и железнодорожные станции.

Особенно доставалось Батайску. Именно на этой станции сходились эшелоны с резервами, оружием и горючим для фронта, непрерывно поступавшие с железнодорожных линий Баку — Грозный — Ростов и Сталинград — Ростов. Весной 1943 года немецко-фашистское командование бросило сюда почти столько авиации, сколько в свое время бросало на Сталинград. Над Кубанью в то время стояла относительная тишина, и немецкие бомбардировщики с аэродромов Крыма, Донбасса, даже из Днепронетровска косяками тянулись к Батайску.

Не случайно в марте 1943 года на нашем аэродроме не раз звучал тревожный приказ, обращенный к летчикам, находившимся в воздухе и на земле: «Все — на Батайск!», «Все — на Ростов!».

В один из мартовских дней произошел, например, такой случай. С юго-востока из-под солнца показалось около семидесяти немецких бомбардировщиков. Шли они группами по 10—15 самолетов с интервалом в одну-две минуты. Причем шли на различных высотах — от 1500 до

3500 метров. А над каждой группой «юнкеров» или «хейпкелей» кружили две-три пары истребителей.

Появление вражеских самолетов наши обнаружили своевременно. Сообщение о массированном налете подняло с различных аэродромов почти всех советских истребителей, находившихся в районе Ростова.

Наш полк взлетел по сигналу одним из первых. Подполковник Шестаков передал в эфир свой боевой клич: «Все — на Ростов!» Начальник штаба Никитин выслал по тревоге на поддержку основной группы самолеты, остававшиеся на земле. Истребители, находившиеся в воздухе и выполнявшие другие задачи, тоже немедленно повернули на Ростов.

Бой вспыхнул сразу в нескольких местах. Решающим для нашего успеха было то, что острей фашистской армады сломалось о наше сопротивление. Фашистские асы надеялись эшелон за эшелонам пройти над важными объектами и по очереди высыпать на них бомбы. Но ситуация сложилась так, что им пришлось отказаться от своего плана. Наши истребители так решительно напали на «мессеров», что те вынуждены были обороняться.

После нашей молниеносной атаки рухнули первые сбитые «мессершмитты». В этот момент еще одна группа гвардейцев панесла второй удар по ведущей девятке «юнкеров» (это была одна из тактических новинок, придуманных и осуществленных Шестаковым). В результате был сбит ведущий «юнкерс», и тут же загорелись еще три. А те, кто все же приблизился к Ростову, сразу поняли, что у нас все подготовлено к встрече: над городом уже вертелся огромный клубок. Сбросив бомбы куда попало, «юнкеры» разворачивались и срочно ложились на обратный курс.

Неудача разъярила врага. На следующий день над Ростовом снова появилось несколько десятков бомбардировщиков, прикрытых истребителями. Теперь группы были больше, интервалы между ними — тоже. Воздушная армада врага шла на город точно с запада.

Словно пытаясь сквитаться за неудачу, которая постигла их накануне, фашистские истребители вели себя исключительно активно. Они забирались на высоту, яростно нападали, делали все, чтобы не подпустить нас к своим бомбардировщикам. Нужны были немалая отвага и риск,

чтобы пробиться сквозь заслон и нарушить строй «юнкерсов» и «хейнкелей».

И все же гвардейцы нашего полка и на этот раз сорвали все планы врага, не дали ему осуществить бомбежку важных объектов — Батайска, Ростовского вокзала, аэродрома.

Воздушный бой истребителей на сей раз был особенно упорным и затяжным.

Только после того как в небе над Доном взорвался их пятый самолет, фашистские истребители, израсходовав горючее, ушли на запад. В тот день в результате атак одного нашего полка противник потерял четыре самолета.

За ужином Шестаков сделал обстоятельный разбор двух последних боев, а в заключение особо подчеркнул, что, судя по всему, мы и впредь будем встречаться с крупными силами неприятеля.

Так оно и было в действительности. Особенно трудным оказался для нашего полка день 25 марта. Он запомнился нам навсегда.

День этот выдался по-настоящему весенний, с голубым небом и высокими белыми облаками. С утра было тихо, пригревало солнце. Только вчера над Батайском побывало 60 вражеских бомбардировщиков. Они зашли на город с различных направлений, намереваясь положить все бомбы на железнодорожный узел. Однако наши истребители сломали тактическую схему налета. Враг и на этот раз просчитался. Но мы предчувствовали: Батайску грозит новая беда.

Часам к одиннадцати на горизонте, под облаками, темной полосой обозначилась воздушная армада. «Юнкерсы» шли группами, на небольшом расстоянии друг от друга.

Мы увидели их с аэродрома, находясь у своих самолетов и в кабинах. Саша Карасев, стоявший на крыле, крикнул:

— Идут!

Истребители по команде быстро поднялись в воздух, чтобы встретить противника на подступах к городу.

На сей раз на Батайск шло не меньше ста бомбардировщиков. А над ними, еле видимые в просветах облаков, на высоте 6000—7000 метров летели «мессершмитты». Они держались на такой высоте, где невозможно было обойтись без кислородных приборов.

Страшная опасность нависла над Ростовом и Батай-

ском — подобного количества «юнкерсов» и «хейнкелей» ни одному из нас еще не приходилось видеть в небе.

Все, кому было приказано взлететь, покинули землю. Я же с двумя товарищами стоял недалеко от командира полка, который с помощью микрофона руководил взлетом.

Звено Дранищева уже набирало высоту. Шестаков волновался, так как в воздухе не видно было наших соседей. Все надежды командир полка возлагал в тот момент на решительного Дранищева: кому-то надо было немедленно напасть на ведущую группу «юнкерсов». Чтобы сэкономить время, Дранищеву следовало развернуться влево, то есть в ту же сторону, откуда надвигались бомбардировщики.

— Разворачивайся влево! Разворачивайся влево! — методично повторял в микрофон Шестаков, прикипев взглядом к небу.

Дранищев наверняка слышал команду, но он уже отклонился вправо и, видимо, не хотел менять свой план. Однако голос командира отрезвил его — ведь это был приказ! «Ястребок» качнул крыльями. И все же, к нашему удивлению, Дранищев пошел вправо.

— Старая скрипучая дверь! — крикнул Шестаков, швырнув микрофон на землю. Это было его страшнейшее ругательство. Потом, оглянувшись на тех, кто стоял рядом (наши имена еще не были названы к вылету), он приказал: — Всем — на Батайск!

«Всем» означало четверем последним летчикам и ему, Шестакову, в том числе. Все четверо помчались к машинам.

Да, Дранищев немного опоздал — его опередили истребители соседнего полка, решительно атаковавшие «юнкерсов».

Зенитки псытнали небо над Ростовом шапками разрывов. Вокруг нас мелькали крылья с крестами, а на земле уже рвались бомбы. Однако воздушный бой только начинался.

Амет-Хан повел свою эскадрилью на большую группу «юнкерсов», отколовшихся от тех, что полетели на Батайск. Их было штук сорок, шли они на наш аэродром.

Никогда не робел Амет-Хан перед неприятелем, даже если он в несколько раз превосходил численностью отряд его самолетов. Он побеждал врага изобретательностью,

хитростью, бесстрашием и редко применял лобовые атаки (в полку знали их силу и слабость!). Не дрогнул командир эскадрильи и в том бою. Он видел, как приближались к центру Ростова в плотном боевом порядке «юнкеры». Понимая: вот-вот бомбы посылятся на вокзал, на аэродром. И потому повел свою группу прямо навстречу бомбардировщикам.

Увидев это, мы стали отсчитывать секунды.

От наших самолетов потянулись трассы. Ведущий «юнкеров» напоролся на них, и тяжелое тело машины взорвалось в воздухе. Однако немецкие истребители уже напали с высоты на отважную шестерку Амет-Хана. И начали прямо с ведущего группы. Но его надежно прикрывал напарник Борисов, успешно отбивавший атаки, пока не загорелся его «як».

Борисов вынужден был воспользоваться парашютом. Его место тут же занял молодой истребитель Николай Коровкин. А Амет-Хан продолжал атаковать «юнкеры». Вслед за своим командиром в атаку бросился и Коровкин. Ему удалось сбить бомбардировщика. «Мессершмитта» же, который пытался напасть на Коровкина, на глазах у молодого истребителя свалил вездесущий Амет-Хан.

Бой достигал своего апогея: в него были втянуты над сравнительно небольшой территорией более 200 самолетов. Наши истребители перехватывали «юнкеров» на крутых вертикалях, вели поединки с «мессерами». Но главным объектом атак оставались «юнкеры»: страшную опасность таили в себе их бомбы.

Атмосфера накалилась до предела. Ради победы наши летчики шли на самые крайние меры. У Николая Коровкина кончился боезапас как раз в тот момент, когда он прицеливался по бомбардировщику. Что делать? Выходить из боя? Нет, не таков Коровкин! Я видел, как он довернул к «юнкерсу», ударил его крылом, и обе машины стали падать на землю. Таран — оружие крайнего случая, оружие смелых. Удастся ли спастись Николаю? Кажется, все в порядке! Вот он покидает самолет, вот вспыхивает купол парашюта. Но к нему тут же устремляется «мессершмитт», открывает огонь. Николаю грозит смертельная опасность. На выручку бросается вездесущий Карасев. Короткой очередью он поджигает фашиста, но уже поздно: тело Коровкина безжизненно повисает на стропе. В ярости Александр Карасев ринулся к другому «мессе-

ру», но сам напоролся на встречную трассу, сбившую фонарь с его кабины. Осколки фонаря поранили ему лицо. Кровь заливала глаза летчика, однако он продолжал атаку и сразил еще одного фашиста.

Чуть выше Карасева вел бой с двадцатью «Дорнье-215» лейтенант Леонов. В другом клубке сражался молодой летчик Шапиро. Последними снарядами сбив «юнкера», он пошел на хитрость — имитировал лобовые атаки. И это дало неожиданный эффект — немецкие бомбардировщики стали шарахаться в стороны, подставляя себя под удар других наших истребителей.

День 25 марта стал для нашей дивизии днем большой победы и тяжелых потерь. Именно он круто изменил воздушную обстановку на нашем фронте. В тот день только 9-й гвардейский полк уничтожил 16 самолетов противника. Так состоялось боевое крещение наших новых «яков».

До самого вечера в воздухе стояли столбы дыма — это за городом догорали сбитые вражеские самолеты. Наши потери были значительно меньше, но они тяжелой болью легли на сердце: мы потеряли чудесного парня — Николая Коровкина. Он мертвый упал с парашютом недалеко от аэродрома. В парке у аэровокзала мы и похоронили храброго летчика. На могиле его в ростовском аэропорту сразу поставилиobelisk...

Жители Ростова и Батайска вздохнули с облегчением: советская авиация надежно прикрыла их с воздуха, обеспечив возможность нормальной жизни и работы.

...В Ростове буйствовала весна. А мы были молоды и даже в дни боев не могли не замечать ее. В свободную минуту всем хотелось вырваться в город, побродить по нему, отдохнуть. Ростов показывала нам Надя, ставшая вскоре женой Саши Карасева. Свадьба нашего друга была первой свадьбой в полку. Мы все очень радовались за молодых...

В апреле исполнилась годовщина с того дня, как наш полк стал гвардейским. Это событие решили отметить всей полковой семьей.

Общими усилиями подготовили к торжественному вечеру «актовый зал» — вестибюль аэропорта, от которого остались только стены и колонны. Подполковник Верховец пригласил на вечер представителей местных властей, договорился о выступлении концертной бригады.

И вот собрались все авиаторы 9-го гвардейского истребительного авиационного Одесского ордена Красного Знамени полка. Это было внушительное зрелище: у каждого на груди сверкали боевые ордена, медали. Выступил замполит. Кратко напомнил дорогую каждому историю полка, назвал имена лучших из лучших, предложил почтить минутой молчания память погибших однополчан.

Потом начался концерт, первый концерт, который мы слышали в годы войны. Когда певица исполняла «Темную ночь», многие украдкой смахивали набежавшие слезы. Провожали певицу бурей оваций. Долго аплодировали мы и солдату — полковому поэту, прочитавшему стихи, посвященные Льву Львовичу Шестакову. Я запомнил лишь одно четверостишие:

Наш орел расправил гордо крылья
Над грядой черных облаков,
В бой ведет гвардейцев эскадрильи
Командир бесстрашный Шестаков.

Пусть стихи были слабыми. Разве в этом дело?! Они нравились нам, потому что точно выражали наше отношение к любимому командиру.

Довелось в тот вечер и посмеяться — авиатехники Петр Косак и Сергей Домашний отлично исполнили знаменитый дуэт Одарки и Караса из оперы «Запорожец за Дунаем».

Весело прошел наш полковой праздник. Он явился для нас хорошей разрядкой.

Утром следующего дня мы с Остапченко улетали в Сальск на сбор летчиков-бомбардировщиков, организованный командармом. Зачем понадобилось наше присутствие, поняли, только прибыв на место, когда получили приказ провести воздушные бои с бомбардировщиками со всеми элементами сближения, атаки, выхода из нее. Это потребовалось для того, чтобы помочь летчикам и стрелкам-радистам «пешек» (как называли Пе-2) отработать навыки ведения боя с «мессершмиттами».

— Атакуйте из всех возможных положений! Пусть отбиваются, — сказал нам руководитель сборов.

Мы с Остапченко постарались не ударить лицом в грязь. Такое выделяли в воздухе, что члены экипажей бомбардировщиков выходили из кабины мокрыми. И нападающие и отбивающиеся старались изо всех сил: ведь

готовились не к параду — к бою. Эти полеты многое дали не только летчикам-бомбардировщикам, но и нам с Остапченко. Заслужив благодарность, оба накануне 1 Мая вернулись в Ростов. Город готовился к празднику: украшались улицы, площади. Руины постепенно закрывала зелень деревьев.

Первомай принес всем нам большую радость: многим были вручены награды. Наша дивизия одной из первых в Советских Вооруженных Силах получила почетное наименование Донской. Я был счастлив вдвойне — мне присвоили звание Героя Советского Союза.

Первым меня поздравил Шестаков. В порыве радости и счастья мне очень хотелось обнять любимого командира. Но я вовремя вспомнил, что Лев Львович не любит бурного проявления чувств, и сдержанно поблагодарил его, пожав протянутую руку.

Потом примчался Василий Иванович Моисеев. Он просто обхватил меня своими крепкими мозолистыми руками, начал восторженно трести, целовать. Мы оба понимали: в моей награде немалая доля и его заслуг, его труда, добросовестности, верности долгу.

Поздравляли меня весь день. Лишь к вечеру удалось остаться одному, спокойно осмыслить происшедшее. Вспомнил своих командиров, вспомнил друзей, которых уже нет в живых, — Баранова, Серогодского, Тильченко... С глубокой благодарностью думал о Шестакове, Верховце, Амет-Хане, Алелюхине, Ковачевиче, Королеве, Головачеве. Многим я был им обязан. От каждого из них я взял для себя частицу ценного опыта, все вместе они помогли мне приобрести прочные крылья истребителя.

После праздничного ужина я долго бродил с друзьями по ростовским улицам. Мы пели, шутили, смеялись. Давно не было так хорошо, как в тот вечер.

А через несколько дней я вел эскадрилью на новый аэродром. Гостеприимный город, с которым у наших летчиков были связаны самые добрые воспоминания, остался позади. Мы летели навстречу новым боям.

ВПЕРЕДИ — УКРАИНА

Недолго пробыли мы близ Гуково, однако запомнили этот аэродром. Наряду с обычной боевой работой отсюда впервые были совершены полеты над морем.

Нам поручили уничтожить на воде катера, баржи, пароходы, которые перевозили боеприпасы и пополнение для нескольких потрепанных немецко-фашистских дивизий, прижатых советскими войсками к морю на Таманском полуострове.

Для нас полеты над морем были в новинку — ни специальной подготовки, ни опыта никто из летчиков, кроме командира полка, не имел. Тем не менее задание командования выполнялось успешно.

Мы с Остапченко отправились в свободный, охотничий полет через Таганрогский залив на Ейск. Для нашей пары это была первая челночная операция. Предстояло пройтись над водным простором, обстрелять замеченные транспорты врага, приземлиться в Ейске, пополнить горючее и боекомплект, а затем проделать ту же боевую работу, но уже на обратном маршруте.

Море ослепительно сверкало под ярким весенним солнцем. Вокруг был удивительный, безграничный простор. Никаких ориентиров, только синяя-синяя водная гладь.

Остапченко близко подошел к моему самолету, как бы прижался ко мне перед лицом опасности, которую таила лежащая под нами бездна. Я тоже чувствовал себя не совсем спокойно. Вдруг откажет мотор? Вдруг случится такое, что придется идти на вынужденную? Но какая может быть здесь вынужденная посадка? Это верная гибель... Хотел было спросить у Николая по радио о его самочувствии, но включить передатчик не решился — это могло помочь врагу обнаружить нас.

Посмотрел в сторону Остапченко. Он держался уверенно. Это меня успокоило. Все опасения, вызванные необычностью полета над морем, сразу развеялись, я обрел прежнюю уверенность, включился в активную работу. И тут же заметил на воде необычную белую полосу. Что это? Чей след? Ага, идет катер. Первая морская цель. Что ж, испытаем и тут свою удачу.

Осмотревшись, убедились, что никакого прикрытия над целью нет, снизились, догнали катер, выпустили по нему несколько очередей. Он начал отстреливаться. Этого мы не ожидали. Зашли еще раз и заставили его навсегда умолкнуть. Второй целью оказалась тяжело груженная баржа, также имевшая на борту зенитно-пулеметные установки. Покопчив и с баржей, мы благополучно приземлились на площадке возле Ейска. Зарулив на стоянку, поды-

тожили результаты вылета: проложен новый маршрут, приобретен первый опыт атаки морских целей.

Под вечер отправились на свою базу. На обратном пути чувствовали себя значительно уверенней. Море уже не пугало нас...

В один из дней, возвращаясь с боевого задания, я вдруг увидел на нашем аэродроме два необычных самолета. Один из них стоял вблизи КП, другой лежал распластаный за пределами летного поля. Присмотревшись, я в первый момент даже растерялся: это были «мессершмитты».

— Не удивляйтесь, товарищ лейтенант, — охотно пояснил техник Моисеев. — Здесь у нас целый переполох случился! А немецкие летчики, между прочим, сами зашли на посадку. Пилоты с поднятыми руками вылезли из кабин, их отправили в штаб армии. Ну а самолеты, как видите, вроде подарка нам оставлены.

Самолет противника на нашем аэродроме — немалое событие. Всем хотелось увидеть поближе оружие врага, изучить его. Люди окружили «мессершмитт» тесным кольцом. На крыло взобрался Олег Зюзин, в кабине сидел Шестаков. Техники ощупывали каждый узел.

Командир полка запустил мотор, погонял его на разных режимах. Потом под возгласы одобрения пошел на старт. «Мессершмитт» помчал по аэродрому. В тот день помимо Шестакова несколько летчиков поднимались в воздух на чужом истребителе и летали по кругу над своим аэродромом. Разговоры были только о нем. Зюзина единодушно признали лучшим знатоком «мессершмитта», а потому командир официально закрепил «чужака» за ним.

Вначале Олег был польщен. Но прошло несколько дней, и наш однополчанин стал роптать, а потом потребовал, чтобы его избавили от ненавистного подопечного...

Летчики — народ сообразительный, малейшие изменения обстановки не проходили для них незамеченными. Довольно точно определили мы и то, что предстоит наступление. Это подтверждалось и повышенным интересом, который вдруг стало проявлять к 9-му гвардейскому полку командование воздушной армии, и тем, что подполковник Шестаков неожиданно устроил на новом аэродроме оригинальное показательное учение. С утра всех летчиков вывезли на летное поле, куда прибыли инспекторы из штаба воздушной армии. Каждый из нас поднимался по

графику в воздух и выполнял на глазах у придиричивых поверяющих сложнейшие фигуры высшего пилотажа.

Затем состоялся разбор, в конце которого нам неожиданно сообщили, что Шестаков назначен заместителем командира дивизии. Штаб дивизии стоял недалеко от нашего аэродрома, и Лев Львович в тот же день вылетел к новому месту службы. Командиром полка к нам пришел Герой Советского Союза гвардии подполковник Анатолий Афанасьевич Морозов, которого многие из нас давно и хорошо знали.

Не знаю, чем объяснить, но фашистские бомбардировщики вдруг резко участили налеты на наши тылы и боевые позиции. Перехватывать «юнкеров» с нашего далекого от линии фронта аэродрома было почти невозможно. Поэтому группу истребителей срочно посадил на площадке подскока, вблизи фронта. Меня назначили командиром этой группы. Восемь «яков» рано утром перелетели на удобное местечко, расположенное между степными лесополосами. Приземлившись, мы быстро спрятали машины в чаще деревьев.

Первые вылеты с площадки подскока были малоуспешными. Пока мы запускали моторы, заметив появление «юнкеров», перехватить их было уже невозможно. Мы, правда, догоняли бомбардировщиков, но догоняли далеко от фронта, над своей территорией.

Узнав об этих трудностях, заместитель командира дивизии Л. Л. Шестаков немедленно оказал помощь: в лесополосе на второй же день появились радиостанция и радиист, хорошо знавший немецкий. Теперь дело пошло иначе. Мы вылетали только на уже засеченную группу противника, встречали «юнкеров» у линии фронта и вовремя атаковали их. В этой ситуации трудности стали испытывать уже вражеские истребители. Случалось так, что иногда они обнаруживали наше присутствие, лишь увидев, как вспыхивал их подзащитный.

...Вернувшись с очередного задания, мы только приземлились между лесополосами, как на радиостанцию поступило сообщение, что командующий фронтом генерал Ф. И. Толбухин объявляет всей группе истребителей благодарность за решительные и изобретательные действия. А ведущего «Сокола-17» (это был мой позывной) награждает именными часами...

Вскоре на площадке подскока нас сменяла группа Алелюхина, а мы возвратились на полковую базу.

С 1 мая по 1 июля 1943 года 9-й гвардейский совершил свыше шестисот боевых вылетов, и половину из них — на прикрытие наземных войск. В воздушных боях за это время было сбито свыше 40 немецких истребителей и 30 бомбардировщиков.

В конце июня я повел четверку «яков» на прикрытие наших войск, которые удерживали знаменитый Матвеев курган.

Был солнечный день. Сизая дымка скрывала от глаз укрепления и позиции, делала малозаметными даже выстрелы орудий и взрывы снарядов.

Над Матвеевым курганом в небе было спокойно. Мы спикировали на высоты и возвратились на свою территорию. По опыту мы уже знали, что именно здесь можно было наткнуться на чужие самолеты, которые постоянно стремились проникнуть к пристрелянным переправам, мостам, крупным населенным пунктам.

Особенно часто подвергалась тогда нападениям прифронтовая станция Великокрепинская, которая раскинулась по берегу речушки Крепкой, впадающей в Дон. Знали мы этот край хорошо, ориентировались над ним, как дома. Неудивительно, что я на большом расстоянии безошибочно узнал знакомую станцию. Именно тогда на подходе к ней мы слышали станцию наведения истребителей: она звала нас на перехват немецких бомбардировщиков, которые шли на Великокрепинскую. Включив передатчик, я попросил уточнить курс, по которому шли «юнкеры», их количество, высоту. Полученные данные говорили о том, что мы находимся выше «юнкеров». В этом мы убедились через несколько минут.

Две группы бомбардировщиков с небольшими интервалами приближались к прифронтовой станции. Раздумывать было некогда. Атака и только атака могла заставить экипажи «юнкеров» отклониться от избранной цели и сбросить бомбы куда попало.

— Атака! — подал я команду своей четверке и перевалил своего «яка» в пикирование.

«Юнкеры» быстро приближались. Я шел на большой скорости, шел навстречу первой группе, прицеливаясь в ведущего. За мной летели товарищи. «Только не промах-

нуться. Только сбить!» Эта мысль безраздельно владела мной.

Летчик «юнкерса» явно растерялся. Пули и снаряды одновременно впились в большую, словно зависшую, тушу «юнкерса».

— Горит! — закричал Николай Остапченко.

Но я и сам знал, что «юнкерс» обязательно сгорит. Мое внимание было уже приковано ко второму бомбардировщику: забыв об осторожности, он шел в мою сторону.

На этот раз мне тоже удалось осуществить задуманный маневр. Оба «юнкерса» упали недалеко от станицы Великокрепьевской. Остальные, так и не сбросив свой смертоносный груз, повернули на 180 градусов.

В воздушном бою с немецкими истребителями мы расходовали весь боекомплект. У меня первого не стало боеприпасов. Преследуя «мессершмитт», я внезапно заметил это. Надо было срочно выходить из игры.

— Атакуй, я прикрою! — быстро передал я Николаю Остапченко, а сам отвернул в сторону. Ведомый понял меня.

Немецкий истребитель оказался сбитым. Моя четверка без потерь возвратилась на свой аэродром.

Когда я доложил об этом бое командиру полка Морозову, он сказал:

— Хорошо. Садись отдохни. Как проходил бой, я знаю. Все слышал по радио. — Я присел на скамейку, начал вытирать вспотевшую от жары голову. А Морозов смотрел на меня, улыбаясь, и продолжал: — Срочно бери мою эмку, поезжай переодеться и возвращайся сюда. На очень важное свидание. Ясно?

— Ясно! — ответил я, ничего не понимая.

— Ну давай. Жду.

Я пошел разыскивать эмку. Ее водитель Вася Погорелый так усердно прятал нашу единственную легковую машину, что непросто было отыскать ее без привычки. Сам он ко мне, конечно, не выехал бы из своего замаскированного укрытия, как делал это, завидев командира полка.

И все же я довольно быстро нашел Погорелого. Управились мы минут за тридцать. Морозов указал на карте место, куда мне следовало явиться. По всей вероятности, это был аэродром штаба фронта. Я сделал такой вывод потому, что, приблизившись к цели, мы увидели протянутую по земле телефонную линию.

Дорога привела нас в густой перелесок. Здесь эмку неожиданно остановили, и я представился старшему офицеру. Он и проводил меня к группе генералов, стоявших на летном поле. Я сразу узнал среди них командующего нашей воздушной армией генерала Хрюкина.

— Вот он, товарищ командующий фронтом, — сказал Хрюкин высокому полному генералу, указывая в мою сторону.

Я сообразил, что это и есть Федор Иванович Толбухин.

Толбухин с интересом оглядел меня.

— «Сокол-17»? — приветливо спросил он. — Здорово вы со своими товарищами уничтожаете «юнкерсов». — В руках командующего засияли золотые часы. — Вы, товарищ лейтенант, провели великолепный воздушный бой над нашими войсками. За этот бой командование фронта награждает вас этим памятным подарком. Желаю новых успехов!

— Служу Советскому Союзу! — взволнованно произнес я.

...Обратно мчались с Погорелым по той же пыльной дороге. Положив часы на ладонь, я долго рассматривал их. Мог ли я думать тогда, что в недалеком будущем, подбив «раму», я столкнусь с ней, окажусь в тылу врага и навсегда расстанусь с этими чудесными часами, подарив их хорошему человеку; что мой воздушный бой, высоко оцененный Ф. И. Толбухиным, и мой позывной «Сокол-17» командующий фронтом вспомнит еще раз при весьма необычных обстоятельствах и что этот факт сыграет немаловажную роль в моей жизни...

Вскоре после встречи с командующим фронтом меня неожиданно послали в Москву, в штаб ВВС.

О цели командировки я ничего не знал, и это тревожило. Морозов сказал только, что меня, видимо, примет командующий ВВС. Так оно в действительности и было.

Маршал авиации Александр Александрович Новиков принял меня поздно вечером.

Усадив в кресло перед собой, он стал расспрашивать о жизни полка, о моих последних воздушных боях.

Рассказывая о себе и о товарищах, я заметил, что Александра Александровича интересует прежде всего мой собственный боевой опыт, мысли о тактике действий на-

ших истребителей, взгляды на новые приемы воздушного боя и на поведение «мессершмиттов» в поединках.

Выслушав меня, он сказал:

— Рядом с моим кабинетом есть свободная комната. Завтра с утра садись и пиши статью. Большую статью о своих воздушных боях. Это будет поучительно для других.

— Товарищ маршал, я никогда не писал статей.

— Клади перед собой летную книжку и пиши о каждом сбитом вражеском самолете.

— Сбивать я умею... А вот описать, как было дело...

— Изложи, как сумеешь. Журналисты помогут доработать. — Новиков дружелюбно оглядел меня с головы до ног, задержав взгляд на поношенной, выгоревшей гимнастерке и быстро что-то написал на небольшом листке бумаги. — Завтра зайдешь в мастерскую. Пусть как следует оденут героя. — И протянул мне исписанный листок. — А когда закончишь статью, мы познакомим тебя с конструктором «яка», — сказал он на прощание.

...Несколько дней мы работали с сотрудником «Красной звезды». Я писал и рассказывал, потом перечитывал то, что он уже обработал. Беседуя с военным журналистом, я многое осмыслил по-новому и был очень благодарен ему за это.

А потом, как и обещал командующий ВВС, меня повезли в конструкторское бюро одного из замечательных советских конструкторов Александра Сергеевича Яковлева.

В кабинете, заставленном свертками чертежей, макетами, деталями самолетов, я увидел генерала, занятого какими-то расчетами. Это и был Яковлев. Меня представили, и он сразу отложил в сторону дела. Видимо, беседа с истребителем-фронтовиком, который летает на «яках», интересовала авиаконструктора.

Рядом с Яковлевым я почувствовал себя не совсем уверенно. Он, конечно, ждал от меня дельных высказываний о боевых качествах созданных им истребителей, особенно о самом совершенном из них — о Як-1. Эту машину я знал отлично. Мне были хорошо знакомы и его учебно-тренировочные самолеты УТ-1 и УТ-2. И я искренне дал высокую оценку всем этим машинам.

Поначалу Яковлев слушал меня опустив голову. Ко-

гда я умолк, он поднял свои умные глаза, с интересом посмотрел на меня и оживленно спросил:

— Давно вы летаете на «яках»? Сколько сбили на них немецких истребителей?

Я сразу сообразил, что конструктора интересуют преимущества нашего истребителя над подобными типами вражеских машин. Разговор пошел свободнее. Я рассказывал о том, как в различных ситуациях проявляются преимущества и слабые стороны нашего истребителя по сравнению с Ме-109. Яковлев слушал и что-то чертил карандашом на листе бумаги. Когда же я вспомнил, что у Як-1 при перегрузке на выходе из пикирования срывается с крыльев обшивка, конструктор отбросил карандаш, встал из-за стола, возбужденно зашагал по кабинету.

Я умолк.

— Говори, говори, пожалуйста, — попросил он. — О крыльях я слышу в сотый раз. Это давно уже учтено.

Я признался, что летчики мечтают о надежном самолете с металлическими крыльями.

Яковлев внимательно слушал меня. Потом неожиданно спросил:

— Когда вы возвращаетесь на фронт?

— Наверное, завтра.

— Вы, конечно, без самолета?

— «Яков» в полку мало... В мое отсутствие товарищи и на моем совершают боевые вылеты...

Дружески взяв меня под руку, Яковлев доверительно сказал:

— Конструирование — это тоже бой, лейтенант. Выиграть его в стычках с инерцией, ограниченностью, с самим временем — для этого нужно много усилий... Здесь, в бюро, нам иногда кажется, что мы достигли нужного результата. А жизнь порой дает свою оценку нашему делу — совсем не ту, на какую мы рассчитываем...

— Но мы любим Як-1. Он — постоянная гроза в руках умелого летчика! — воскликнул я.

— Это известно, — спокойно произнес Яковлев и повел речь о другом: — Завтра передадим вам для полка наш новый самолет — Як-9. Вы о нем еще не слышали, не знаете его. На аэродроме инженеры ознакомят вас с «поворожденным». Он значительно тяжелее первого, шум-

ки на нем калибром покрупнее, емкость бензобаков больше.

Каждое слово конструктора о новой машине падало меня радостью. Я на миг представил, как буду лететь на ней на фронт, как приземлюсь на своем аэродроме...

В цехах авиазавода я впервые ознакомился с процессом рождения самолета. От каркаса до живой, законченной, красивой машины. И это чудо творили в основном женские руки! А как тепло встретили меня рабочие!

На заводском дворе стояло несколько готовых Як-9. Внешне этот истребитель был похож на своего предшественника, но конструктивные изменения были значительными. Мне пришлось немало попотеть, пока их освоил. Наконец я запустил мотор, опробовал его, снова выслушал советы и наставления инженера.

Москва простиралась под крыльями моего нового самолета. Я закреплял его, разглядывал город, прощаясь с ним. Все здесь было таким дорогим, будто я давным-давно его знал.

Перелет на наш аэродром близ города Шахты был длительным, с несколькими посадками на маршруте для заправки горючим.

Лишь только приземлился и подрулил к своей стоянке, занятой моим испытанным в боях «яком», как Монсеев взобрался на крыло и протянул «Красную звезду».

— Читаем, ума набираемся!

Я удивленно уставился на него.

— «Мои воздушные бои». Продолжение следует! — воскликнул верный Вася Капарак (а все-таки Монсееву очень подходило это прозвище!).

Развернув газету, я увидел название первой статьи, над которой стояла моя фамилия. В конце значилось: продолжение следует.

А к новому самолету, стоявшему в лучах солнца, уже сходились летчики. Разминная ноги, я отошел чуть в сторону и сразу ощутил удивительную тишину.

Это были первые дни грозного июля 1943 года, дни, когда началась битва под Курском, когда разгорелось оборонительное сражение Центрального фронта в районе Курского выступа. И хотя события эти происходили в нескольких сотнях километров от нашего аэродрома, все летчики чувствовали себя сопричастными к ним, дрались

на своем участке с особым ожесточением. Боевые вылеты в тот период отличались особенно высокой результативностью.

Вот почему уже на другой день после возвращения из Москвы я включился в боевую работу полка. К величайшему удивлению Васи Капарак, я пошел на задание не на новом истребителе, а на своем верном Як-1 с номером 17. Таков уж был обычай фронтовиков: до конца быть верным оружию, с которым побеждал. Я не пожелал менять самолет потому, что новый истребитель Як-9 хотя и имел пушки помощнее и больший запас горючего, но маневренными качествами уступал своему легкому, изворотливому брату — Як-1.

Чуть не подвело меня: несколько дней спустя во время первого же вылета Як-9 был сбит в воздушном бою. Вел его опытный истребитель Левшенко. Он, как и я, овладел новой машиной и охотно взял ее. Но в бою на вертикальном маневре тяжелый Як-9 отстал, и его обстреляли «мессершмитты». Он рухнул вместе с пилотом вблизи аэродрома и глубоко ушел в землю.

В середине июля наш полк получил приказ сдать свои самолеты. Личный состав был перевезен в тыл, в район Зимовники.

Приземлившись вблизи донской станцы, мы увидели среди ровного поля длинный ряд совсем незнакомых самолетов. Они имели колесо на длинной стойке впереди, под мотором, и были окрашены краской мрачного неопределенного цвета.

Командир полка Морозов подвел нас к крайнему истребителю, осмотрел его, сказал:

— Подарок союзников — «аэрокобра». Надеюсь, мы укротим ее...

Переучивание на «аэрокобру», которым руководил полковник Миронов, усложнялось тем, что мы не располагали ни одним самолетом со спаренной кабиной, так называемой спаркой. Чтобы компенсировать этот недостаток, инженеры и конструкторы, доставившие новые машины, оборудовали класс для теоретических занятий. Мы просиживали в этом классе с утра до позднего вечера, изучая кабину и шасси. «Кобра» являлась для нас принципиально новым самолетом, и, чтобы управлять ею, требовались определенные навыки. Достаточно сказать, что,

например, тормоза у «кобры» были, как у автомобиля, пожные, а мы привыкли пользоваться только ручными.

Тренажи на земле показали, что не всем пашим летчикам удастся быстро и безукоризненно овладеть новой машиной. Когда же дошло до полетов, случались и весьма нежелательные происшествия: один из пилотов разбился, другой выпрыгнул с парашютом, покинув «кобру». Николай Остапченко, забравшись на высоту, чуть было не приземлился на том свете. Его машина, потеряв скорость, в один миг перешла в штопор. Хорошо, что Остапченко не растерялся и не выпрыгнул из машины (в такой ситуации «кобра» и после прыжка мало кого отпускала живым, не ударив смертельно своим хвостом). Уже у самой земли ему удалось вывести машину из штопора.

У тех, кто летал на Як-1, заокеанский подарок не вызывал особого восхищения. И все же «кобра» была современной боевой машиной, сделанной на уровне хороших истребителей периода войны. Спустя две недели мы уже выполняли на «кобре» учебные задания.

В середине августа, освоив на «кобрах» все испытанные приемы атак и оборон, отработав самые эффективные боевые порядки, коллективный взлет и т. п., мы перелетели на свой аэродром вблизи Ростова. День возвращения полка на фронт оказался знаменательным: он совпал с началом штурма укреплений противника на реке Миус войсками Южного фронта.

Советская артиллерия в то утро несколько часов вела ураганный огонь по немецким укреплениям. Стрелковые части и танки стояли на исходных рубежах, готовые к прорыву обороны. Земля в тот августовский день окуталась дымом, сквозь который во многих местах пробивалось пламя. Величественная картина битвы была видна с высоты на много километров.

Мы, летчики-истребители, все внимание сосредоточили на наблюдении за воздухом. Фашистские бомбардировщики должны были непременно прийти сюда.

Мы ходили над районом битвы, то снижаясь и разгоняя вражеские самолеты, то набирая высоту (такой способ барражирования у нас назывался «качать люльку» *).

* Выражение «качать люльку» на жаргоне летчиков означало барражирование со снижениями, набором высоты и разворотами поперек вероятного направления, где могут появиться самолеты противника. — *Прим. ред.*

В определенных районах наша группа, развернутая по фронту, одновременно разворачивалась на 180 градусов. «Кобры» легко брали высокие горки, и превосходство в высоте создавало нам явное преимущество.

Две группы бомбардировщиков «Хейнкель-111» мы обнаружили на большом расстоянии. Наш ведущий предупредил, что в атаку пойдут две четверки, а одна останется для прикрытия.

Сблизившись, я повел свою группу на врага. Удар с высоты со стороны солнца был неотразим. Огонь семи огневых точек «кобры», в том числе пушки и шести крупнокалиберных пулеметов, в таких ситуациях особенно эффективен. Я атаковал ведущего. На расстоянии 150 метров «хейнкель» оказался таким большим, что я даже растерялся, куда бить. Потом прицелился в мотор, открыл огонь. Видимо, я стрелял дольше, чем было нужно. «Хейнкель» вспыхнул сразу. Его соседи шарахнулись в разные стороны, высыпав бомбы на пустые поля.

Все ведущие пар моих двух звеньев успешно обстреляли других бомбардировщиков, отчаянно удиравших с поля боя. А тем временем к нам приближалась еще одна группа «хейнкелей». Она была уже недалеко и пахотилась на одной с нами высоте. Забираться на высоту — значило для нас потерять драгоценные минуты, в течение которых противник сбросит бомбы на наши войска. Четверка прикрытия, образовавшая над нами «крышу безопасности», давала нам возможность атаковать и из того положения, в котором мы пахотились.

Спол уничтожающего огня, выпущенный моим самолетом, догнал еще один вражеский бомбардировщик. Его моторы вышли из строя, он потерял опору и повалился к земле.

Мы возвращались на аэродром, довольные «коброй», особенно мощностью ее вооружения.

На следующий день вылетели в том же направлении и сразу наткнулись на «мессершмиттов». Они ждали нас. Бой завязался кучный, тесный, самолеты вмиг перемешались. Пока я преследовал одного Me-109, Остапченко, немного отстав, встретил несколько самолетов и потерял меня. Атакованный мной «мессер» уже падал вниз, а я все не мог разыскать своего ведомого. Пришлось продолжать бой в группе.

Около получаса наша шестерка, а затем уже пятерка дралась с десяткой «мессершмиттов». Отвага советских летчиков и сокрушающий огонь оружия обеспечили нам победу — мы очистили небо от противника, советские бомбардировщики вышли на цель и возвратились домой без потерь. А мы вернулись на свой аэродром, но без Николая Остапченко. И вдруг, уже заходя на посадку, я увидел на краю поля «аэрокобру», окутанную дымом. Что за самолет? Почему он очутился за пределами ровной полосы?

На стоянке меня встретил Моисеев. Прыгнув на крыло машины, он стал что-то кричать. Я не расслышал его слов, но по выражению лица догадался, что техник пребывал в хорошем настроении.

История, происшедшая с Николаем Остапченко, в изложении Моисеева рисовалась не столько драматической, сколько веселой, хотя речь шла о жизни и смерти.

Потеряв меня, Николай, оказывается, привязался к какому-то другому самолету и вышел вместе с ним из карусели. Только тогда он понял, что доверчиво и мирно шел ва... «мессершмиттом». Не успел опомниться, как по его самолету полосула очередь. Бензобаки и пропеллер получили пробоины. Николай бросил машину в пике, чтобы избежать новой атаки. А выйдя из пикирования, почувствовал, что лететь трудно: мотор трясло, а следом за «коброй» тянулась ленточка распыленного бензина.

Когда он все-таки добрался до своего аэродрома, те, кто находились на земле, увидели, что «кобра» Остапченко загорелась. Ковачевич бросился к радиопередатчику и приказал летчику покинуть машину. Но Николай все-таки посадил «кобру». Выскочив из кабины, он бросился прочь от самолета. А пробежав несколько метров, почувствовал, что ему мешает какая-то тяжесть. Только тогда Остапченко заметил, что не снял парашют и он бьет по ногам. Наклонившись, чтобы отцепить ремни, летчик с ужасом увидел, что следом за ним с горки катится его горящая «кобра». Катится и горит. Тут уже было не до того, чтобы снимать парашют. Остапченко побежал дальше, не сообразив, что надо свернуть в сторону. К счастью, на выручку ему подоспели на машине летчики и техники. Кто-то крикнул, чтобы Николай опомнился, остальные бросились к «кобре», остановили ее, песком сбили пламя на крыле.

Я, оказывается, застал последний кадр этой истории.

«Кобра» была уже потушена, а Николай, обрадованный тем, что пострадало только одно крыло, рассказывал товарищам, что с ним произошло в воздухе. Заметив меня, мой ведомый прервал свои воспоминания, приблизился ко мне вплотную и впопыхало сказал:

— Черт его знает как оно случилось... Самолетов было — как на ярмарке. Все смешалось. Бросился к одному — не семнадцатый, к другому — чужой, ну, думаю, третий — уж паверняка твой... Это и подвело под мошастырь. Как полоснул меня «мессер» — стрелки на приборной доске запрыгали, в глазах замелькало. Пырнул к земле, и, как видишь, она спасла...

Мне было ясно, что Остапченко, попав в сложное положение, не растерялся, не потерял чувства уверенности в себе. Я посочувствовал ему, но все же напомнил о железном законе для ведомого — держаться ведущего. Мой папарник на глазах синк. Мне стало жаль товарища, только что пережившего немалое потрясение.

— Так, говоришь, земля выручила? — уже другим тоном спросил я. — Это точно. И удивительного здесь ничего нет. Ведь над твоей родной Украиной летаем!..

В дни наступления на аэродроме никогда не собирались все самолеты полка сразу. Дело в том, что над нашим аэродромом то и дело проходили группы «петляковых», «ильюшинских», которых нам поручалось сопровождать к цели.

Однажды мы сопровождали большую группу бомбардировщиков, летевших на выполнение боевого задания в район крупной железнодорожной станции Амвросиевка. Только миновали линию фронта, как Евгений Драпичев сообщил ведущему, что мотор его самолета парит: по-видимому, что-то случилось с системой водяного охлаждения.

Действительно, за «коброй» Драпичева тянулась белая полоса распыленной воды или пара. Его самолет начал отставать.

Ведущий передал по радио:

— Возвращайся домой. Лейтенант Костырко, сопровождайте командира звена на аэродром!

Если бы даже не прозвучала такая команда, Николай Костырко никогда не оставил бы своего лучшего друга,

да к тому же над оккупированной территорией. И два истребителя, отделившись от группы, быстро пропали из поля зрения...

Мы довели «иетляковых» до цели, завязали бой с «мессершмиттами», и наши бомбардировщики успешно выполнили задание. На обратном маршруте мы шли на незначительной высоте, осматривая небо, наземные ориентиры и все, что попадалось на пути. Делать это нас заставляла мысль о Жене Драпищеве — отличном летчике, верном товарище, всеобщем любимце полка.

Оставив самолеты в капоширах, мы заспешили на КП, надеясь узнать о благополучном возвращении двух неразлучных друзей. Но здесь о Драпищеве и Костырко ничего не было известно. Мы просто остолебели: «Как? Куда они могли деться?»

Ответа на этот вопрос нет и по сей день... То, что случилось с ребятами, так и осталось загадкой. Может, один из самолетов, теряя высоту, совершил посадку в поле, а рядом приземлился второй? Может, оба потерпели катастрофу? Может, на них напали «мессершмитты»?..

Без вести пропавшие... Так числились в документах после этого несчастного случая Жень Драпищев и Коля Костырко... Так мы говорим о них и сейчас, спустя сорок лет... А порою мне кажется, что мои дорогие однополчане — и поныне в полете. Для офицеров и солдат нашего полка Драпищев и Костырко навсегда остались жизнерадостными, мужественными юношами, какими были почти все мы в ту пору.

Не погостил Жень Драпищев в родных Шахтах, не возвратился Коля Костырко на любимую свою Украину. Не осталось даже могил этих мужественных офицеров. Но навеки живет в сердцах ветеранов 9-го гвардейского светлая память об этих двух юношах — русском и украинце, преданно любивших свою Отчизну и отдавших в борьбе за ее счастье свою молодую жизнь...

23 августа блестящей победой советских войск завершилась Курская битва. Одновременно был освобожден Харьков.

Маршруты наших постоянных полетов уже протянулись к самым дальним городам Донбасса. В связи с этим в последних числах августа полк перебазировался на аэродром вблизи села Павловка, километрах в двадцати от Гуково.

Наши потери значительно отразились на боеспособности полка. Прошел слух, что нас попятят в тыл на пополнение личным составом и материальной частью. Но обстоятельства сложились иначе: в полк прибыла большая группа летчиков, а через несколько дней специальные перегошники пригнали на наш аэродром партию «аэробобр».

— И где вы их только берете? — спросил кто-то перегошников.

— В Америке, — безразличным тоном ответили те. — Через Аляску и Дальний Восток прилетели прямо к вам, в Павловку...

Каждая эскадрилья занимала теперь отдельное помещение. В общежитиях летчиков дневальными были девушки, служившие в полку мотористами и оружейниками. Во время дежурства девчата убрали компаты, мешали постельное белье, а если замечали, что у кого-нибудь загрохнулась гимнастерка или оторвалась пуговица, часто предлагали свою помощь.

На второй день после перелета в Павловку я падел утром ту самую гимнастерку, в которой прилетел и на которой были прикреплены все мои боевые награды, в том числе и Золотая Звезда.

В дверях меня остановила дневальная.

— Товарищ старший лейтенант, что на вас за рубашка!

— Запошенная, — спокойно ответил я. — Ты, девушка, хочешь сделать мне неприятное?

— А есть у вас другая гимнастерка?

— Я был бы никудашным хозяином, если бы все время ходил в одной.

— Оставьте эту на кровати. Ведь сегодня вечером будут тапцы.

Я послушался доброго совета. Натянул старую, выгоревшую на солнце гимнастерку. Она была почти белой, и лишь на груди, под орденами и Звездой, оставались темные пятна. В ней я ходил ежедневно, на ней носил и награды, с которыми не раз вылетал и за линию фронта. Так теперь делали почти все.

Переодевшись, заторопился на улицу, где ожидала машина, следовавшая на аэродром. Только собрался перемахнуть через борт машины, как кто-то из товарищей

сунул мне в руки письмо, переданное еще вчера разносчиком почты. Хлопцы, увидев письмо, загалдели.

— Любовь находит нас повсюду, — продекламировал мой сосед.

— Читай громко! — потребовал кто-то.

Я засунул письмо в карман гимнастерки, даже не взглянув на адрес.

Наш аэродром возле Павловки имел некоторые особенности рельефа: на одном его конце, именно там, где пахотился КП, возвышался курган, насыпанный, по-видимому, еще скифами. Вчера мы уже слезили на курган и с его высоты осматривали окрестности. Именно тогда командир полка, увидев среди нас Амет-Хана, поздравил его к себе, и мы стали свидетелями их разговора.

— Как твой самолет после ремонта? — спросил Морозов.

— Не годится, товарищ подполковник.

— Что это значит?

— Собственно, он годится, товарищ командир... только для одного — стоять на аэродроме...

— Но ты же перелетел на нем сюда, вот и на задашке сходишь, — твердо сказал Морозов.

— Если техники заменят мотор на новый или на исправный... Иначе опасно.

— Выходит, отказываешься от своего самолета?

— Отказываюсь, товарищ подполковник, — со вздохом подтвердил Амет-Хан.

Морозов немного постоял, подумал, потом приказал подготовить машину Амет-Хана к вылету. Вася Погорелый тут же подкатил на эмке и повез командира к влопочной «аэрокобре».

Мы следили с кургана за тем, как Морозов сел в кабину, как решительно вырулил на старт, опробовал мотор на больших оборотах и пошел на взлет. Амет-Хан замер, прижав к губам кончики пальцев. Мы прмолкли, ожидая, что будет. И тут на наших глазах произошло одно из тех чудес, которые принято называть невероятными.

Самолет оторвался от земли и повис в воздухе, когда неожиданно обрвало мотор. Сначала мы увидели, как «кобра» провалилась и ударилась колесами о грунт. Потом услышали, как мотор вздохнул и, потянув немного, заглох. Мотор обрвало вторично, и «кобра» с еще боль-

шей высоты рухнула на землю. Крылья от удара обломались, а центроплан несколько раз перевернулся.

Мы бросились к месту катастрофы. Но нас опередила эмка с начальником штаба. Не успели пробежать и половины пути, как увидели машину, ехавшую к нам от разбитого самолета. На переднем сиденье мы увидели Морозова и радостно бросились к нему. Наш командир был цел, невредим и не получил ни единой царапины. Открыв дверцу, он спокойно сказал, обращаясь к Амет-Хану:

— Что ж, ты был прав. Мотор действительно никуда не годится...

Этот необычный случай и курган с первого дня базирования на новом месте вошли в историю нашего полка.

Сегодня, подъехав к КП, мы сразу собрались на том же кургане. Отсюда было видно каждую стоянку: везде работали техники и мотористы. Все знали, что сегодняшний день был отдан для технического осмотра самолетов и что вылеты на боевые задания поэтому отменены.

Комэски провели на кургане беглый разбор нашего перелета. Потом был объявлен перерыв. Кто-то затеял дурашливую игру. Заключалась она в том, что летчики с серьезным видом пытались сталкивать друг друга с кургана. Я тоже оказался одной из жертв. Пришлось пробежаться вниз, почти к подножию кургана.

Поднимаясь наверх, услышал, как в кармане гимнастерки что-то зазвело. Это оказались осколки зеркала, которое всегда носил при себе. Добравшись до вершины кургана, я вытащил из кармана и стал складывать на ладони злополучные осколки.

В этот момент ко мне подбежал посыльный из штаба.

— Старший лейтенант Лавриненков, вас вызывает командир полка.

Я бросил в траву осколки зеркала и, забыв о нем, запагал в сторону КП.

Дежурный по штабу встретил меня короткой знакомой фразой:

— На вылет!

Командир полка позвал к своему столу. Я присел на табуретку.

— Звонил командарм, — тихо сказал Морозов. — Назвал тебя лично. Надо сбить над передним краем «раму»...

ТРУДНЫЙ ВЫЛЕТ

Этот вылет, пришедший мне столько испытаний, и пачался-то не так, как другие. Как я уже упоминал, наш полк в тот день вообще не получал никаких заданий и вдруг: «Полететь четверкой, непременно уничтожить «раму»!»

Возможно, командарм сформулировал цель нашего полета не в столь категоричной форме, но мне было понятно: «раму» надо сбить. Иначе для чего выделены четыре истребителя на одного корректировщика?

Мой самолет был неисправен, и командир полка тут же предложил свой. Николай Остапенко как раз приболел — дали другого ведомого, лишь бы немедленно я срочно повел звено. Должно быть, «рама» здорово пасовала наземным войскам, если их требование снять ее дошло до нашего штаба в столь безотлагательной форме.

Я поднялся в воздух с Анатолием Плотниковым. Вторую пару повел Тарасов. Плотников, об этом знали все, отличался завидной дальностью зрения в небе и неукротимой веселостью на земле.

Линия фронта в районе Матвеева кургана проходила по железной дороге. За четыре дня боев советские войска не продвинулись вперед, и железная дорога по-прежнему делила землю на чужую и нашу.

Заметив дым и вспышки огня, я огляделся вокруг. В небе — ни одного самолета. И почему-то вспомнил о письме, лежавшем в кармане гимнастерки. Перед самым стартом я успел прочесть только обратный адрес: мне писал товарищ по учебе в Смоленском аэроклубе Котович. Я отложил чтение письма на вечер.

— Вижу самолет! Вижу «раму», — уверенно доложил Толя Плотников.

Да, это был «Фокке-Вульф-189», самолет, который на фронте знали и ненавидели все воины переднего края. И не случайно, когда мы, летчики, встречались на фронте с танкистами, артиллеристами, стрелками, они в первую очередь просили уничтожить «рамы».

Мне еще не приходилось видеть этот вражеский самолет в воздухе. Теперь я не сводил с него глаз, готовясь к атаке.

Приближаясь к «фокке-вульфу», я набирал высоту. Он выглядел совсем необычно: два фюзеляжа, соединенных

одним центропланом и стабилизатором, и впрямь делали его похожим на раму или ворота.

Сближаясь с противником, я совсем не думал о возможных сложностях боя. Экипаж «рамы» состоял из трех человек, включая стрелка, об этом я знал от товарищей, и это не смущало. Мне казалось, что такую большую, неуклюжую машину я собою с первой атаки. Только бы подойти к ней на малую дистанцию.

А «рама» вдруг пачала удирать. Не просто пикировать или планировать на свою территорию, а каким-то непонятным маневром сползала вниз по спирали. Я погнался за ней.

Перекрестные линии на прицеле «кобры» не имели никаких делений, поэтому летчику требовался немалый опыт, чтобы при стрельбе точно определять упреждение. Я прицелился, но эволюции, которые совершала «рама», свели на нет мои усилия.

— Анатолий, стреляй! — приказал я Плотникову, выходя из атаки.

Вслед за мной ведомым «раму» обстреляли и Тарасов с напарником. Но она, круто подворачивая под атакующего, выходила из поля обстрела и тянула на свою территорию.

Я летел на машине Морозова, имевшей номер 01. Но вдруг услышал в наушниках: «Сокол-семнадцать, не узнаю вас!» Говорил кто-то из тех, кто находился на командном пункте нашей воздушной армии или штаба фронта. «Выходит, там знали, кто ведет морозовскую машину! А я непросительно промазал... Любой ценой надо немедленно сбить вражеского разведчика!» — решил я.

Но сперва необходимо было ответить на голос земли. Я включил передатчик.

— Я — «Сокол-семнадцать». Надеюсь, в ближайшие минуты вы узнаете меня. Я — «Сокол-семнадцать». Прием.

Снова осмотрелся. Надо мной раскинулась спокойная синева, а на земле бушевал огонь, над ним вздымались клубы дыма и пыли. «Рама», видимо, уже сфотографировала позиции советских войск и, петляя, устремилась под огневую завесу своих зенитчиков.

Я пошел в атаку.

Наш командир Л. Л. Шестаков всегда требовал, чтобы мы стреляли по врагу только с короткой дистанции.

На предельной скорости я преследовал «раму». Повторяя ее извилистую линию, хотя это было нелегко, я включил тумблеры всех огневых средств. 26 вражеских самолетов сбил я уже в воздухе, а этот избежал трассы на глазах у моих командиров. Ударю же его так, чтобы разлетелся вдребезги!

До «фокке-вульфа» оставалось метров пятьдесят — семьдесят. Я выдержал еще секунду. Трассы прошили оба фюзеляжа. Стрелок не ответил. Дальше все совершалось будто само собой. Я хотел обойти «раму». Но то ли мой самолет развил столь большую скорость, что я не успел отвернуть в сторону, то ли «рама», потеряв управление, непроизвольно скользнула туда же, куда сворачивал я?! А может, причиной всему был необычно широкий фюзеляж «фокке-вульфа»? Только нам двоим не хватило места, чтобы разминуться.

Крылом «кобры» я задел хвостовое оперение «рамы». От удара меня бросило вперед. Грудью натолкнулся на ручку управления, головой ударился о прицел.

Мой самолет с одним крылом (второе отломилось), переворачиваясь, падал к земле. От резких движений при падении я очнулся. Правой рукой сильно нажал на аварийный рычаг. Дверцу словно вырвало ветром. Попробовал продвинуться к отверстию, помешали ремни. Освободившись от них, я вывалился на крыло. Струей воздуха меня смело с него.

Рука машинально нащупала спасительное кольцо. Парашют раскрылся. Я повис над землей, которая будто застыла в удивленном ожидании. Четко увидел стальную плитку железной дороги.

За время пребывания на фронте я впервые выбросился из машины. Произошло это мгновенно, но я запомнил последовательность этой не раз выполнявшейся во время учебы операции. Страх, охвативший меня на какое-то мгновение, не нарушил ясности мыслей. Решающим здесь был опыт. Первый прыжок с парашютом мне довелось совершить еще во время учебы в Смоленском аэроклубе. Тогда, взобравшись на крыло, я увидел далекую землю и сдрейфил, не смог оторваться от самолета. Инструктор, который вел самолет, заметил мою перепишительность и с силой оторвал мою руку от борта кабины. Ветер спес меня с крыла. Позже я сдал порму на значок парашютиста.

Теперь опыт помог мне быстро покинуть полуразрушенный самолет.

Мой парашют плавно опускался на землю. Ниже меня падала «кобра». А чуть в стороне, тяжело переваливаясь, с огромной скоростью неслась к земле «рама». Я заметил, как от нее что-то отделилось. А через какой-то миг в небе раскрылся купол парашюта.

Стал прикидывать, куда опустится мой парашют. Хорошо бы на восток от железной дороги, там наши. И тут же с отчаянием заметил, что меня сильно сносит ветром на запад. Я уже миновал железную дорогу, а до земли все еще было далеко. «Не хочу, не хочу очутиться среди врагов!» — протестовала во мне каждая клетка. Начал вертеться, раскачиваться в воздухе. Но эти движения совсем не влияли на направление моего приземления. Прямо под мною уже виднелись ходы сообщения передней линии фронта.

Чтобы ускорить спуск парашюта, натянул несколько строп и, наматывая их на руку, перекошил купол.

Уже взорвались оба падавших самолета. Уже «кобры» моих товарищей растаяли в синево...

Родная земля принимала меня не так, как я рассчитывал. Я падал слишком быстро и мог покалечиться. Пришлось выпустить из рук стропы. И тут же услышал, как мимо просвистела пуля — она прострелила купол. Мне сдавило горло. Я закашлялся, ртом пошла кровь. Наконец почувствовал под ногами мягкую землю. Парашют немного протаял меня. А затем несколько гитлеровцев схватили меня и поволокли в траншею. Навалились, придушили, обезоружили, начали обыскивать.

Рядом, громко переговариваясь, немецкие солдаты сминали, сжимали белое полотнище моего парашюта.

Потом услышал над собой властный голос, и цепкие руки, державшие меня, разжались. Один из гитлеровцев взял меня за плечо, помог подняться.

Пять или шесть солдат, поставив автоматы, стали вокруг. Вперед шагнул офицер. Он приблизился, пасупившись, посмотрел мне в глаза и что-то гаркнул. Ничего не понимая, я глядел на него. Офицер подтолкнул меня, солдаты расступились. Я догадался, что надо идти.

Тяжко идти, не ведая куда. Продвигаясь по узкой траншее, я боялся выстрела в затылок, боялся, что не успею бросить в лицо врагу свое проклятье.

Вперед шел солдат, и это успокаивало: пока он так близко, стрелять не будут. Вели, должно быть, в штаб. Беспокоила рана над бровью, из которой сочилась кровь.

Траншея вывела в балку, поросшую кустарником. Шагая по протоптанной тропинке, я с благодарностью подумал о девушке-дневальнице, которая заставила меня спать гимнастерку с паградами. Письма в кармане уже не было. Только часы, лежавшие в тайничке брюк, оставались при мне, я чувствовал их.

Под дулами автоматов впервые подумал: как держать себя на допросах? Из летчиков нашего полка, сбитых над оккупированной территорией, домой никто не возвратился, их горькая наука осталась неизвестной. Надо бежать. Только бежать! Решил это и почувствовал, как сразу стало легче.

Скоро мы приблизились к мотоциклу с коляской. Меня втиснули в коляску, офицер сел за руль, солдат пристроился за его спиной, и мотоцикл помчался по разбитой дороге. Тряска вызвала приступ боли в груди, снова ртом пошла кровь. Гитлеровцы не обратили на это никакого внимания.

Три «кобры», о которых я уже было перестал думать, вдруг прошли на небольшой высоте. Мотоцикл остановился в тени. Наши истребители скрылись, и мы поехали дальше. А я с особой силой вдруг ощутил весь ужас своего положения: товарищи возвращались в полк без меня!..

Погруженный в невеселые думы, не сразу заметил, что мы подъехали к населенному пункту. На улице и во дворах под деревьями стояли легковые машины, автобусы. Широкий грузовик приткнулся в саду, повредив молодые вишенки. От дома к дому тянулись провода полевого телефона. Штаб. Мне не раз приходилось видеть наши прифронтовые села. Но это село показалось чужим из-за присутствия немецких машин и солдат.

Остановились возле просторной хаты. Я поторопился выбраться из коляски. Офицер ушел, оставив меня с солдатом. Вскоре он возвратился, постоял немного, поговорил с охранником. Я в это время сидел на колоде, рассматривал заборы, деревья, старался отвлечься.

Офицер что-то крикнул, и к нам с другого конца двора быстро зашагал человек в штатском, с охотничьей двустволькой. Меня охватило беспокойство. Офицер ска-

зал несколько слов человеку в штатском, тот стал навязывать и цепким взглядом окинул меня.

Мотоцикл с моими конвоирами укатил вниз по улице, а человек с двустолькой уселся на другом конце колоды. Стало тихо. Только где-то за бугром время от времени раздавались пушечные выстрелы. Я настороженно ждал, что будет делать фашистский холуй. Вдруг прикажет встать, куда-то поведет, а потом в ближайшей балке прогремит выстрел: пленный пытался бежать...

Неприятель к незнакомцу переполнила душу. Я отвернулся.

— Ну, парень, отвоевался?

У него был глухой, хриплый голос. А в интонации мне почудились сдержанно-сочувственные ноты. Он сидел на другом конце колоды, поставив ружье между коленями, и внимательно смотрел на меня из-под козырька надвинутой на глаза старой фуражки.

— Почему это отвоевался? Может, еще поваюю, — сказал я.

— Куда уж! Твоя песенка спета.

— Чья песенка? — Я подался всем телом к нему и вдруг опомнился: к чему этот разговор?

Мимо проходили офицеры, солдаты. Завидев гитлеровцев, мой часовой подхватывался с места и тянулся перед каждым. В эти минуты он выглядел значительно моложе, чем казался.

День клонился к вечеру. Жарко грело августовское солнце.

— Ты бы, дядя, воды припес, — попросил я.

— Нет здесь воды, — проворчал он.

— Ну скажи кому-нибудь...

Мы умолкли. Мимо шел солдат с большим алюминиевым чайником.

— Вассер? — обратился к нему полицей.

Тот остановился. Охранник указал на меня, и солдат протянул мне чайник. Я напился из носика. Солдат прижал из моих рук чайник, безразлично посмотрел на меня и удалился.

— Что же ты здесь делаешь? — спросил я полицей.

И тут он впервые доверчиво посмотрел на меня, криво усмехнулся:

— Кто что прикажет, то и делаю...

— Полицей?

— Называй как хочешь, — склонил голову охрапник.
— Зачем помогаешь им?

Руки полицейя забегали по ружью. Моя форма советского офицера и суровые вопросы, наверно, взбудоражили его.

Помолчав, он начал сетовать на судьбу. Озираясь, рассказывал о себе: попал в окружение, пришел в свое село. Узнали гитлеровцы, начали запугивать. А когда им стало известно, что родственники были когда-то раскулачены, завербовали в полицию.

Рассказ полицейя звучал правдиво, но я не верил ему.

— Отпусти меня, — сказал я напрямик. — Я летчик, понимаешь?

— Летчик?

— Герой Советского Союза. Неужели не можешь помочь?

Мой собеседник словно оцепенел. Сидел и смотрел куда-то перед собой. Я придвинулся ближе.

— Это ты сбил «фокке-вульфа»?

— Я сбил двадцать шесть фашистских самолетов...

— Отпустить?.. Вот если б никто не видел... — растерянно промямлил полицейя. Потом встал, прошелся, держа на изготовку ружье.

Я напряженно ждал.

На улице показались женщины с детьми, должно быть, возвращались с поля. Все они остановились возле нас. Женщины вздыхали, расспрашивали, откуда я, где теперь родители. Я рассказал о себе. Полицейя слушал, молчал.

— Это свой! Зачем его охраняешь? — напустилась на него одна из женщин.

Толпа поддержала ее, загудела. Полицейя ничего не ответил, только крепче прижал к груди свое ружье.

Проходивший мимо гитлеровский офицер яростно воорвался в толпу и одним окриком разогнал людей. С ним шел, видимо, какой-то корреспондент с фотоаппаратом на ремешке. На ломаном русском языке он начал расспрашивать женщин, кто они, откуда идут, затем сфотографировал их с мешками травы за плечами.

Мы с полицейем снова остались одни.

— Я спрячусь где-нибудь в селе, пока придут наши, — наседал я.

— А они уже близко? — вырвалось у полицейя.

— Под Таганрогом. Через несколько дней будут здесь. Ты ничего не потеряешь, если я убегу. А иначе...

— Что заработал, то и получу, — тяжело выдохнул он.

Часа два пробыл я под охраной полицейя. Продумав все за это время, твердо решил, что ни перед оккупантами, ни тем более перед нашими советскими людьми не стану скрывать, кто я. А главное — буду искать малейшую лазейку для побега.

Мысли мои прервало появление уже знакомого офицера с двумя автоматчиками. Офицер для начала дал полицейю подзатыльник (может, за то, что разговаривал с пленным) и, оставив рядом со мной автоматчиков, куда-то увел его. Я понял: отношение ко мне изменилось.

Солдаты прохаживались, я сидел на колоде. Так прошло еще около часа. Я поднялся, чтобы размяться, но только встал — потемнело в глазах, чуть не упал. Начал шарить по земле в поисках колоды — и вдруг снова удар по спине. Я свалился, потом все же приподнялся, ползком добрался до колоды.

— Зитцеп!

Слово было мне непонятно, но по выражению лица автоматчика, по его окрику догадался: надо сидеть. Сидеть не шевелюсь. Видимо, этих вахтманов проинструктировали надлежащим образом.

Не знаю, сколько прошло времени. Наступил вечер. Я все так же сидел на колоде, а солдаты неподвижно стояли рядом. Они зашевелились только тогда, когда их окликнули, взяли меня за руки и повели.

Коридорчик, сени, первая комната, свет за шторами, и вот он — фашистский генерал в кабинете, оборудованном в украинской хате.

Я на мгновение задержался на пороге, увидев генерала. Он сидел за столом, перед ним была лампа с абажуром, рядом кровать с подушками до потолка, на стене коврик с голой русалкой. В последнюю очередь я приметил здорового пса, который лежал у ног генерала.

Солдаты прикрыли дверь и остановились за моей спиной. Овчарка, почуяв чужого, бросилась ко мне. Я, естественно, подался назад, солдаты подтолкнули меня на встречу псу. Тот встал на задние лапы, передними уперся мне в грудь и зловонно дохнул прямо в лицо. Спасаясь от зубов овчарки, я закрыл лицо руками. Но силы

были на исходе, и я упал. Пес, рыча, стал рвать гимнастерку.

Только тогда генерал позвал собаку и что-то сказал солдатам. Они подняли меня с пола, подвели к стулу и усадили.

В комнате остались майор-переводчик и генерал, у ног которого послушно лежала овчарка.

На столе у генерала я увидел письмо, которое мне вручили перед вылетом.

Посмотрев на меня, переводчик взял письмо, быстро пробежал его, что-то сказал и подал его генералу. Переговариваясь, они то и дело поглядывали на меня. На лице генерала вдруг отразилось подобие улыбки, он обратился ко мне.

— Кто вы? — перевел майор.

Я поднялся со стула, переводчик взмахнул рукой — сидеть.

— Я — летчик. Герой Советского Союза.

В том, что отвечать надо именно так, я не сомневался: в письме паверняка было поздравление по поводу присвоения мне этого звания.

Генерал поинтересовался, откуда я родом, где учился, на каких фронтах воевал, сколько сбил самолетов, являюсь ли коммунистом. Я коротко ответил на все вопросы. Переводчик что-то записывал, пока я говорил. Генерал смотрел мне прямо в лицо. Взгляд его был тяжелый, мрачный. Мне даже показалось, что глаза генерала стали больше и с каждой минутой приближаются ко мне.

Попросив переводчика перечитать одно место в письме, генерал неожиданно встал из-за стола. Собака поднялась тоже.

— Где штаб вашей армии? Штаб танковых сил?

Я ожидал, что об этом спросят, и сразу ответил, что не знаю.

— Почему вы пошли на таран нашего самолета? — резко переменял он тему.

Пришлось объяснить ситуацию, сложившуюся в воздушном поединке с «рамой», упомянуть о неожиданном столкновении с ней.

— А у нас есть свидетель, который утверждает, что вы преднамеренно таранили нашего разведчика.

Через минуту в комнату вошел высокий светлорусый офицер. Голова и левая рука его были забинтованы, курт-

ка растегнута, на кителе поблескивали какие-то папировки, награды.

Генерал произнес несколько похвальных слов в адрес вошедшего. Мне объяснили, что это знаменитый летчик-разведчик, работающий на танкистов. Рапешый заговорил тоже.

— Господин генерал считает, что вы сбили нашего аса, нарушив законы ведения войны в воздухе. Немецкие летчики никогда не прибегали к тарану, — торжественно переводил майор. — За таран вы будете наказаны.

Как бы подтверждая слова переводчика, генерал гневно взглянул на меня.

От удара в воздухе я был весь в крови. Во время разговора с генералом кровь вдруг хлынула из горла. Летчик наклонился ко мне, подал не то платок, не то полотенце, которое услужливо протянул ему переводчик. Генерал велел налить мне воды. Переводчик и летчик довольно долго возились со мной, помогая остановить кровотечение. Когда же я смог говорить, повторил то, что сказал раньше.

Перекинувшись несколькими словами с летчиком, генерал закурил, погладил собаку и махнул рукой.

Переводчик позвал солдат, находившихся за дверью, они взяли меня за плечи и вывели из кабинета.

Ночь опустилась на село. В высоком небе мерцали звезды. А меня снова куда-то повели. Сзади шагали несколько гитлеровцев. Я с трудом различал еще видимую серую тропинку и чувствовал себя все хуже с каждой минутой.

Промелькнули последние деревья, мы шли под глубоким оврагом. «Где-то здесь... — с отчаянием думал я. — Ведь допрос состоялся...»

Один из солдат вышел вперед. «Если будут стрелять, он должен отойти... Только он отойдет — прыгну в овраг...»

Мозг работал лихорадочно. Все во мне сжалось для предстоящего броска. Пускай полечу вниз вместе с солдатом. У меня хватит духу побороться с ним. Я должен вырваться из плена любой ценой!

Чем больше настраивал я себя на прыжок, тем сильнее волновался и терял силы. Не может, видимо, человек долго находиться в таком напряжении. И вдруг почувствовал, что ноги стали деревенеть, а руки отяжеле-

ли. Уставшее тело всей своей тяжестью гасило мой пыл.

А между тем мы подошли к какой-то хате. Меня завели в комнату. Яркая лампа ослепила глаза. Среди нескольких немков я сразу узнал по выражению лица русскую женщину. Она не решилась заговорить, но первой взялась за мою рану. Промыла ее, приложила мазь, забинтовала, дала марганцовки, чтоб прополоскал рот. Охранники и остальные женщины отошли в сторону, оживленно болтая. Я почувствовал, что моя спасительница умышленно замедлила движения.

— Кто ты? — шепотом спросила она.

— Летчик, — еле слышно ответил я.

Ни один мускул не дрогнул на лице женщины. Она даже не взглянула на меня. Но по ее щеке скатилась слеза.

Потом меня повели обратно, в то же село. Настроение улучшилось. Если б решили расстрелять, зачем лечить?

Та же тропинка, бежавшая вдоль оврага, теперь вызвала совсем другие мысли. Я понял, что надо выждать более удобный момент.

И снова — хата. Обычная сельская хата, такая, как те, что согревали нас под Сталинградом или на Дюппише. Но теперь она стала для меня тюрьмой. В комнате лишь узкая койка, застеленная старой одежкой. Два солдата, которые сопровождали меня, указали на глиняный пол, а сами сели на кровать. Я примостился у стены. Посмотрел на них, они — на меня. Должно быть, нам всем было непонятно, почему двое должны стеречь одного? Не знаю, что прочитали они в моем взгляде. Я кое-что понял по их глазам. Охранники отвернулись, начали говорить о чем-то своем. Приоткрылась дверь, и на пол возле меня упала ватная фуфайка. За дверью на миг показалось женское лицо, обрамленное черным платком.

Сложив фуфайку на манер подушки, я прилег на пол. Но сон не приходил.

Куда меня отправят? Что будет завтра? Черная стена неизвестности, как бесконечная ночь, стояла передо мной. И вдруг вижу... свой аэродром. Ко мне сбегаются товарищи, поздравляют с возвращением. Я — дома!..

Из забытья меня вывел скрип двери. Открыл глаза, вижу: та же молодая женщина стоит в нашей комнате,

освещенная плашкой. Она босая, платок подвинут на брови. В руках держит кружку и краюху хлеба.

Один из солдат взял у нее кружку, хлеб и передал мне. Прекрасное видение не вернулось ко мне, и я уснул как убитый.

Проснулся уже на рассвете от сильного взрыва.

Сперва увидел своих охранников — они тоже не то спали, не то дремали на койке. От грохота оба подхватились, загалдели, забегали, очевидно не зная, как быть с пленным. Взрывы один за другим сотрясали землю. Оконные стекла повывлетали, хату подбрасывало, как самолет на воздушных ямах. Солдаты то выглядывали в окопа, не зная, что делать, то приседали на пол от нового взрыва. Забившись в угол, я ликовал: наши перепесли огонь на тылы врага и перешли в наступление! Мы, летчики, давно ждали этого...

Артиллерийский обстрел закончился, и меня вывели на улицу.

Выходя из хаты, я подобрал фуфайку — она была для меня самой мягкой на свете подушкой — и подал хозяйке. Та отказалась взять свою вещь:

— Бери... Сколько еще придется тебе скитаться...

Но я не принял подарка.

За воротами под деревьями стоял небольшой грузовик. Солдаты указали мне на него. Как только тронулась машина, в кузов полетела знакомая мне фуфайка.

Проехали несколько десятков метров. Там, где только что стоял грузовик, раздался взрыв, фонтаном поднялась земля. И сбоку, и впереди нас тоже загремели взрывы. Дым с пылью заслонили свет.

Машина свернула в овраг. В вырытых нишах здесь громоздились какие-то ящики, железные бочки. Шофер старательно объезжал свежие воронки.

Ехали долго. Уже не было слышно артиллерийской канонады, на шоссе все реже появлялись военные грузовые машины. В пути к нам подсади еще два офицера, обвешанные кожаными сумками и фотоаппаратами.

Шахтерские поселки с терриконами, безжизненные капопиры, домики и деревья то подступали к самой дороге, то убегали далеко от нее. Я приглядывался и к дороге, и к поведению гитлеровцев. Не укрылась от меня и поспешность, с какой мы мчали на запад.

Наконец на горизонте проступил силуэт города. Немцы равнодушно смотрели на него. Я узнал его: это был главный город Доббасса — Сталино, где я работал и жил до войны.

Наша машина обогнула центр и околицами выехала на аэродром.

Летное поле. На нем «мессершмитты», «юнкерсы», «рамы». Их много, стоят кучно — никогда не видел я столько вражеских самолетов. От них веет угрозой.

Ехавшие с нами гитлеровцы покинули машину еще в городе. Меня подвезли прямо к взлетной полосе. Незнакомый офицер оставил меня у старта, где стояли летчики, и подался к ближайшему домику. Но я чувствовал: кто-то не сводит с меня глаз.

Самолеты выруливали на старт. Они вот-вот взлетят и пойдут к фронту. Возможно, их встретят мои товарищи. Вот бы ударили они по немецкому аэродрому!..

Подкатила еще одна машина, из нее вышел уже известный мне офицер и еще один, молоденький, с усиками. К приехавшим подошли несколько летчиков.

— Вы знакомы с нашим «хейнкелем»? — перевели мне вопрос одного из них.

— Видел в воздухе, — ответил я.

— На «хейнкеле» два стрелка, прекрасные пулеметы! Пусть русский посмотрит, что это за машина.

Меня повели к двухмоторному бомбардировщику. Приказали подняться в кабину, осмотреть ее. Я выполнил приказ. Потом все перешли к истребителю Ме-109. Его я уже видел когда-то вблизи, но все же обошел вокруг машины.

— Ваши истребители начали драться с нами на вертикалях, — заметил один из гитлеровцев.

— Значит, есть у нас и боевая вертикаль! — шуткой ответил я.

Немецкие пилоты с интересом осматривали мою гимнастерку, заглядывали под нее. Пробовали пальцами мылцы моих рук. Увидев окровавленную нижнюю сорочку, покачали головами, отошли.

— Вас сбивали раньше? — спросил самый старший из них.

— Нет.

— Выбрасывались из самолета в воздухе?

— Нет.

— Почему ваши идут на таран?

— Когда нет патронов и диктует обстановка...

Вокруг возмущенно загалдели.

Растолкав коллег, вперед выступил офицер со шрамом на скуле.

— Меня таранил ваш летчик. Если бы это был ты, я бы своими руками придушил тебя... Ветер снес мой парашют к нашим...

— А меня, как видите, не спас и ветер... Какой самолет вас таранил?

— ЛаГГ-3! — показывает три пальца гитлеровец.

Фашистские пилоты знают наши самолеты и стараются что-то выведать у меня.

— Как ваши летчики ведут бой на «яках» с «мессершмиттом»?

Я ответил, что после удара головой о прицел стал плохо соображать. Интерес ко мне сразу пропал.

Один из охранников по приказу офицера отвел меня в столовую. Там мне дали тарелку каши и кусок хлеба. Я наскоро проглотил пищу (охранник стоял над душой), а когда мы вышли из столовой, у дверей уже ждала машина. Меня отвезли к дому с подвалом недалеко от аэродрома, отомкнули двери и толкнули вниз, по ступенькам.

Я очутился в тесной, совсем пустой комнате. На цементном полу бугрился черный матрац. Окно с решеткой до половины входило в землю. Стены и даже низкий потолок были в странных царапинах. Это оказались надписи. Приглядевшись, разобрал нацарапанные слова. Те, кто сидел здесь до меня, сообщали свои имена, клялись в верности Родине, просили передать детям, женам, отцу с матерью, что гибнут от пыток фашистов. За некоторыми надписями нетрудно было представить тех, кто их сделал. Мне вдруг показалось, что те, кто прошел через эту камеру, присутствуют здесь, чего-то ждут от меня.

Через маленькое отверстие в прочных дверях выглянул в коридор. Там была еще одна дверь. Наверно, за ней и происходили допросы, пытки, а сюда выносили замученных... Не иначе как я попал в руки эсэсовцев.

Наступила ночь. Затихло гудение самолетов. Слышны были лишь шелест листьев да шаги часового. Занятый невеселыми мыслями, я не сразу услышал, как загремел наружный засов. Послышались голоса. Дверь отворилась.

Камеру ощупал луч карманного фонарика. В потемках я видел только руки вошедшего. В одной он держал фонарь, в другой — солдатский котелок. Мне передали хлеб, ложку, котелок.

Передо мной стоял человек, которого я как будто видел днем. На лице его улыбка. За ним маячит солдат. Но вот солдат вышел, прикрыв за собой дверь. Человек произнес:

— Я — Австрия. Понимаешь? Австрия.

— Понимаю.

— Ты — летчик, я — летчик. Курить? Вот сигареты. — Он указывает на дверь в коридоре, с трудом подбирает слова, чтоб выразить свою мысль: — Там — бить, бить. Теперь нет, эсэсовцы удираль. Фронт!

Я похлебал суп, а хлеб приберег. Летчик пытался о чем-то расспрашивать, в его речи мелькали знакомые слова, но я не вслушивался в них. Зачем он здесь? Можно ли ему верить?

Вскоре посетитель забрал котелок, ложку и ушел.

Утром в коридоре началась уборка. Я заглянул в окошко. Уборкой занималась русская женщина. Я сразу определил это. Она заметила меня, и мы долго молча смотрели друг на друга.

Потом я ушел в свой угол, уселся на матрац. Заговорить с уборщицей? Но чем она мне поможет? Опять мысли, мысли... И вдруг на пол посыпались яблоки. Я не успел заметить, кто бросил их через окошко. Наверное, она, испанка, моя соотечественница...

К моей темнице подъехал грузовик. Меня вывели, посадили в кузов, по сторонам приместились два солдата, и машина покатилась к аэродрому. Потом меня оставили с охранником у какого-то штаба. Я присел на ящик. Часовой, не сводя с меня глаз, прохаживался рядом.

Мне хорошо были видны самолеты, поле, старт. Там оглушительно ревели моторы. Все напоминало утро на нашем аэродроме.

Первыми начали подруливать к старту бомбардировщики. Почти с ходу, не задерживаясь, они переходили на разбег и взлетали. Я насчитал 27 «хейнкелей». Представил их в небе, над нашими войсками. И сразу вспомнил, как бомбили этот аэродром «петляковы», которых мы сопровождали. Именно в тот злополучный день не возвратились с задания Драпницев и Костырко...

Неожиданно вспыхнула стрельба. Над краем летного

поля появились клубы пыли и дыма: в небо падали зенитки. В просветах между разрывами снарядов я увидел два самолета. Это были наши, советские истребители. Я без труда узнал остропосых «яков». Разведчики!

Несмотря на зенитный огонь, они прошли строго по оси аэродрома. Пилотам надо было сфотографировать стоянки. Я хорошо понимал, чего стоили ребятам эти минуты, когда они находились между жизнью и смертью...

Выполнив задание, «яки» стали удаляться. В этот миг на аэродроме взревели моторы, и пара «мессершмиттов» быстро порушила к старту. Я посмотрел вслед истребителям — это их собирались преследовать «мессеры». «Яки», к моему удивлению, начали разворачиваться.

Неведомая сила подняла меня на ноги. Часовой не отрываясь следил за развитием событий. Если бы я имел возможность сказать нашим хоть одно слово, я бы крикнул им: «Уходите!» Наши смельчаки и так много сделали: побывали над вражеским аэродромом, сфотографировали его, и теперь главное для них — возвратиться домой.

Только позже я понял, что недооценил поведение наших отважных ребят.

Развернувшись на высоте, «яки» поплыли в пике на аэродром, точнее, на ту пару «мессершмиттов», которые готовились к взлету. Меткая пулеметная очередь ведущего «яка» настигла одного фашистского истребителя еще у земли, он вспыхнул и рухнул на краю поля. Его ведомый суетливо отрулил в сторону и избежал такой участи.

Видимо, я не сдержал своего восторга, когда взорвался немецкий истребитель, и чем-то выдал себя. Удар прикладом в спину свалил меня на землю и вернул к печальной действительности. Я с трудом поднялся на ноги. А на аэродроме поднялась настоящая паника: в небо стреляли зенитки, по земле мчали машины, метались люди.

Молодцы наши «яки»! Если удастся возвратиться домой, расскажу о них обязательно, чтобы все знали! *

В полдень совсем новые сопровождающие и охранники посадили меня в машину. Офицер с фотоаппаратом на

* Вернувшись в свой полк, я выяснил, что этими храбрецами были Герой Советского Союза Фотий Яковлевич Морозов и его ведомый. — *Прим. авт.*

длинном ремешке о чем-то расспрашивал охрану, делал записи в блокноте. А потом тоже залез в машину.

Снова нависло надо мной страшное: «Куда?» Прощали мы совсем немного и на скорости развернулись у транспортного самолета. Мне указали на открытую дверь.

Значит, прощай, донецкая сторонка. Эсэсовцы, которые занимаются допросами и пытками, перебравшись в тыл, и меня, судя по всему, отправляют вслед за ними.

Офицер с фотоаппаратом и я оказались вдвоем в большом Ю-52. Мой попутчик отстегнул ремеш с кобурой и положил возле себя. Прильнув к иллюминатору, он начал фотографировать.

Тяжелый самолет, ревя мощными моторами, спешил покинуть прифронтовую полосу.

В какое-то мгновение я решил: захвачу пистолет, покончу с офицером, заставлю экипаж лететь на восток. Мысль о свободе овладела всем моим существом, я смотрел на офицера, на его оружие, и напряжение охватило каждый мускул. Если гитлеровец чуть-чуть отодвинется, я брошусь к пистолету. Но офицер, как нарочно, даже не посмотрел в мою сторону. Неужели он испытывает своего попутчика? Ведь если не успею схватить пистолет, офицер, не раздумывая, пристрелит меня.

Но он все же почувствовал что-то неладное и неожиданно придвинул ремеш к себе. Все мои мышцы непроизвольно расслабились. Я жервел дух...

Лететь не долго. Покружив над хмурым, запыленным городом, «юнкерс» пошел на посадку.

Когда умолкли моторы и открылась дверь, офицер покинул самолет. Я остался один. Вскоре двое солдат внесли в салон и опустили на пол человека. Когда те двое ушли, я приблизился к нему.

Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, со сложеными на груди забинтованными руками.

Красное обожженное лицо лоснилось от мази, бровей и ресниц не осталось. Даже сапоги на нем обгорели. Разглядывая человека на полу, я увидел на его гимнастерке погоны со звездочками.

Наш летчик?!

— Можешь разговаривать? — спросил я его.

— Могу, — тихо донеслось с пола.

— Что с тобой произошло?

— Сбили. Над Краматорском. Мало у меня оказалось высоты...

— Значит, истребитель... Я ведь тоже истребитель.

Разговор на этом оборвался. Вернулся мой попутчик-офицер. Снова взревели моторы, и мы полетели дальше. Когда приземлились у города, вблизи широкой реки, обожженный летчик уже ни на что не реагировал.

А мне приказали выходить.

Меня привезли к двухэтажному, огражденному колючей проволокой дому. Часовой открыл ворота, машина въехала во двор. Из окоп выглядывали люди. Часовой подошел к моему охраннику, и солдаты о чем-то долго спорили. Наконец я услышал знакомое «Вег!» и соскочил с машины.

Бывшее рабочее общежитие было превращено в тюрьму и лагерь для советских военнопленных авиаторов.

Обитатели лагеря смотрели на меня с удивлением — я был в целых еще сапогах и гимнастерке, подпоясанный офицерским ремнем. На плечах у меня были погоны.

Часовой, ходивший по коридору, отгонял тех, кто пытался пройти рядом со мной. Кто-то силой потащил меня в одну из камер. Дверь закрылась.

Хозяин тесного закоулка назвал себя, уступил место рядом с собой на матраце:

— Будешь жить тут! Мы тебе доставим постель.

Охрана не запрещала узникам собираться в камерах — лишь бы не толклись в коридоре и не мешали часовому нести наряд. Вот почему в нашу клетушку набилось полно людей. Я рассказал о положении на фронтах, о своих злоключениях. Моим заботливым соседом оказался капитан Пальков. Он летал на Пе-2, его машину подбила вражеская зенитка. В этом же лагере находились все члены его экипажа.

Меня знали некоторые обитатели лагеря: в плен они попали недавно, а «Красную звезду» в полках читали регулярно. Вспомнили, видно, и мою статью... Пальков перечислил свои награды, желая вызвать доверие к себе, назвал несколько своих маршрутов — некоторые из них перекрещивались с моими. Мы оба почувствовали расположение друг к другу.

— Я имею кое-какие планы, — шепнул он мне и ушел, чтобы позвать кого-то из своих надежных друзей.

Так я очутился в Днепродзержинском пересыльном лагере для авиаторов при штабе 6-го германского воздушного флота. Те, кому пришлось просидеть в нем больше месяца (здесь задерживали пленных определенной категории и все время допрашивали их), довольно хорошо знали лагерный распорядок, знали кое-что и о внешнем окружении лагеря. Вся энергия и воля, все помыслы и силы этих людей сосредоточивались на одном: бежать! С этой целью устанавливались связи, использовались малейшие возможности для контакта с городом.

Тот, кого привел Пальков, стал потом моим другом на много дней, он прошел со мной большую дорогу и трудные испытания. Это был капитан летчик Виктор Карюкин. Первое впечатление, которое у меня сложилось о нем, подтверждалось затем каждый раз, когда мы, пробиваясь на волю, шли на верную смерть. Он не сплывал ни в одной опасной ситуации, всегда был таким же собранным, спокойным, мужественным, каким предстал передо мной в первые минуты знакомства.

В этой тюрьме я пробыл суток восемь-девять. В условиях плена этого времени достаточно, чтобы сблизиться с людьми, понять друг друга. Пальков, Карюкин и я быстро сдружились. Нас сроднил дух непокорности, негибимость перед ударами судьбы, стремление к свободе.

Пальков не только вынашивал мысль о побеге, но уже кое-что практически сделал для его осуществления: сколотил вокруг себя группу надежных людей, связался с местным подпольем. Пальков посвятил меня и Карюкина в свой план коллективного побега военнопленных. Связь с подпольем осуществлялась через «сестру» одного лейтенанта — участника нашей группы. Девушка постоянно информировала нас о том, что происходит в городе, сообщала обстановку на фронтах. В подходящий момент по ее сигналу наша оперативная группа должна была бесшумно убрать часового, находившегося в коридоре, напасть на караульное помещение, расположенное при входе на второй этаж, и покончить с остальными охранниками, а затем по веревке, связанной из разорванных одеял, полотенец и простыней, спуститься со второго этажа во двор. Во дворе нам предстояло так же тихо снять часового и, преодолев заграждение из трех рядов

колючей проволоки, уйти в кукурузное поле, где нас будут ждать.

Все было подготовлено к осуществлению этого смелого замысла. Мы с нетерпением ждали сигнала связной. И такой сигнал поступил. Но только... не для меня.

В первые дни пребывания в тюрьме фашисты не проявляли ко мне особого интереса. Но потом начались допросы. Один утомительнее другого. Во время первого допроса я увидел на столе у гестаповца то самое письмо, которое у меня отобрали гитлеровцы после катастрофы в районе Матвеева кургана. Значит, будут добиваться от меня дополнительных сведений, которые их интересуют. Внутренне я подготовился к самому худшему, продумал несколько стереотипных ответов, не содержащих никакой ценной информации, на возможные вопросы.

Допрос начался у большой карты, висевшей на стене. На ней были отмечены аэродромы, места расположения штабов, тыловых баз нашей 8-й воздушной армии.

— Верны ли эти обозначения? — был первый вопрос.

— Да, верны, — подтвердил я, увидев, что обозначения на карте отражали дислокацию нашей армии примерно месячной давности, еще до начала наступления, и уже явно не соответствовали действительности.

Затем потребовали подробно рассказать о полке, его командирах, летчиках.

— Ваши летчики знают наших по воздушным боям. Мне нечего к этому добавить, — не задумываясь ответил я.

Выслушав переводчика, гестаповец побагровел, зло рявкнул, заходил по кабинету. «Крепись, Лавриненков, — подумал я, — сейчас начнется».

Однако пыток не последовало. Гестаповец успокоился, снова обратился ко мне. Он воздал должное мужеству моих боевых друзей, выразил особое восхищение асами полка — Шестаковым, Амет-Ханом, Алелюхиным.

— В чем секрет их мастерства? Как вы знаете особенности тактики их действий? — закончил он свою tiradu.

«Ишь чего захотел», — подумал я, а вслух произнес, что тоже разделяю восхищение летчиками нашего полка и добавить к этому ничего не могу.

Гестаповец снова вспыхнул. Но я не мог ответить иначе, хотя такой дерзкий ответ и шел вразрез с той линией поведения, которую я избрал для себя, попав в плен. Я понимал, что враг хитер и жесток, понимал, что любой ценой обязан сберечь силы для побега, что тоже должен хитрить, сдерживая свои чувства.

Я твердо знал, что, если придется погибнуть, умру с честью и достоинством, ничем не запятнав звание советского офицера. Но сознание подсказывало, что смерть — далеко не лучший выход из той ситуации, в которой очутился. У меня большой боевой опыт, и я еще могу принести немалую пользу Родине. Плен — страшное бедствие. Оно способно сломить слабых духом. Но я не относил себя к такой категории. В самые тяжкие моменты выпавшего на мою долю испытания у меня было одно-единственное стремление: бежать, вернуться к своим и продолжать бить фашистских гадов, пока ни одного из них не останется на нашей священной земле. Ради этого стоило вести игру с врагом...

Я ждал пыток. Но гестаповец приказал отвести меня в камеру и тут же взял на допрос Виктора Карюкина.

Я знал по рассказам, как трудно сложилась его судьба. Он участвовал в качестве летчика еще в боях на Карельском перешейке. Там получил ранение, из-за которого пришлось распрощаться с небом и перейти на штабную работу.

Летом 1943 года Виктор на самолете По-2 вез в штаб армии секретные документы. Самолет попал в туман, пилот сбился с курса, потерял ориентировку. Гитлеровцы обстреляли беззащитного «кукурузника», и он упал в расположение противника. Летчик погиб, а Карюкин, сидевший в задней кабине, остался жив. Когда вернулось сознание, увидел, что его окружают фашисты. Отстреливаясь, он зубами рвал документы, потом, давясь, глотал обрывки бумаги. И все же некоторые клочки попали в руки врага. Теперь Виктора по несколько раз в день водили на допросы, требовали пояснений к найденным кускам текста. Карюкин держался мужественно, запутывал гитлеровцев, всячески тянул время, рассчитывая на побег...

В этот раз тоже его, избитого, приволокли с допроса и швырнули на пол. Одежда на Викторе пропиталась кровью. Жизнь еле теплилась в нем. Мы, как могли, ста-

рались облегчить участь товарища: обмыли раны, напоили водой, стали утешать.

Трижды водили на допрос и меня и трижды задавали одни и те же вопросы, трижды я повторял одни и те же ответы. Но пока не били. Только однажды, когда меня спросили о здоровье нашего командующего генерала Хрюкина и я ответил: «Слава богу, у нас такой командующий, что всех вас переживет и дойдет до Берлина», гестаповец в бешенстве сорвал со стены плетку и полоснул меня вдоль спины. Рубец от этого удара держался очень долго...

И вот наступил решающий день. Сегодня, если не случится ничего непредвиденного, мы совершим побег. С раннего утра, наверное, уже в сотый раз уточняем малейшие детали, мысленно прорабатываем свои действия. Скоро, скоро пробьет желанный час...

И вдруг... В камеру входят два гитлеровца, приказывают мне одеваться. Зачем? Куда? Бессмысленно задавать эти вопросы фашистам. По их поганам определяю: эти двое не из лагерной охраны. Значит, снова куда-то повезут. Взглядом прощаюсь с товарищами. Меня выводят во двор. Там уже стоит грузовик, возле него — одетый Карюкин. Нам приказывают залезть в кузов.

Когда мы тронулись, я увидел в окне Палькова. Навсегда запомнил его прощальный, полный тоски и горечи взгляд. Помахал ему и другим, стоявшим у окна. Мысленно пожелал им удачного побега...

Спустя много лет после войны я случайно встретил Палькова. Прозошло это при таких обстоятельствах. Я ехал к новому месту службы. В Харькове вышел прогуляться на перрон, и тут навстречу мне бросился человек в штатском.

— Володя! Здравствуй! Узнаешь Палькова?

Конечно, я сразу его узнал — такой же плотный крепыш, только в белокурых волосах прибавилось серебра.

Мы обнялись, расцеловались.

— А все-таки тогда мы осуществили свой план, — волнуясь, произнес Пальков и подробно рассказал о побеге...

Нас привели на аэродром прямо к самолету Ю-52, экипаж которого готовился к вылету. Стоял густой ту-

мап. Лейтенант поручил пленных охранникам, а сам куда-то ушел. Вскоре, однако, он вернулся с несколькими вооруженными солдатами, экипированными для дальней дороги. К великому удивлению, нас снова посадили в машину и через весь город на большой скорости переезжали на железнодорожный вокзал Днепропетровска.

«К чему бы это? Что будет дальше?» — ломали мы головы. Но найти ответа не могли.

На вокзале лейтенант выбрался из кабины и подошел к дежурному.

— Нах Берлин, — расслышали мы.

Выслушав ответ дежурного, лейтенант скрылся в помещении вокзала.

Мы с Виктором переглянулись: значит, в Берлин? Грустно и тяжело стало на душе.

Нас высадили из машины, подвели к скамейке на перроне. Охранники, разговаривая, прохаживались рядом. Виктор прижался ко мне, я почувствовал, что он дрожит.

— Замерз?

Он посмотрел глазами, полными боли:

— Рана беспокоит...

Я крепче прижал его к себе:

— Ты прыгал когда-нибудь с поезда? — спросил я.

— Как-то раз пришлось.

— При малейшей возможности будем прыгать.

Мимо проходили люди, спеша на работу. Увидев двух офицеров Красной Армии, они замедляли шаг.

Охранники отгоняли людей, не давали перебраться словом.

Ждать пришлось недолго. Наш сопровождающий прибежал, запыхавшись, с билетами в руках. С ним было несколько гитлеровцев. Они притащили туго набитые большие мешки и тут же навьючили их на нас. Подошел поезд, нам приказали подниматься в вагон.

Вагоны были странные, не похожие на наши: общая длинная подножка, вход в каждое купе отдельно. Мы втащили тяжелые мешки в указанное купе, уложили багаж на верхние полки.

В купе ехали четверо унтер-офицеров. Увидев нас с Карюкиным, они сразу смекнули, что к чему, и потеснились. Охранники пристроились у двери, рядом с на-

ми. Лейтенант быстро переговорил с нашими попутчиками и ушел.

Поезд тронулся. За стеклами замелькали дома, деревья. Унтер-офицеры попытались завязать разговор. Мы дали понять, что не знаем немецкого. Тогда они обратились к охранникам. Те что-то им объяснили, причем один из конвоиров выразительно показал на меня.

В разговоре наших случайных попутчиков то и дело упоминался Берлин. Судя по этому, да еще по нескольким словам, смысл которых был мне знаком, я понял, что нас с Виктором торопят доставить в Берлин.

Я поглядел на Виктора. Он тоже понял, куда нас везут. Мы еще несколько раз взглянули друг другу в глаза. Как много можно сказать одним только взглядом! Мы с товарищем по несчастью как бы мысленно обменялись мнениями. Да, до Берлина еще далеко, до государственной границы — тоже. Значит, есть время что-либо предпринять. Что конкретно? Побег. Но к нему нужно подготовиться. Что значит подготовиться? Хорошо разобраться в ситуации, войти в доверие к пассажирам, как-то притупить настороженность охранников, если удастся, осмотреть вагон. Я видел, что Виктор понимает мои мысли, а в его глазах читал одобрительные ответы.

Мы еще не знали, как все свершится. Но у нас зрело решение, мы оба были на пути к побегу. Обстоятельства заставляли форсировать события. Мы выехали из Днепропетровска в девять утра. Днем удрать вряд ли удастся. Значит, все должно быть продумано и подготовлено к ночи. К той единственной ночи, что остается в нашем распоряжении. На следующие сутки поезд уже помчит нас по чужой территории, там совершить побег будет значительно труднее.

Итак, нельзя было терять ни минуты.

Отдельный выход из купе — это удобно: не придется нестись через весь вагон в тамбур. Благодушные пассажиры — тоже на руку: их настроение невольно действует на охранников.

А какова обстановка в самом вагоне? Кто в соседних купе? Много ли людей едет? Как устроен туалет? Нельзя ли выпрыгнуть через его окно?

Я попросил охранника проводить меня в туалет. Вместе с ним мы прошли узеньким коридорчиком, и я

увидел, что вагон до отказа забит фашистскими солдатами и офицерами, едущими в отпуск. В случае тревоги — это немалая сила.

В туалете сразу бросился к окопiku с выбитым стеклом. Голову просунул, плечи не проходят...

Мы с конвоиром вернулись в купе. Садясь на свое место, я взглянул на Виктора. Как он паучился все понимать! По глазам увидел, что он словно прочитал мои мысли. Да, нужно искать другой путь.

Опустившись на край полки, я еще раз подумал, как хорошо, что с самого начала сижу по ходу поезда почти у двери. Когда мы впервые оказались в купе, у меня еще не было никакого плана, но что-то подсказало: именно с этого места, не вставая, достану до ручки двери. Надо попробовать, соображал я, вернувшись из туалета, как работает замок, потренироваться в открывании двери.

В юности, когда учился в фабзавуче, мне не раз приходилось прыгать с поезда. Дело в том, что жил я в деревне, километрах в сорока от Смоленска, а поезда на нашем полустопке не останавливались. Я так наловчился прыгивать на ходу поезда, что мне завидовали товарищи. Взявшись одной рукой за поручень, я взмахивал другой, чтобы придать телу устойчивость, и бросался навстречу земле. И что интересно, почти всегда удавалось устоять на ногах.

Мог ли я думать, что такие навыки пригодятся в самую тяжелую минуту жизни? Вот почему прыжок не пу-гал меня.

А как будет с Виктором? Он сидит напротив. Прыгать надо только вдвоем! Вот бы пересадить Виктора к себе. И сделать это так, чтобы не вызвать ни малейших подозрений. Что предпринять? Нас двое, а их шестеро. Надо продемонстрировать гитлеровцам нашу абсолютную благонадежность.

Поезд подходил к большой станции. Наши попутчики приготовились выйти на перрон. Как только поезд остановился, я вскочил, вытянулся по стойке «смирно» и ловким движением открыл дверь купе.

Один из гитлеровцев, седой унтер, с первых минут проявлявший к нам явно доброжелательное внимание, удовлетворенно похлопал меня по плечу.

— Гут, гут, рус офицер!

Я с готовностью закивал, с досадой думая о том, как туго открывается замок двери.

Когда немцы возвратились, я снова услужливо распахнул дверь купе.

Видимо, унтерам явно импонировала моя учтивость.

— Мы, немцы, ценим мужество, — сказал по-русски седой. — Вас везут в Берлин потому, что вы герой. Но вы к тому же еще и культурный человек. У вас хорошие манеры. Разве в России учат хорошим манерам?

— Что же здесь удивительного! Мы строим самое культурное общество в мире.

— Строили, — поправил седой. — Мы разрушим ваше общество...

— А Курская битва?

— Это временная неудача. Вермахт имеет новое оружие. Оно все решит в нашу пользу.

— Исход войны решает не оружие, а люди.

— Чепуха! Русским помогла зима!

— Нет, господа офицер! Мороз не щадит ни русских, ни немцев...

Так, слово за слово, сложился далеко не простой разговор. Я с трудом сдерживался, чтобы не наговорить дерзостей.

А поезд снова замедлил ход, мы подъехали к станции Мироновка. Я опять открыл дверь купе перед гитлеровцами. Это, видимо, окончательно подкупило наших попутчиков. Принявшись за еду, они угостили и нас хлебом, салом, колбасой, минеральной водой.

Я осмелел до того, что рискнул попросить у седого заку-рить. Он протянул мне сигарету...

На следующей остановке (это была Белая Церковь) я позволил себе сидя открыть дверь перед гитлеровцами. Никто не обратил на это внимания. Я ликовал! Ведь перед прыжком мне скорее всего придется открывать дверь именно в таком положении.

Так начался новый этап «тренировки».

На этот раз седой, раздобывшись, попросил охранников, чтобы и нас выпустили проветриться. Те согласились. Мы с Виктором получили возможность не только подышать чистым воздухом, но и перекинуться словом.

— Постарайся пересечь ко мне, — сумел я шепнуть ему.

Когда мы снова зашли в купе, я невзначай усадил Виктора рядом с собой. Охранники — ни слова.

У нас от радостного волнения перехватило дыхание: мы вместе и рядом с дверью, и только она отделяла нас от желанной свободы.

Простая вагонная дверь, а за пей — совсем иной мир. Поворот ручки — и мы вырвемся из этого ада! Пускай вначале мы попадем на территорию, оккупированную врагом. Но ведь там есть и свои, советские люди. Они не дадут пропасть.

Всего один поворот ручки... Той самой ручки, которую я наловчился легко и безошибочно открывать...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЕБО

Мы едем уже часов десять кряду. Поглощенный своими плачами, я не заметил, как пролетело время и начало темнеть. Гитлеровцы изрядно устали, их интерес к пленным летчикам пассивен, они приутихли, начали дремать.

Один из охранников достал плошку, зажег ее. Свет был слабый — это нам тоже на руку...

Толкнув Виктора, я нарочито громко сказал:

— Давай спать, я чертовски устал...

Карюкин придвинулся вплотную, положил голову мне на плечо, правой рукой взялся за мой ремень.

О том, что мы уснули, свидетельствовали искусное похрапывание Карюкина и моя поза мирно спящего человека. Локтем правой руки я уперся в колено, а ладонью прикрыл правый глаз, оставив между пальцев чуть заметную щелку. Через эту щелку я наблюдал за офицерами и охранниками.

Вот гитлеровцы, встряхнувшись от дремоты, о чем-то заговорили, часто повторяя слово «Фастов».

Значит, близко Фастов! Это заставило учащенно биться сердце: от Фастова не так уж далеко до границы. В нашем распоряжении только одна ночь.

Поговорив, гитлеровцы снова задремали. Охранники и не думали о сне. Один из них потянулся к верхней полке, стащил набитый снедью здоровенный чехол, сел, положил его на колени себе и своему папарнику.

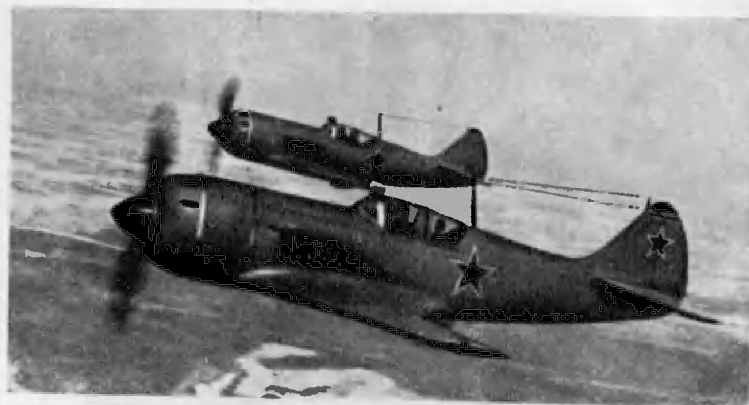
Летчики-истребители 69-го, впоследствии 9-го гвардейского, истребительного авиационного полка, прославившиеся в период героической обороны Одессы. В первом ряду слева направо: Сечин, Королев, Череватенко, Серогодский, Шелемин. Во втором ряду: Ковальский, Алелюхин, Богачек, Бондаренко, Чадович, Казаков (фото 1942 года)

Екатерина Буданова и Лилия Литвяк

Н. А. Верховец и Василий Погорелый у полковой эмки,
прошедшей путь от Одессы до Берлина

Пара Ла-7 идет на боевое задание

Михаил Смильский и Павел Головачев

Герои Советского Союза 9-го гвардейского истребительного авиационного полка. Слева направо: Александр Карасев, Владимир Лавриненков, Иван Королев, Аркадий Ковачевич, Анатолий Морозов, Алексей Алелюхин, Амет-Хан Султан, Иван Борисов, Павел Головачев (фото 1943 года)

Участники конференции, посвященной свободной охоте истребителей. В первом ряду в центре — генерал-лейтенант авиации (ныне маршал авиации) Е. Я. Савицкий, справа от него — гвардии майор (ныне маршал авиации) А. И. Покрышкин, братья Дмитрий и Борис Глилки. Во втором ряду второй слева — Владимир Лавриненков, далее — Алексей Решетов и Амет-Хан Султан

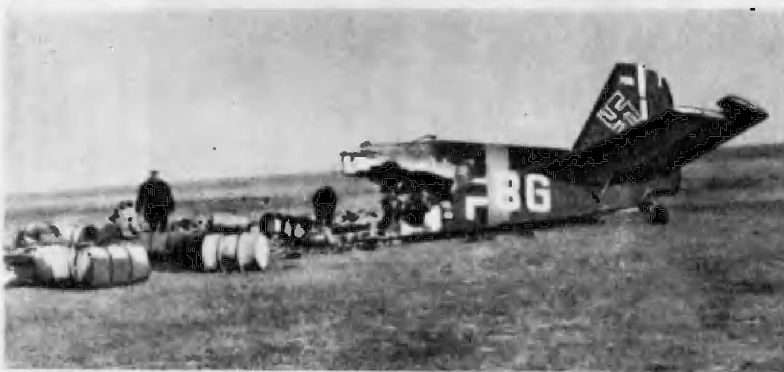

С. М. Елизаров

И. В. Тимофеев

Ю-52, сбитый прямо над аэродромом Зеты в январе 1943 года

В часы затишья... Слева направо: авиационный техник Я. Пенковский, заместитель командира эскадрильи А. Аристархов, авиационные техники Н. Бутов, И. Слюсарев, командир эскадрильи Амет-Хан Султан и комсорг полка Д. Кацин

Владимир Анашкин

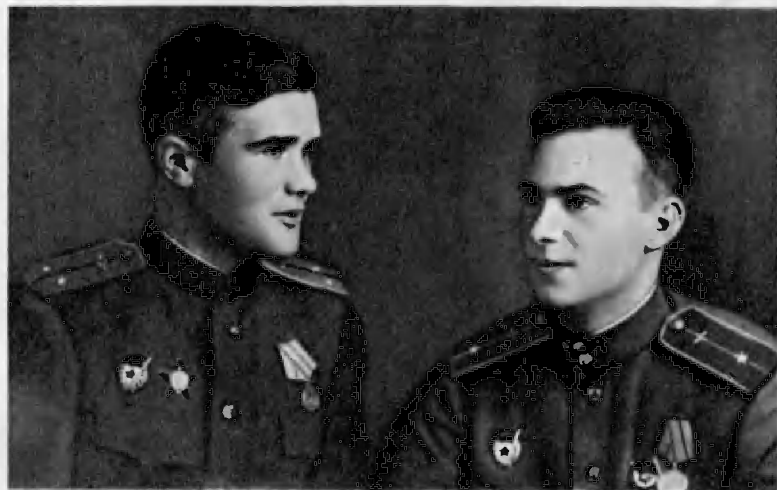
О. А. Зюзин

В. Е. Бондаренко

Е. П. Дранищев

К. Беликов и В. Чуднов

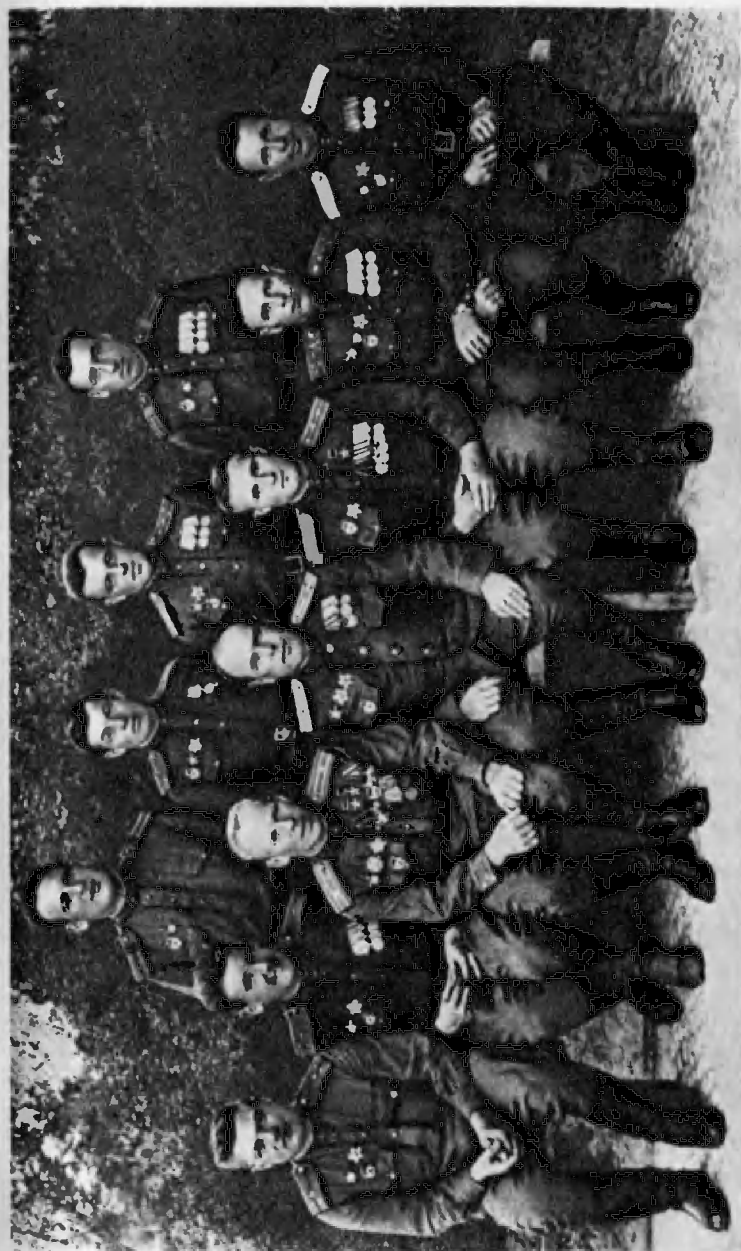
Н. Ф. Фунтов

М. С. Твеленев

Встреча с летчиками полка «Нормандия-Неман». Справа на переднем плане — майор Луи Дельфино

В. С. Никитин (в центре первого ряда) с летчиками и техниками полка

Комиссар партизанского соединения имени Чапаева Е. Д. Ломака (в центре) с врачом соединения А. В. Крячком (слева) и командиром одной из разведывательных групп А. С. Янцелевичем

Командир 4-го отряда партизанского соединения имени Чапаева Касым Кайсенов

Партизан В. П. Яковенко

Г. Н. Захаров

И. Г. Борисов

А. Н. Карасев

Б. Н. Чубуков

А. Н. Горбачев

«Здравствуй, отец!» Встреча автора книги с Иваном Степановичем Шевченко в 1970 году

У меня учащенно забилося сердце. Это чувствует Виктор. Он еще плотнее прижимается ко мне. Мы оба прислушиваемся к перестуку колес — поезд замедляет ход.

Снова смотрю на охранников. Один из них поднимает широкую крышку чемодана, она почти закрывает обоих.

Вот он, наш час!

Левой рукой я резко опрокинул чемодан на охранников, а правой безошибочным движением быстро повернул ручку двери.

Свежий ветер ударил в лицо. Ветер свободы!

Оттолкнувшись, рванулся вперед, увлекая за собой Виктора, который не выпускал из рук мой ремень. Так вдвоем, будто скованные, мы врзались в кучу песка, потом, кувyrкаясь, покатались под откос.

Вагонные колеса продолжали свой мерный перестук. До нас донеслись встревоженные голоса. Прогремени выстрелы...

Скатившись под откос, мы тут же встали на ноги. Для меня прыжок прошел благополучно. У Виктора болела рука — он, наверное, вывихнул ее. Несколько раз крепко держул его за руку. Карюкин вскрикнул от боли, и мы, не сговариваясь, помчались прочь от железнодорожной насыпи.

Шел теплый дождь. Бежать по мокрой земле было трудно. Минутная передышка — и снова вперед. Дальше, дальше... Мы знали, что бежим на восток, к Днепру... Густая тьма надежно скрыла нас.

На мгновение представил самодовольную физиономию седого гитлеровца: «хорошие манеры»! Теперь-то он, наверное, понял, чего стоили мои «хорошие манеры»!

Мы бежали всю ночь.

Где-то перед рассветом дождь прекратился. Дышать стало легче. Но Виктор то и дело отставал. Я дожидался его, подбадривал, и мы снова мчались прочь от железной дороги.

Остановились на рассвете. Увидели стог сена и направились к нему. Только присели — Виктор тут же заснул. Я растормошил друга, мы вместе сделали в стоге нишу. Забираясь в нее, я увидел восходящее солнце.

Здравствуй, солнце свободы!..

Спали мы ровно сутки.

Когда я вылез из ниши, солнце снова восходило. Оно щедро дарило земле теплые лучи. А вместе с солнечными

лучами в наши сердца вливалась уверенность, что все будет хорошо.

Обросшие, грязные, оборванные, мы посмотрели друг на друга и впервые за много дней весело рассмеялись. К Виктору вернулось присущее ему чувство юмора.

— Ты, случайно, не прихватил у фрицев бритвенный прибор? — вдруг спросил он. — Нам обоим очень пригодилась бы сейчас бритва...

В годы войны у летчиков существовало неписаное правило: потеряв во время воздушного боя ориентировку, бери курс 90 градусов на восток и придешь к своим. Мы с Карюкиным очутились именно в таком положении, когда надо было действовать в строгом соответствии с этим правилом. Курс нашего движения указывало солнце. Недаром оно так приветливо встретило нас!

Итак, мы двигались на восток... Что делается вокруг нас? Какие опасности подстерегают в пути? Где переодеться? Где найти пищу? Ответа на эти вопросы мы не могли бы найти без помощи местных жителей. Но как разыскать кого-либо из них?

Сама судьба пошла нам навстречу. На кукурузном поле я вдруг увидел человека. Мы с Виктором присели, чтобы незнакомец не заметил нас. Посоветовавшись, решили: попробуем осторожно заговорить с ним. Пригнувшись, стараясь не обнаруживать себя, я подошел поближе, чтобы разглядеть, что за человек перед нами. Это был пожилой, бородатый крестьянин, с патруженными руками. Он обламывал кукурузные початки.

Вернувшись к Виктору, поделился своими наблюдениями.

— Ну что ж, надо рискнуть, — сказал Виктор.

Необозримая, нескончаемая земля паша! Чего только не случалось в твоих лесах, степях, на водах твоих за твою многовековую историю! Каких только потрясений, войн, стихий не пережила ты, русская земля! И каким же скромным и мудрым, отважным и щедрым душой вышел из всех этих испытаний простой русский человек!..

Незабытые минуты волнения, тревоги и огромной радости пережили мы с Виктором в то памятное утро. До конца дней своих запомнил я ту встречу в степи и людей, которые сердцем своим согрели нас двоих, бежавших

из лютой неволи, вдохнули в нас веру в свои силы, в то, что мы возвратимся в свои полки и снова обретем крылья!

Старик, увидев меня, продолжал работать с таким видом, словно давно заметил нас обоих и только ждал, что мы к нему подойдем.

— Здравствуйте!

— Добрый день... — Он окинул меня внимательным взглядом: — Что скажете?

— Нам помощь пужна, отец...

В черной бороде старика серебрилась седина. На меня повеяло чем-то добрым, родным. Вот таким же оставил я на Смоленщине своего отца-крестьянина... Не раздумывая больше, я подал Виктору условный знак. Он тоже пошел к нам.

Дед, должно быть, не впервые видел таких, как мы. Нытиливо поглядывая на нас, он о чем-то думал. Видимо, прикидывал, как себя вести.

— Мы, папаша, ушли из плена. Нужна одежда, пища. Хотим узнать, куда идти, чтобы попасть к своим.

Крестьянин оживился. Рассказал, что его сыновья тоже служат в Красной Армии, а однопольчане берегут собранный урожай до ее прихода. Вот он и вышел пораньше убирать кукурузу, позже еще люди придут.

— А вам, хлопцы, нужно к Днепру идти. На почуе надейтесь. Наткнетесь в темноте на кого — выстрелит, и все. Днем виднее, от кого прятаться. За каждого беглого пленного Гитлер пообещал пуд соли... Среди полицаев есть люди, а в основном — собаки. Не дай бог попадетесь — смерти не миновать... А вы небось есть хотите?

— Со вчерашнего дня не ели. Да и переодеться бы надо...

Старик помолчал, подумал:

— Ну ладно, хлопцы, я пойду в село, а вы побудьте здесь.

Он скрылся в высокой кукурузе, оставив нас в тревоге. Не хотелось думать, что старик может подвести, но ведь всякое случается.

— Надо проследить за ним, — предложил Виктор.

Я стал пробираться за стариком. В конце кукурузного поля остановился. Сутулая темная фигура двигалась по стерне к дороге. Что тут следить? Будем ждать.

Прошло часа два. Мы уже решили было уходить, когда увидели на дороге двух пожилых женщин, тащивших

маленькую тележку с хворостом. Мы пошли навстречу, поздоровались.

— Сыночки, родные,—заговорила та, что казалась по-старше, — сколько же вы пережили из-за проклятого супостата! И как еще далеко вам идти!..

В глазах у женщин стояли слезы. Успокоив их, мы спросили, не передавал ли чего бородастый колхозник?

— Передал, передал, сынки, вот берите...

Под хворостом оказались два старых пиджака и две пары брюк навыпуск. Старушка протянула нам узелок с едой и маленький нож. Мы быстро переоделись.

Осторожно сложив свои форменные брюки кармашком внутрь, я вместе с гимнастеркой подал их одной из женщин:

— Возьмите, мамаша, мою одежду. Там, в карманчике, и мои часы.

Она растерянно взглянула на меня:

— Что вы сказали?

— Часы мои, говорю, военную заслугу оставляю вам.

— О, господи! — всплеснула руками женщина и прижала узелок к груди. — Да зачем же вы это?.. На что они нам?

Когда Виктор стягивал с себя гимнастерку, я увидел, что она на спине разорвана чуть ли не пополам.

— Где это ты?

— Как где? В поезде. Охранник в последнюю секунду уцепился за гимнастерку. Если бы я не держался за твой ремень — оставался бы мне в том вагоне...

Женщины, слушавшие наш разговор, перекрестились.

— Господи, спаси их и помилуй.

— Бог-то бог, да и сам не будь плох, — сказал я на это.

— Что правда, то правда, — ответила та, что помоложе. — Я вам и карту принесла.

Карта была вырвана из старого учебника географии.

— Батько дали... Maybe, не такая, да другой нет.

Карта нам совершенно не годилась, но об них очень тронула такая забота. Поблагодарили колхозниц. Стали прощаться.

— Не идите дорогами, идите стернями, где пасут скот. Вдоль лесопосадок, — папутовали нас женщины.

Мы поклонились им и зашагали в ту сторону, где, по нашим расчетам, катил свои воды Днепр.

Отмахали километров десять, а ушли недалеко: старательно обходили все, что вызывало малейшие подозрения. Оба были до предела насторожены, нам казалось, что со всех сторон нас подстерегают опасности.

Собственно, так оно и было.

Вконец обессиленные, мы свернули к стogu сена. Перекусили тем, что оставалось в небольшом узелке. Вспомнили, как готовились к прыжку из вагона. И еще раз убедились, что прекрасно понимаем друг друга без слов.

Я осмотрел раны Виктора. Та, что была на ноге, загноилась. Следы побоев постепенно заживали. Я нашел лист подорожника, приложил к его ране, перевязал ее.

Отдохнув, двинулись дальше. Шли, пока не начало темнеть и пока не забрели в какое-то болото. С трудом выбрались. Наткнувшись на стог сена, обрадовались, как дети: ночлег в тепле обеспечен.

Утром нас разбудили петухи. Оказалось, мы започевали возле села. Пришлось срочно ретироваться, хотя очень тянуло зайти в крайнюю хату. Твердо решили: пока можем двигаться, не будем рисковать...

Третий день мы в пути. Ног под собой не чувствуем от усталости. Надо бы с кем-либо поговорить, убедиться, что правильно идем. Удача благоприятствовала нам. Встретили в поле двух работающих женщин. Им не пришлось ничего объяснять. Отнеслись к нам сочувственно. Привели в село, плотно накормили. Снабдили продуктами на дорогу...

Наше странствие продолжалось. Мы все еще боялись заходить в села: ведь любому встречному нетрудно было понять, кто мы и куда пробираемся.

И все же однажды рискнули приблизиться к крайней хате какого-то села.

На мой стук в дверь вышел немолодой болезненного вида мужчина.

— Кто такой?

— Бежал из плена...

— Заходи в хату, — пригласил он.

В комнате увидел жену хозяина и четверых ребятшек, которые с нескрываемым любопытством разглядывали меня.

Хозяин спросил, куда держу путь.

— К своим, к фронту, — прикинулся я.

— Тогда нужно пробиваться к Днепру.

И он объяснил, как следует идти. Убедившись, что нам ничто не угрожает, я сказал, что на улице остался мой товарищ.

— Понятно: внешняя охрана, — улыбнулся хозяин и сам вышел позвать Виктора.

Разговор с хозяином был чисто мужской: о фронте, о службе. Он слышал о Сталинграде, о том, как наши войска разбили там гитлеровцев. Не таясь, радовался этому. А когда в досталь паговорились, хозяйка пригласила нас за стол. К горячей картошке в мундире нам дали по маленькому кусочку сала. Детишки смотрели на нас с завистью: видно, сами давно не лакомились салом.

В первый раз после побега мы были в хате, сидели за столом. Так не хотелось покидать эту гостеприимную семью! Но нужно было идти дальше. На прощание хозяин угостил нас самосадом, дал совет:

— Переберетесь за Днепр — там ищите партизан. Они и перебросят вас к своим. Держитесь южнее Капева, на Григорьевку выйдете.

Мы с Виктором стояли в тесных сених, и обоим виделся заднепровский лес. В нем было наше спасение.

Докурили сигарки.

— Если можно, дайте нам что-нибудь, чем можно в случае чего отбиваться, — попросил Виктор.

Хозяин порылся в углу, достал молоток с длинной ручкой.

— Годится! — удовлетворенно сказал Виктор. — Спасибо. Будем наступать — вернем. Обязательно вернем.

Эх, Виктор, Виктор! Мог ли ты тогда знать, что никогда больше не придешь в эти места!

...Незабываемая хата, милая Киевщина! Когда я теперь рассматриваю карту Украины, вспоминая города и села Доббасса, Николаевщины, Днепропетровщины, Запорожья, Крыма, над которыми приходилось бить врага, и милую весеннюю Черниговщину, где много летал, будучи летчиком-инструктором, то дольше всего мой взгляд всегда задерживается на Киевщине. Мне так хочется узнать о судьбе людей, которые суровой осенью 1943 года пригнали, принесли нас, поделились с нами последним куском хлеба, дали добрые советы. Что стало бы с нами без их доброй помощи, страшно даже подумать...

Постепенно мы с Виктором «вооружились». У нас уже были нож и молоток. Потом я пошел на току, где почева-

ли, гирьку. Привязал к ней веревочку — чем не средство самозащиты?

А когда было туго с пищей, тоже находили выход. Собирали на стерне колоски, обжигали их на огне, растирали в ладонях и получали зерно. Очень оно выручало нас. Я приспособился даже добывать огурцы в огородах: ложился на грядку и, чтобы никто не заметил, перекатылся по ней. Огурцы, как камни, впились в бока. Прокатишься раз-другой — полная пазуха...

Так, день за днем, мы упорно шли к Днепру. Думал ли я когда-нибудь раньше, что наступит час, когда эта река станет в моей жизни самым важным рубежом, за которым — конец плену...

Мы оба так жаждали увидеть могучую ширь Днепра, что, когда голубая широкая лента предстала пред нами во всей своей красе, ни у меня, ни у Виктора не было сил для бурного излияния чувств. Мы просто застыли, пораженные величественной панорамой заднепровских далей с партизанскими лесами и тем, что цель наконец достигнута.

Постояли на круче, помолчали, потом опустились на землю, снова поглядели вдаль и опять не нашли слов, чтобы сказать друг другу о переполнившем нас счастье.

Да и о чем было говорить?! Все так ясно: спустись вниз, переплыви реку — и конец всем мучениям!

А вдруг что-то помешает нам? Вдруг здесь, на последнем этапе, случится непоправимое?

Эта мысль, видно, пришла обоим одновременно, потому что мы, не сговариваясь, встали и начали спускаться по тропинке. Она привела нас во двор, окруженный садом. Нам явно везло: у колодца увидели миловидную девушку. Направились прямо к ней, попросили напиться. Девушка улыбнулась, показала рукой на полное ведро.

И тогда, так же как после прыжка из вагона, наступила первая разрядка.

Мы начали брызгаться, смеяться, шутить, начисто забыв, что находимся еще на оккупированной врагом территории и можем накликать на себя беду.

Но чувство беззаботности длилось недолго, не больше минуты. Мы с Виктором пришли в себя, посерьезнели. Девушка ни о чем не спрашивала. Она показала, как пройти к Днепру. Предупредила, что вода еще не холодная, что переплыть реку можно вплавь или на лодке.

Не теряя времени, стали спускаться по тропинке. Тропинка была такая узкая, что невольно наводила на мысль: в случае встречи с недругом — не разминешься. Поэтому оба держали наготове свое «оружие».

Вдруг слышим впереди голоса. Застыли на месте. Приготовились к стычке. Видим, навстречу идут мужчина с мальчишкой-подростком. Заметив нас, они опасливо остановились.

— Куда путь держите, добрые люди? — робко спросил мужчина.

— К Днепру.

— А что вам там нужно? — поинтересовался он.

— Нам надо на тот берег, — сказал я, и мы подошли ближе.

— Как же думаете переправляться? — уже спокойно задал вопрос незнакомец.

— Это наше дело, — настороженно ответил Виктор.

Крестьянин, подумав, решительно сказал:

— Я помогу. Пошли.

Мы последовали за ним. Мальчонка — тоже.

Предстояло спуститься еще ниже с невысокого обрыва, и добровольный провожатый уверенно повел нас.

Днепровская вода теперь плескалась у наших ног. Противоположный берег казался очень далеким и как будто осевшим. Я стоял над рекой, смотрел на воду, на незнакомца и душой чувствовал, что человеку, который привел нас сюда, можно верить. А наш провожатый, видя нашу радость и взволнованность, ждал, пока мы успокоимся, свыкнемся с обстановкой.

— Ну, так как вы переплывете на тот берег? — переспросил он, дружелюбно глядя на нас.

— Может, вы посоветуете, как это сделать?

— Это другой разговор... Куда же вы намерены добираться дальше?

— До Москвы, — вырвалось у Виктора.

— До Полтавы, — сократил я расстояние, и мы втроем рассмеялись.

Потом мужчина обратился к сыну:

— Иди домой. Я перевезу товарищей и вернусь.

Мальчонка вмиг скрылся в кустах.

Наш перевозчик вошел в заросли, и мы увидели там аккуратную небольшую лодку с веслами.

— Садитесь, — пригласил он.

Мы бросились к лодке. Незнакомец оттолкнул ее и занял место на веслах.

Чем больше удалялись мы от берега, тем теснее прижимались с Виктором друг к другу, тем чаще обменивались вопросительными взглядами. Крестьянин так легко гнал лодку, так по-спортивному владел веслами, что мы стали сомневаться, тот ли он человек, за которого себя выдает.

Гребец молчал. Это настораживало, даже пугало. А все же наше доверие к нему росло с каждой минутой.

— Где вы попали в плен? — нарушил он наконец тягостное молчание.

— Недалеко от Таганрога.

— А почему решились идти через фронт? Там сбилось столько гитлеровцев, что на каждом шагу болтается дурак с винтовкой...

Левый берег приближался с каждой минутой. Мы пристально разглядывали кусты, высокие деревья, искали привычные приметы жизни. Но все было пустынно.

— Нам говорил один человек, что где-то здесь обитают партизаны, — решительно произнес Виктор.

— Я и сам хотел сказать об этом, — невозмутимо заметил наш перевозчик.

Лодка уткнулась в песок. Мы заторопились на берег. Крестьянин вышел за нами и потащил за собой лодку. Теперь мы смотрели на него с восхищением, с любовью. И только теперь оба рассмотрели, что это был не старый еще, круглолицый, черноволосый крепыш, чем-то напоминавший опростившегося горожанина. Нам с Виктором хотелось высказать ему много добрых слов, но они не приходили на ум: новые тревоги наполняли нашу душу. Куда теперь? Где, как разыскивать партизан?

Перевозчик пристроил на берегу лодку и, немного отдышавшись, подошел к нам.

— В этих краях действует партизанский отряд, — доверительно сказал он. — Фашисты боятся партизан, как огня. И не только здесь, на левобережье... Слышал я, что немцы у Киева оборону заняли, а сюда и не суются... Идите прямо на Комаровку, — махнул он рукой в сторону высоких дубов. — Можете не прятаться, не скрываться. Заходите в любую хату. Тут вас никто не тропет. Запомните

обязательно: Комаровка, — многозначительно повторил он и стал прощаться.

Сделав несколько движений для разминки, как это делают спортсмены, наш перевозчик ловко вскочил в лодку, оттолкнулся веслом, вставил его в уключину и сильно гребнул, опустив весла глубоко в воду...

Шагая ввысь вдоль берега, мы высматривали, где бы свернуть на дорогу. Теперь, когда все трудности остались позади, оба почувствовали страшную усталость и зверский голод. Виктору трудно было идти по песку — у него болела нога, я помогал ему. И вот за выступом показались белые хаты. Это словно прибавило нам сил: скорее, скорее...

Дворы, лежавшие с двух сторон от дороги, густо заросли зеленью. Велик был соблазн, не мешкая, зайти в один из них. Но мы свернули на глухую улочку и направились к крайней хате. Хата стояла за болотом, пришлось обойти его. Именно то, что она находилась на отшибе, манило нас к ней.

Вечерело. В воздухе пахло дымком. У сарайчика пожилой мужчина колот дрова... Мы некоторое время понаблюдали за ним из кустарника, начинавшегося у самых ворот. Вскоре появилась жепщина, гнавшая корову. Жепщина заметила нас. Мы попросились в хату.

Хозяйка дома Иван Степанович и Татьяна Семёновна Шевченко держали себя просто и доверчиво. Чутьку освоившись в непривычной обстановке, мы с Виктором заговорили о партизанах. Супруги Шевченко отвечали на наши вопросы уклончиво и как бы нехотя. «Мы не видели партизан... Люди говорят, что есть такие... Встречали, правда, всадников с красными ленточками на фуражках. Может, они?..»

Хата, в которую мы попали, не отличалась большими размерами. Почти все помещение занимала убранный тык-ва: старики делали заготовки на зиму. Почевать в хате было негде, и мы с разрешения хозяев ушли на огород, где уже заприметили стожок сена. Сделав в сене удобное углубление, мы с Виктором вернулись в хату, чтобы попросить одеяло. Каково же было наше удивление, когда увидели, что Татьяна Семеновна успела нагреть воду и поставила корыто: баня для нас была готова...

Только матери умеют так угадывать, что нужно человеку после тяжелых мытарств!

Хорошо вымывшись, мы вернулись в свое укрытие с двумя домоткаными ковриками и впервые за много дней заснули крепким, безмятежным сном.

Утром, не теряя времени, отправились на розыски партизан. Долго бродили в лесу, останавливались у дорог со следами колес и копыт, прислушивались к каждому звуку, но ничего не нашли. Расстроенные, возвратились в село. Разговорились с одним из жителей. Он спросил, кто мы и куда идем. Мы рассказали о своем намерении. В ответ наш собеседник буркнул что-то невразумительное и не захотел продолжать разговор на эту тему. Спросил только, где мы остановились...

— Знаю, знаю, это дед Иван Шевченко... — сказал он и, о чем-то подумав, неожиданно посоветовал: — Крутитесь среди людей — они подскажут то, что вам нужно. Приходите на бригадный двор...

— А если на гитлеровцев нарвемся?

— У нас их нет. Поперли отсюда...

На другой день снова встретились с тем же человеком и снова — о том же. Теперь он выслушал нас более доброжелательно, указал дорогу, на которую следовало обратиться внимание. Два дня мы безрезультатно дежурили под старым дубом у той дороги. И только на третий увидели группу вооруженных людей. Оба чуть не запрыгали от радости. Когда партизаны приблизились, я вышел навстречу и направился прямо к командиру, приложив руку к своей кепчонке:

— Здравия желаю, товарищ командир! Разрешите...

— Кто такие? — резко оборвал он, схватившись за автомат.

Партизаны остановились. Командир, высокий, борода-тый человек с красной ленточкой на головном уборе, сурово оглядел нас. Я коротко рассказал о себе, о Карюкине, надеясь, что наша история, наши офицерские звания говорят сами за себя. Но мы с Виктором не знали суровых законов партизанской жизни.

Командир не поверил ни тому, что мы выскочили на ходу из немецкого поезда, ни тому, что мы оба действительно офицеры-летчики. Он приказал нам убираться...

«Вперед!» — приказал командир, и партизаны двинулись за ним. Мы остались у дерева. Когда последний боец

прошел мимо нас, мы переглянулись и побежали вдогонку.

Партизаны остановились. Я снова подошел к командиру:

— Вы не имеете права отказывать нам!

И тут он, видно, поверил. Поверил не словам — мой голос, глаза, удрученное лицо Карюкина убедили командира, что мы не лжем. Наступило тягостное молчание.

— Мы идем на боевое задание, — уже иным тоном произнес наконец командир. — Сколько времени это займет — неизвестно...

Теперь мы с Виктором не поверили ему.

— Вы хотите бросить нас! — вырвалось у Карюкина.

Бородач приблизился ко мне. От него пахло дымом и сырой одеждой.

— Слово коммуниста: мы придем за вами! — И протянул руку...

Хозяева по нашему настроению догадались обо всем. Да мы и сами признались, что нам придется подождать, пока за нами придут.

— Вари, мать, побольше борца, — сказал Иван Степанович. — Чем сами кормимся, тем и поделимся с вами...

Настроение было хорошее. Мы отдохнули, окрепли, а надежда попасть к партизанам и встретиться с ними Красную Армию окрыляла нас. И все же не просто осуществилась наша мечта.

Прождав два дня, мы с Виктором снова вышли к знакомому дубу. По дороге тянулся свежий след от колес. Он повел нас в глубь леса. Боясь потерять след, мы волновались и ужасно торопились. Вдруг окрик: «Стойте! Руки вверх!»

Из-за дерева показался молодой парень с автоматом. Красная полоска на его фуражке обрадовала нас: в подобный «плен» мы сдались с удовольствием.

Парень с автоматом повел нас в глубь леса. И вскоре мы попали в настоящий поселок из высоких, крытых сеном шалашей. Здесь нас передали другому часовому. Мы с Виктором уселись на бревно. «Неужели начинается все сначала?» — взглядами спрашивали мы друг друга.

Ждать пришлось недолго. Нас привели в просторный шалаш со столом и скамейками, сделанными из горбыля и кругляков. Мы предстали перед командиром соедине-

ния * партизанских отрядов Иваном Приймаком и комиссаром Емельяном Ломаком.

Выслушав историю нашего побега, Приймак и Ломак поверили нам и даже объяснили, почему нас с Виктором не сразу взяли в отряд. Оказалось, что несколько дней назад в расположение партизанских отрядов пытался проникнуть шпион, выдававший себя за летчика, Героя Советского Союза, бежавшего из концентрационного лагеря.

Во время разговора в шалаш вошел довольно молодой, побоевому снаряженный человек. Командир и комиссар доложили ему о нас и сообщили, что мы хотим остаться в одном из отрядов до подхода советских частей. Незнакомец окинул нас обоих быстрым внимательным взглядом и обратился почему-то ко мне:

— Вам приходилось стоять на аэродромах двадцать третьего района авиационного базирования?

Я удивился, что здесь, так далеко от Южного фронта, знают о 23-м РАБе, но не подал вида. На вопрос надо было отвечать, его, конечно, задали не из праздного любопытства.

— Приходилось, — сказал я.

— Кого знаете из двадцать третьего РАБа? — в упор посмотрел на меня собеседник.

— Проценко, Кузнецова... — начал перечислять я.

Незнакомец, услышав эти фамилии, жестом прервал меня и крепко обнял, лицо его расплылось в улыбке.

— Так подготовить шпионов не под силу ни одной разведке в мире... Совсем недавно я разговаривал с Проценко и Кузнецовым. Уверю вас, это наши парни, — сказал он командиру и комиссару.

Нас познакомили. Это оказался командир оперативной группы штаба партизанского движения Украины Александр Тканко **. Неделю назад его забросили самолетом в Приднепровье с заданием объединить местных партизан для помощи Красной Армии при форсировании Днепра.

Сразу растаял лед недоверия. С этой минуты мы с Карюкиным стали членами славной партизанской семьи.

На столе появилась карта с нанесенной обстановкой на фронтах. Тут мы и узнали, что советские войска успешно

* Речь идет о партизанском соединении имени Чапаева. — Прим. ред.

** Позднее Александру Васильевичу Тканко было присвоено звание Героя Советского Союза. — Прим. ред.

продвигаются на запад. Нам рассказали, что противник отступает за Днепр и создает полосу обороны в районе Киева; что фашистские прислужники тоже удирают за Днепр; что гитлеровцы угощают на запад колонны военнопленных, увозят народное добро.

— Наша обязанность, — сказал комиссар, — громить завоевателей на дорогах отступления. Не давать им сосредоточиваться. Отбивать награбленное имущество, освобождать из неволи военнопленных и тех, кого сумела обмануть лживая фашистская пропаганда.

Нас с Виктором отвели в столовую, хорошо накормили. Потом поменяли кое-что из одежды, выдали фуфайки. Карюкина сразу определили во взвод, меня взял к себе комиссар Ломака.

Так осенью 1943 года мы с Виктором попали в одно из партизанских соединений, действовавших на Переяславщине.

Для нас с товарищем начался новый этап фронтовой жизни. В отряде отнеслись к нам хорошо. Много внимания на первых порах уделяли нам Емельян Ломака, Александр Тканко, Касым Кайсенов, Илья Процько, Василий Яковенко, Алексей Крячек. Для нас, летчиков, партизанская жизнь была непривычна, и товарищи помогли разобратся во всем, войти в обстановку.

С огромным интересом слушал я по вечерам рассказы партизан об удивительном храбрце Иване Приймаке, о талантливом организаторе отряда имени Шевченко на Каневщине — Емельяне Ломаке, о высадке оперативной группы Александра Тканко и о ее переходе к Днепру.

— Хотя я и Ломака, но беда меня не сломила, — в шутку сказал как-то о себе комиссар.

В этой горькой шутке была большая доля правды. Емельян Демьянович Ломака родился в здешних краях — в той самой Григорьевке, где мы с Виктором оказались несколько дней назад и откуда увидели широкий Днепр. В Григорьевке он закончил школу, потом учился в вузе. Перед самой войной был призван в армию и первые бои вел на границе. Потом сражался под Киевом, а на левом берегу Днепра попал в плен. Совершил побег. Больной, обессиленный, добрался почти до линии фронта. Но зима принудила его возвратиться на Каневщину, в родную Гри-

горьевку. Некоторое время скрывался у брата, а затем наладил связи с местными жителями и окружающими. Верные люди из Бучака, Букрина, Зарубища, Трахтемирова помогли достать оружие. С помощью все тех же патриотов Ломака организовал партизанский отряд имени Тараса Шевченко.

Потом судьба свела Емельяна Ломаку с Иваном Приймаком, партизаны которого действовали на Переяславщине. В 1943 году оба отряда объединили силы и избрали своей базой лес на левобережье Днепра. За лето партизаны не только наладили надежные связи с жителями окрестных сел. Народные мстители крепко держали в этом месте Днепр, по которому оккупанты перевозили грузы. Не один катер и не одна баржа с грузом пошли ко дну вместе с командой...

С приближением советских войск к Днепру партизанам Каневщины были поставлены новые задачи. От них требовали четкой согласованности действий с общим планом. Для консолидации всех партизанских сил в районе наступления Красной Армии летом 1943 года сюда, на левобережье, и была высажена с помощью авиации группа Александра Тканко.

Раньше мне не приходилось встречаться с людьми, которых с воздуха забрасывали в тыл врага, хотя мы, летчики, не раз слышали об этих храбрцах от наших коллег, летавших на По-2 и на Ли-2. Удивительно ли, что рассказ Александра Тканко поразил меня и я отлично запомнил все детали.

— Дело это, конечно, непростое, — спокойно начал Тканко, — но для меня уже вроде привычное. Четырежды забрасывали меня в тыл врага, и все кончалось благополучно. А вот в пятый раз получилось не совсем так... — Он помолчал, собиравшись с мыслями, оглядел притихших слушателей. — Впрочем, судите сами... Выброска происходит обычно ночью — это понятно. А ночью единственным сигналом с земли может служить только костер. Нам и должны были зажечь в условленном месте на Полтавщине пять костров «кошвертом». При чем один из них должен был периодически мигать.

Что произошло на земле — трудно сказать. То ли партизанам что-то помешало сделать все, как было условлено, то ли пилот потерял ориентиры еще на подходе! Не

знаю. Только выбросили нас совсем на другие огни. И опустились мы на парашютах на солдатские штыки, прямо хонько в зубы фашистским псам... Что делать? Пришлось бежать в темноте куда глаза глядят, с багажом на плечах. А когда забрезжил рассвет, мы увидели, что оказались на большом поле подсолнухов. Гитлеровцы окружили это поле. Мы затаились, прижав к земле. Подсолнухи, срезаемые пулями, падали нам на голову, но никто не выдал себя. И все же фашисты побоялись заходить в подсолнечный «лес». Целые сутки пришлось выдерживать облаву. А ночью двинулись на запад: нам было приказано выйти к Днепру до подхода наступающих советских войск...

В одном нам крупно повезло: раздобыли телегу. Уложили на нее радиоаппаратуру, боеприпасы. Шагать стало веселей.

Так и шли четыре дня, пока не добрались до приднепровского леса и не попали в необходимый нам населенный пункт, недалеко от Комаровки. Отсюда предстояло продолжать путь до хаты лесничества, но, чтоб разыскать эту хату, надо было удостовериться, правильно ли идем. Послали двух наших девочек на разведку в ближайшее село. Да так они и не вернулись... Потом уже, когда удалось связаться с партизанами, когда сами мы ходили разведчиками в Хощи и Переяслав, когда пришлось выдержать стычку с оккупантами, мы узнали о страшной судьбе наших девушек. Мужественно вели они себя под пытками в фашистской тюрьме. Ни слова не сказали о нашей группе. Ценою жизни спасли нас от провала...—Тканко умолк, подавленный воспоминаниями. В тот вечер единственный раз видел я его таким расстроенным.

...К отважным людям попали мы с Виктором Карюкиным и не могли, естественно, сидеть сложа руки—оба рвались на задание. Несколько раз нам удалось добиться согласия командира и комиссара на наше участие в партизанских вылазках. И это принесло нам с Виктором большое удовлетворение.

И вот настал день, когда советские войска погнали битые фашистские части по главному тракту от Золотополи до Киева. Оживился партизанский лагерь. В нашем соединении была создана боевая группа, действовавшая под видом гитлеровцев. Командовал ею высокий энергичный блондин в повенской форме офицера вермахта, немец по

национальности, Роберт Клейн*, недавно перешедший к партизанам из переяславской сельуправы.

Выстроив свою группу, Клейн инструктировал людей, прорабатывал с ними план действий и выходил на машинах на перехват гитлеровцев, засеченных нашей разведкой. Почти ежедневно пригонял он с задания несколько грузовых и легковых автомобилей, иногда груженных богатыми трофеями. Машины загоняли в лес (они намечались для передачи в дальнейшем нашим войскам), продовольствие шло на партизанский стол, а немецкие мундиры нарасхват разбирали те, кто хотел пополнить группу Клейна.

Однажды утром я заметил среди бойцов группы Клейна Виктора Карюкина в немецкой форме и с немецким автоматом в руках. Хотел подойти, чтобы пожелать боевой удачи и счастливого возвращения, да не успел. Виктор на ходу прыгнул на подножку машины Клейна и, проезжая мимо меня, в шутку отдал честь, по-молодецки приложив два пальца к виску и весело улыбаясь.

В тот день по очередному наряду я дежурил на кухне: чистил картошку, рубил дрова, возил в бочке воду из колодца и непрерывно думал о Викторе. С нетерпением ждал его возвращения. И вдруг увидел печальный corteж: машину, которая тихо продвигалась между деревьями, людей, стоящих в кузове и идущих рядом с ней. Не знаю почему, но сразу почувствовал: везут Карюкина.

От этой мысли холодок пробежал по спине, онемели ноги. Самый дорогой, один-единственный друг! Неужели он? Почему именно он?!

Виктора бережно сняли с машины и положили на сено, застеленное рядом. Я поглядел на его мертвенно-бледное лицо и понял: все кончено, хотя жизнь еще теплилась в нем.

Начали сходитьсь партизаны. Некоторые, приближаясь, снимали головные уборы, но, заметив, что Виктор дышит, снова надевали их. Разыскали доктора Крячека. Он прибежал, запыхавшийся, со своим тощим медицинским саквояжем. Осмотрев Карюкина, доктор сказал, что необходима ампутация обеих ног, простреленных автоматной очередью, но раненый находится в состоянии шока. Эти

* Позднее Роберту Александровичу Клейну было присвоено звание Героя Советского Союза. — *Прим. ред.*

слова были обращены к командиру и комиссару, однако я тоже услышал их. Я опустился на колени у изголовья друга. Виктор ни на что не реагировал...

Все партизаны знали историю двух летчиков, бежавших из плена и попавших в их соединение. И все приняли попрощаться с погибшим.

Я стоял у гроба, сбитого из необтесанных досок, и вспоминал то, что мы с Виктором пережили: тяжкие дни плена, побег, переход из Фастова в Комаровку. Трудные испытания, через которые мы вместе прошли, навеки породнили нас, а общая ненависть к немецко-фашистским захватчикам еще больше укрепила дружбу... Я почувствовал себя страшно одиноким.

— Рано выстрелил, Виктор. Зачем торопился, Виктор? — тихо произнес Клейн, отходя от гроба.

Я посмотрел в его печальное лицо. Клейн узнал меня, подошел.

— Эх, Виктор... Такая беда... А ее могло и не быть... — Голос Клейна звучал глухо. Лицо было мрачным. — Машину мы оставили в кустах, а сами вышли на дорогу. Решили задержать грузовик, оторвавшийся от колонны. У нас была договоренность: пока я проверяю документы у офицера, сидящего рядом с водителем, остальные окружают машину и проверяют кузов. По моему сигналу они уничтожают сидящих в кузове, я расправляюсь с теми, что в кабине... Виктор был рядом со мной и очень волновался, когда я взял документы у гитлеровца. Он не дождался, пока я хлопну в ладоши. Или боялся, что фашист обо всем догадается, или заметил что-то неладное... Только выстрелил он раньше, чем бойцы забрались под брезент. Один из гитлеровцев успел дать по Виктору очередь из автомата... За смерть товарища мы уничтожили десятки оккупантов... Невозможно смириться только с одним: мы могли избежать этой горькой потери...

Могилу выкопали под старым дубом, прорубив топором место между корнями. Подразделение, с которым Виктор ходил на задание, отсалютовало погибшему несколькими выстрелами. Холмик свежей земли застлал осенними луговыми цветами.

На твердой бугристой коре дуба я вырезал пожом: «Здесь похоронен Виктор Карюкин. Сентябрь, 1943 год». А ниже вырезал свои инициалы.

Через 25 лет, попав в Киев, я принимал участие в телевизионной передаче, посвященной Великой Отечественной войне. Вспоминал фронтовые годы, рассказывал о боевом пути нашего полка от Волги до Эльбы, о своем последнем полете над поверженным Берлином. Вспомнил, конечно, Переяславщину, стариков Шевченко, побратимов-партизан. На следующий день мой номер в гостинице был похож на настоящий партизанский гарнизон: приехали товарищи из Комаровки. Все сходились на том, что лучше всего будет отметить наш сбор в тех местах, где вместе воевали.

В Переяславе-Хмельницком зашли к секретарю райкома партии Григорию Марковичу Кебало, посетили местный музей, в Комаровке заглянули в знакомый мне двор Ивана Степановича и Татьяны Семеновны Шевченко. Приняли нас, как родных. О многом было тогда переговорено. Имя Виктора Карюкина не сходило с уст: его помнили все. Тогда и решили разыскать могилу под дубом и перенести останки Карюкина в Хоцки, где похоронены погибшие советские воины и партизаны.

Время сберегло вкопанные в землю партизанские столы, бункера и даже колодец с питьевой водой. Молодые деревья скрыли старый дуб, но местные товарищи показали к нему тропинку. И могильный холмик, и надпись на коре тоже сохранились.

Тогда-то в перечне имен, высеченных на обелиске в Хоцках, появилось еще одно — капитан Виктор Карюкин. Пусть люди знают это имя. Человек, повидавший его, прошел через большие испытания и никогда ни перед кем не склонил головы.

В те дни много работы досталось штабу нашего партизанского соединения и начальнику штаба Ногайцеву: каждый час менялась обстановка в районе, который был под контролем партизан. Красная Армия приближалась к Днепру — уже слышалась артиллерийская канонада. Оккупанты спешно оттягивали свои войска. По дороге, пролежавшей невдалеке от нашего лагеря, в направлении Киева сплошным потоком двигались машины. В селах останавливались вражеские обозы, банды удиравших фашистских прислужников. Оперативная группа Ткачко и штаб создавали подразделения, оснащенные плавсредст-

вами для переправы на правый берег в районе Великого Букрина.

В это напряженное время партизанские соединения подготовило и успешно осуществило операцию по разгрому отступающих гитлеровцев в селе Хоцки.

Наши разведчики допели о сосредоточении в селе Хоцки отступающих войск и указали на схеме места их расположения. Нам были известны хаты, хозяйственные и общественные помещения, забитые гитлеровцами, полиция и тысячами военнопленных. Перед выступлением Иван Приймак определил каждому подразделению объект для нападения.

Узнав, что готовится боевая операция, я попросил у командира разрешения участвовать в ней. Комиссар Ломака, присутствовавший при разговоре, и на сей раз начал обосновывать свой отказ:

— В бою на каждого из нас может пайтись пуля-дура... Вот вернешься в свой полк, тогда и будешь палить по этим гадам сразу из пулеметов, из пушек, да еще бомбочку подкинешь на всякий случай, а тут... Ну что ты сделаешь с одним автоматом?

— Я возьму с собой еще несколько гранат.

Комиссар продолжал настаивать на своем. Самым убедительным аргументом, подействовавшим на него, было упоминание о Викторе. Я сказал, что хочу отомстить врагам за смерть друга. И тут Емельян Демьянович сдался.

Около трехсот партизан — кто на повозках, а кто верхом — двинулись на Хоцки. Выехали на закате, чтобы осуществить нападение ночью. Некоторое время я находился вместе с комиссаром в его тачанке. Мой товарищ — Николай, вдвоем с которым мы должны были уничтожить часового у караульного помещения, а потом и весь караул, охранявший военнопленных, ехал рядом на телеге, выделенной для нас.

— В селе сбилось столько всякой сволочи, — нетерпеливо говорил комиссар, — что кто его знает, как нам удасться ее перемолоть... Гитлеровцы — раз, власовцы — два, полиция — три, команда факельщиков — четыре. И все вооружены до зубов, все злые, как собаки. Спят и во сне видят Киев. Любой ценой стремятся перепрыгнуть на правый берег Днепра. Считают, что тогда будут спасены. За Днепром, дескать, их никому не достать.

— А как вы об этом узнали? — не удержался я от вопроса.

— А вы, когда летали на штурмовку аэродрома, разве не знали, сколько там стоит «юнкеров», сколько «мессершмиттов»? — ответил он на вопрос вопросом.

— Но у нас воздушная разведка, фотосъемка.

— У нас тоже воздушная...

Я не понял, что хотел сказать Ломака, и растерянно молчал. А он, выдержав паузу, продолжал:

— Насчет воздушной разведки я, конечно, пошутил. Но данные имеем самые точные. Наши парни вчера под вечер не зря облетали село. Благодаря им мы знаем все, вплоть до того, как и в каком помещении расположены окна и двери, где находятся караулы, когда они сменяются... Если не уничтожим этот сброд в Хоцках, придется воевать с ним на улицах Киева, в лесах Пуцци Водицы... У твоего напарника — бесшумная винтовка, которую где-то раздобыл Клейн. Когда Николай снимет часового, вы забросаете гранатами помещение караулки и освободите пленных. Вот, кстати, и развилка. Здесь вам с Николаем надо свернуть налево. Следите за ракегой!

— Есть! — ответил я, выпрыгивая из тачанки.

Наша телега остановилась в километре от села. Мы с Николаем сначала шли, а потом ползком добивались до жилищ. Вокруг было тихо, но мне чудились голоса, я прижимался к земле, будто прячась от недобрых взглядов.

Залегли у хаты, в которой раньше, видимо, размещалась колхозная бригада. Вдоль белой стены двигалась темная фигура часового. Николай тронул меня. Я подобрал гранаты и подался вперед, ожидая сигнала.

Красная ракета на миг озарила Хоцки. Я взглянул на Николая и тут же услышал глухой выстрел из винтовки. Все вокруг сразу заклокотало. Неведомая сила подняла меня на ноги. Я кинулся к дому, прижался к стене. Рядом темнело окно. Бросив в него гранату, перебежал к другому окну и повторил бросок. За стеной раздались крики и стоны.

Николай подхватил несколько гранат, лежавших на земле, и потянул меня за руку. Пригнувшись, я побежал за ним. Стало светло как днем — вокруг полыхало пламя. Где-то рядом застрочил пулемет. Я бросился на землю. Когда огляделся, Николая рядом не было, а нам еще предстояло забросать гранатами две соседние хаты с гитлеров-

скими солдатами. Я привстал на колени — над головой зашвистели пули. Пополз сначала за угол хаты, а оттуда — к строению, из которого был немецкий пулеметчик. Здесь я и увидел Николая. Вдвоем мы забросали гранатами дом и перебежали дальше. У нас еще оставалось несколько гранат. Когда я швырнул последнюю в окно намеченной хаты, оттуда раздался такой вопль, что я на какое-то мгновение застыл на месте. Из проема окна прямо на меня выпрыгнул человек и выбил у меня автомат. Я схватил гитлеровца, и его шинель, которая, видимо, была наброшена на плечи, осталась у меня в руках. Белая фигура в нижнем белье нырнула в кусты. Николай выстрелил вдогонку.

Натянув на себя немецкую шинель, я ползком продвигался за Николаем: нам надо было добраться до большого колхозного сарая — там находились пленные.

Широкую дверь с тяжелым замком можно было выбить только ударами бревна. Нам помогли еще несколько партизан, и дверь рухнула. В глубине сарая мы разглядели множество сгрудившихся черных фигур.

— Выходите, товарищи, мы — партизаны! — крикнул Николай.

Военнопленные толпой хлынули к дверному проему...

Бой длился еще около часа. Выстрелы начали стихать. Я с трудом отыскал в темноте нашу повозку. Сложил в нее несколько подобранных немецких автоматов и кое-какое трофейное имущество. Рассвет застал нас на пути в лагерь...

С каждым днем всё громче становилась докатывавшаяся до леса канонада. Ее звуки отзывались в душе тревожной радостью: фронт приближался. И однажды ранним утром по лагерю разнесся сильный рев мотора. Я выбежал из шалаша и увидел между деревьями тридцатьчетверку со звездой на башне. На броне танка во весь рост стоял человек в кожанке и племе.

К танку со всех сторон мчались партизаны. Когда я подбежал ближе, танкиста уже качали, и я присоединился к тем, кто с радостными возгласами подбрасывал его в воздух. Наконец виновника торжества бережно опустили на землю.

Майор с полевыми погонами, с орденами на кожаной куртке поднял руку, и возбуждение улеглось.

— Товарищи! Красная Армия, преследуя гитлеровские войска, сегодня ночью вышла к Днепру. Я рад приветствовать партизан. Дорогу к вам указали местные жители. Я прибыл за подмогой. Нам необходимо переправиться на правый берег. Командование фронта приказало нашей третьей гвардейской танковой армии сегодня форсировать Днепр.

Раздалось мощное «ура!». Кольцо вокруг танка сомкнулось еще плотнее. Командир и комиссар партизанского соединения договаривались с танкистом об осуществлении переправы. В разговоре пазывали залив, где стояли отбитые у врага катера и лодки, упоминали фамилии партизан, которым доверялось ответственное, опасное и почетное задание.

Широкий, глубокий Днепр протекал в нескольких километрах от нашего лагеря. Река ждала смельчаков, которые ринулись бы в ее воды и освободили правобережье...

Мысленно я уже видел себя в родном полку. Последний, трудный вылет, принесший мне столько испытаний, завершился.

Штаб третьей гвардейской танковой армии разместился недалеко от нашего лагеря — в селе Выюнице. Услышав об этом от майора-танкиста, комиссар партизанского соединения приказал запрячь лошадей и решил сам отвезти меня туда. Партизаны тоже оставляли обжитый лагерь и уходили колонной в другой район. Мы с Емельяном Демьяновичем укладывали свои вещи на тачанку. Я взял с собой шинель и фуражку немецкого образца, трофейную бритву, нож, ложку. Сердечно распрощался с товарищами, и мы двинулись в путь по разбитой дороге.

Выбравшись из леса, мы попали на открытый луг, по которому к Днепру шли танки, самоходные орудия, грузовые машины.

— Вчера наши войска переправились на тот берег, — сказал комиссар. — Это идет подкрепление.

Пока мы любовались развернувшейся перед нами картиной, в небе появились вражеские самолеты. Давненько не слышал я завывающего гула «юнкерсов», свиста падающих бомб. Рев моторов нарастал. Кони забеспокоились, стали натягивать вожжи. К счастью, уже показалось Выюнице. Комиссар свернул во двор крайней хаты.

На дубовые роцки, окружавшие Выюницу, и на само село посыпались бомбы. Мы успели добежать до погреба.

Когда все затихло, двинулись дальше — штаб находился в противоположном конце села. Но тут в небе появилось еще три-четыре десятка вражеских бомбардировщиков. Наши истребители не было видно. «Наверное, наши аэродромы отстали от передовых частей», — подумал я. Пришлось нам с комиссаром снова спускаться в погреб...

Здесь, во Вьюнице, мы распрощались с Емельяном Демьяновичем Ломакой, но после войны судьба не раз сводила меня с этим замечательным человеком, и я искренне благодарен ей за это...

Штабу 3-й гвардейской танковой армии был придан полк самолетов По-2, базировавшийся вблизи Переяслава-Хмельницкого. Меня направили туда, предупредив, что в штаб 2-й воздушной армии я полечу с летчиком Запорожченко.

День, когда я летел с Северной Украины на фронт аэродром Причерноморья, остался в памяти на всю жизнь, ведь с ним было связано главное в моей жизни: возвращение в небо...

Спустя почти двадцать лет мне передали письмо бывшего заместителя командира эскадрильи По-2 капитана И. И. Запорожченко. Случайно увидев мой портрет в одной из газет, он вспомнил и так описал тот полет:

Я приземлился возле хутора недалеко от Переяслава-Хмельницкого и на КП увидел мужчину среднего роста в фуражке с красной ленточкой партизана, в зеленой немецкой шинели и зеленых ботинках, обшитых кожей. Мы познакомились. По дороге к самолету т. Лавриненков (в моей личной книжке записано Лавриненко) вкратце рассказал, как попал в плен, как бежал и находился в партизанском отряде. Сперва мы сели возле с. Каневщина на аэродром штурмовой дивизии, которой командовал Герой Советского Союза генерал т. Байдуков. Прославленный человек приветливо встретил нас, назвал пункт, в направлении которого должны лететь, проводил т. Лавриненкова до аэродрома, пожелав счастливой дороги. Через час мы были в штабе 2-й воздушной армии, там и расстались с летчиком-партизаном.

...Командарм 2-й воздушной армии генерал С. А. Красовский быстро установил связь с 8-й воздушной армией, оттуда прислали самолет, и я около полуночи уже мчался на машине по улице степного села недалеко от Аскании-Нова.

Остановились у штабной хаты. Заместитель командующего армией по политчасти генерал А. И. Вихорев выслушал мой рапорт, улыбнулся, оценив взглядом мой партизанский наряд. Затем обнял меня и, ни о чем не спрашивая, приказал привести меня в нормальный вид.

Хозяйка хаты, куда меня поместили, нагрела воды, поставила корыто, дала полотенце и душистое мыло, которого я давно не видел. Пока мылся, мне принесли белье, обмундирование, фуражку, щетку для обуви.

Через час я зашел к генералу совсем в ином виде. В его кабинете тоже произошли некоторые изменения: посередине комнаты стоял стол, накрытый для ужина.

Во время ужина я рассказал генералу о своем трудном вылете, о Викторе Карюкине, о партизанах. Потом генерал Вихорев встал из-за стола, подошел к сейфу, открыл его и выложил на стол мой партийный билет, Золотую Звезду, орден Ленина, три ордена боевого Красного Знамени...

В тот миг я испытал такое огромное счастье, что на глаза набегали слезы: ведь мне посчастливилось вырваться из кромешного ада, откуда удастся бежать далеко не каждому летчику, сбитому над вражеской территорией...

— Если пилот не возвращается с задания, его ордена и документы отсылают из части, — сказал генерал Вихорев, когда я взял себя в руки. — Командарм Хрюкин разрешил хранить твои документы и награды здесь, на фронте. Мы верили: ты вернешься. Командарм ждет тебя. Прикалывай свои награды и иди... Потом возвратись ко мне. Здесь и переночуешь...

Очень волновался я, входя в кабинет генерала Т. Т. Хрюкина. В памяти свежи были все обстоятельства неудачного последнего вылета. Хорошо помнил я и слова командарма: «Сокол-семнадцатый, я не узнаю вас»... Как-то теперь он оценит тот вылет, мой «поцелуй» с «рамой», пребывание в плену? Ведь всего этого могло и не быть... Разве сбить «раму» было сложным, тяжелым для меня делом? Нет. Я чувствовал себя в какой-то мере виноватым за последствия того боя. Но «рама» сгорела на земле, задание я выполнил, хоть и дорого заплатил потом. Из плена вырвался сам. Разве это не оправдывает меня перед моими любимыми командирами, которые доверяли мне и уважали меня?

Волнуясь, открыл дверь в кабинет. Навстречу мне шагнул высокий, стройный командарм. Он улыбался, и сразу как рукой сняло все мои тревоги и сомнения. Тимофеевич пожал мне руку, обнял меня, и я впервые почувствовал полное счастье возвращения в нашу боевую семью.

Командарм не только расспрашивал меня, но и сам рассказывал о нашем полке. Он назвал новых Героев Советского Союза — Амет-Хана и Алелюхина, сказал, что перед армией поставлена ответственная задача — обеспечить поддержку наземных войск в операциях по освобождению Крыма.

У меня учащенно забилося сердце: значит, завтра смогу идти в бой! Командарм словно угадал мои мысли, услышал невысказанные слова.

— Ваш полк воюет отлично. Ты за это время отстал от товарищей. Придется потрепироваться, подтянуться. Самолет — это тебе не партизанский автомат. Согласен?..

Той же ночью командарм повез меня на своей машине к командующему фронтом генералу армии Ф. И. Толбухину. Загруженный делами даже поздней ночью, Федор Иванович, полный, с болезненной одышкой, попивая крепкий чай, между короткими телефонными разговорами расспрашивал меня, как удалось бежать и переправиться через Днепр.

— Обязательно расскажи обо всем однополчанам, — сказал он потом. — Обо всем! Особенно о партизанах. Какая это сила! — И тут же обратился к Хрюкипу: — Где он будет продолжать службу?

У меня по спине пробежал холодок. Я не выдержал:

— Хочу летать, товарищ командующий, в своем полку.

— Может, ему трудно будет в этом полку? — посмотрел командующий фронтом на генерала Хрюкипа.

— Прошу вас, товарищ генерал, отправить меня в прежний полк! — настойчиво повторил я.

— Так как ты считаешь? — снова спросил Толбухин нашего командарма.

— Федор Иванович, в полку уже знают, что Лавриненков вернулся. Однополчане ждут его.

— А почему это ты без погон? — обратился ко мне Толбухин.

— Только переодели, товарищ генерал...

Хрюкин объяснил, в какой одежде прибыл я в штаб армии. Командующий фронтом вызвал своего адъютанта: — Принесите погоны капитана.

Тот ушел и возвратился с новыми погонями, на которых было по четыре звездочки, а через несколько минут подал Толбухину приказ о присвоении мне звания гвардии капитана. Генерал армии подписал его, вручил мне погоны, поздравил с новым офицерским званием и пожелал боевых успехов.

— Уверен, что «Сокол-17» еще не раз прославится в небе. У нас много боев впереди...

На следующий день в полной форме я явился к нашему командарму.

— Товарищ командующий, капитан Лавриненков представляется по случаю отбытия в свою часть.

Хрюкин окинул меня внимательным взглядом:

— Ну, вот теперь вижу, что ты — Герой Советского Союза. Приказ о твоём назначении командиром эскадрильи уже отправлен. Желаю новых подвигов!

Побывал я и в штабе дивизии. Там тоже пришлось рассказывать все сначала. Командир дивизии сказал, что доволен боевыми делами нашего полка, с похвалой отзываясь о многих летчиках, с которыми я расстался почти два месяца назад. Услышав знакомые фамилии, я понял, что за период победного наступления советских войск от Миуса до Днепра наш полк не понес больших потерь, и очень обрадовался. Это означало, что все мои друзья живы, все летают и прославили себя. Быстрее бы только попасть к ним!..

За время моего почти двухмесячного отсутствия полк перебазировался на целых 270 километров на запад.

Когда наш По-2 закружил над аэродромом у хутора с лирическим названием Чаривный, я и в самом деле был очарован тем, что увидел. Неоглядная степь лежала вокруг, а по ней живописными островками были разбросаны села, утопавшие в садах, бежали дороги, ярко зеленели лесополосы...

К нашему самолету, остановившемуся недалеко от штабной землянки, со всех концов аэродрома спешили люди. Я сразу узнал среди них техника Моисеева, летчиков Остапченко, Тарасова, Плотикина, Карасева, Амет-Хана, Морозова, Верховца. Лица их светились улыбками, и у меня от волнения что-то заклокотало в груди. Дорогие

друзья! Сколько раз вспоминал я их в тяжкие минуты! Вера в их дружбу помогла мне пройти через все испытания и невзгоды...

Множество рук подхватили меня и подбросили в воздух, а потом уже я оказался в крепких объятиях.

— Коротким был твой отпуск!

— Считай, Володька, что тебе повезло!

— Мы искали тебя на Миусе, как ищут иголку в сене...

— Вы искали, ребята, а фрицы, между прочим, не дали мне и шагу шагнуть. Возили как полномочного представителя девятого гвардейского.

— Вот дела!

— Может, скажешь, на чем тебя повезли с переднего края?

— На мотоцикле с коляской. С комфортом!

После этих моих слов неожиданно вспыхнула дискуссия. Мне рассказали, что в районе, где я упал, мои однополчане до самого вечера вылетали парами и четверками. Кому-то даже удалось зафиксировать момент переезда на мотоцикле, хотя некоторые утверждали, что меня повели пешком. Услышал я и о том, что командование воздушной армии собиралось провести штурмовку определенного района, с тем чтобы потом там сел По-2, который должен был вывезти меня. Правда, этот план остался неосуществленным, потому что летчикам не удалось обнаружить мой след.

Все самое главное я рассказал за несколько минут. А у КП уже собрался весь полк. Я должен был выступить. Слушали меня в глубоком молчании. Это был мой отчет перед полком за полтора месяца вынужденного отсутствия.

Горячими аплодисментами встретили мои однополчане рассказ о боевых успехах партизан, о подвиге советских войск, форсировавших Днепр под Киевом. Эти аплодисменты ярко выражали настроение моих однополчан — ведь соединениям нашего 4-го Украинского фронта как раз предстояло перебраться на правый берег Днепра в его низовьях.

День незаметно угасал. Полеты на рубеж Молочной, где в те дни проходили бои, заканчивались.

Вечером в столовой был устроен торжественный ужин. За столом собрались все летчики, и меня снова охватило

радостное волнение от этого проявления столь чтимого у нас воинского товарищества.

Много новостей узнал я в тот вечер. От всей души поздравил Амет-Хана и Алелюхина с присвоенным званием Героя Советского Союза, а моего ведомого Остапченко — с новой боевой наградой. К концу ужина пришел, опираясь на палочку, Ковачевич. Товарищи уже сообщили мне, что он был ранен во время стычки с «мессерингитом» и находится в санчасти. Поэтому его появление очень обрадовало меня.

Я уже совсем почувствовал себя дома, хотя и не говорил еще с техником о своем самолете: моя «икобра» под номером 17 ждала меня, как верная подруга. После ужина я надеялся остаться с друзьями, но командир полка пригласил меня в свой кабинет и стал детально расспрашивать обо всем, что со мной было во время отсутствия в полку. Мы просидели до полуночи.

В заключение разговора я попросил допустить меня к полетам. Командир полка не дал определенного ответа. Он сказал, что должен посоветоваться с командиром дивизии. Прощаясь, Анатолий Афанасьевич ласково потрепал меня по плечу и сказал, что после столь длительного перерыва придется вначале полетать на тренировочном самолете с двойным управлением. А потом вдруг намекнул, что не вдалеке от аэродрома есть пруды и озера, где хорошо ловится рыба.

Разговор с Морозовым оставил у меня горький осадок. В общежитие я ушел в подавленном настроении.

Я преодолел столько трудностей и вернулся в полк. Командующий фронтом, командующий армией приветливо встретили меня. Но, выходит, что еще не все?.. Кто же тот человек, что будет определять мою дальнейшую судьбу?.. Я не мог представить себя вне полка, и эта мысль не давала покоя.

К ночи я пришел наконец в дом, где жили летчики и техники. Родная боевая семья встретила меня восторженно: опять начались рукопожатия, объятия, расспросы.

Это было счастье — вернуться к людям, с которыми поровну делил все тяготы войны. Мы знали друг о друге все, беспредельно верили один другому, и это сплачивало нас в единую семью.

Мы никак не могли уговориться и разойтись по своим местам. И вдруг ко мне подошла знакомая — та самая де-

вушка, которая была дневальной в день, когда со мной случилось несчастье. Она подвела меня к моей койке, открыла тумбочку и достала оттуда выстиранную, тщательно выглаженную гимнастерку. У меня перехватило дыхание. Я обнял голубоглазую девушку и от души чмокнул ее в щеку. Она зарделась, вокруг захлопали в ладоши.

ДОРОГОЙ ЮНОСТИ

Целую неделю я вместе со всеми ходил по утрам в столовую, затем отправлялся на аэродром к своему самолету, который Монсеев каждый день готовил к вылету. Но за всю неделю мне так и не удалось ни разу подняться в небо.

Мне не давали разрешения на вылет, хотя пикто и не отстранял от полетов. Занимался в основном писаниной: в который уже раз излагал на бумаге историю своего пребывания на оккупированной территории и ждал результатов. Случайно узнал, что на Киевщину в партизанский отряд послан представитель из нашей воздушной армии. Видимо, справку, подписанную Приймаком и Ломакой, не приняли во внимание. Да и в самом деле, как поверить нацарапанной чернильным карандашом бумажке без печати и штемпеля?

Однажды меня вызвали к командиру полка. Со светлыми надеждами вошел я в дом, где он располагался, но по выражению лица Морозова догадался, что дело мое еще не решено. Командир сердечно говорил со мной.

— Читал сегодня в газетах о Смоленске?

— Еще нет...

— Давно был дома?

— Перед войной.

— Кто там у тебя остался?

— Вся родня. Три брата, три сестры — все моложе меня. Отец с матерью.

— Советовался я с командиром дивизии, — медленно сказал Морозов. — Он разговаривал с командармом... Надо еще подождать... Чтоб не скучал, слетай домой.

Возможность побывать у родных. Кто откажется от нее?!

Присутствие в полку никак не влияло на ход моего «дела». Я знал, чем оно окончится, и был совершенно спо-

коен, а потому немедленно принял предложение командира полка.

Путь предстоял неблизкий, и пилот По-2, с которым я летел, взял курс на Харьков.

Левобережная Украина, освобожденная тем летом от фашистского ига, была разрушена и сожжена, ее обширные поля остались с осени незасеянными. Впечатление от увиденного сложилось тяжелое.

В Харькове мы сели для заправки самолета, и я решил побывать в городе.

Навсегда сохранились в памяти серые, обугленные высокие коробки Госпрома. Черные стены обступили меня с четырех сторон на площади Дзержинского. А когда опустились сумерки, в городе не появилось ни единого огонька в окнах.

На аэродроме мне встретилось несколько знакомых: здесь стоял батальон, обслуживавший наш полк на юге. Когда рассказал, что лечу в Смоленск, мне предложили спутника до Брянска, а заодно снабдили кое-какими продуктами на дорогу.

Долго летели мы над Брянскими лесами, которые были надежным прибежищем прославленных белорусских партизан. Глядя на расстилавшееся под нами необозримое зеленое море, я невольно вспоминал леса Приднпровья и наш отряд. На Киевщине не было таких могучих лесов, и это очень усложняло партизанские действия. Украинским народным мстителям некуда было отступать в случае провала, негде было собрать большие силы. И все же они отлично воевали с врагом. Где-то теперь командир и комиссар нашего отряда? Кто сможет сказать посланцу штаба воздушной армии верное слово обо мне?..

От Брянска, где мы тоже заправлялись, я сам повел самолет. Район Брянска, Рославля, Смоленска я хорошо помнил еще со времени учебы в аэроклубе, когда летал в смежной кабине с инструктором Ковалевым над лесами, полями, селами любимой Смоленщины...

Пять лет не бывал я в родных местах! Подумать только: пять лет!.. Мысли, обгоняя наш тихоходный По-2, повели меня по дорогам юности.

Мой дед Федор слыл в нашем селе Птахино замечательным столяром. Изготовив на заказ колесо, он нередко предлагал мужикам:

— Берите, бейте его об камень. Разобьется — моя потеря, не ваша!

Отец и мать тоже родились в Птахино, но занимались земледелием. Однако отец мой Дмитрий Федорович умел, да и сейчас умеет, выложить дом, сделать веранду с резными украшениями, смастерить стол, шкаф. В колхоз он вступил одним из первых, и потому нашей семье не раз попадало от кулачьи.

Когда я подросток, отец послал меня в фабзавуч: он хотел, чтобы по семейной традиции я стал столяром. Я не пережил и несколько лет столярничал. Когда почувствовал себя взрослым, отправился со своим топором, рубанком, долотами в Донбасс — уже тогда я умел мастерить мебель.

Все, что произошло со мной потом — поступление в аэроклуб, в авиаучилище, — совершалось против воли отца, без его согласия и одобрения. Безоговорочно принимая все новое, что несла с собой советская действительность, и он, и мать хотели, чтобы старший сын был при них, на глазах, чтобы он был опорой в большой семье...

Ожидая встречи с родителями, братьями, сестрами, земляками, я гордился, что стал не последним среди сельских сверстников.

Показался город. Странно выглядел он в те дни под низким осенним солнцем. Мой Смоленск, некогда красивый и приветливый, стал обугленным, мрачным. Не впервые за свою многовековую историю этот город переживал тяжелую участь...

Для меня Смоленск был городом, дарившим, открывавшим мне все новое, прекрасное, начиная с покурки первой тетради и первого карандаша. Здесь я получил профессию, обрел навыки самостоятельной жизни, впервые сел в самолет и поднялся летчиком в небо. Площади и улицы города, поселок Туринка, куда переехали мои родители из Птахино, знал как свои пять пальцев.

Теперь я возвращался сюда опаленным огнем солдатом. Что могло быть для меня дороже встречи с родными после пережитых и побежденных опасностей?

С волнением подлетал к родному селу. Учащенно забилось сердце, когда увидел под собой до боли знакомые контуры аэроклубовского аэродрома, откуда началась моя дорога в небо. Приземлиться на нем? Нет, пожалуй, лучше сесть на лужайке, прямо возле дома. Пошел над тропинкой, по которой столько раз шагал на летное поле.

Тропинка вывела точнехонько к родной хате. Смотрю — и не верю глазам: ничего не изменилось, даже во дворе все на прежних местах! На меня повеяло домашним уютом, покоем.

Совершаю над домом один, второй круг... На улицу выскакивают сестры — Валя, Лида, Надя, за ними — брат Коля. Приветливо машут, прыгают, что-то кричат. Неужели догадываются, кто прилетел? Сердце переполняет радость: живы, живы и здоровы! Только почему не видно отца и матери?

Пролетев над лужайкой, я убедился, что она пригодна для посадки, приземлился и подрулил к картофельному полю, на котором работали жители поселка. Струя воздуха от пропеллера взметнула картофельную ботву. Среди тех, кто побежал к нам, первым делом увидел двух дедов, Випокура и Калачева, по их тут же опередил мой братишка, подросток Николай, а с ним и наш сосед, пожилой Резник.

Целой толпой двинулись мы по улице к нашему дому. Кто-то вызвался нести небольшой пакет с гостинцами. Коле я отдал шлем и куртку, а сам остался в гимнастёрке — уж очень хотелось покрасоваться перед стариками, перед девчатами, перед детишками своими наградами.

Не увидел я среди земляков ни одного своего ровесника. Не застал дома и отца — его мобилизовали на военную службу и направили в тыловую часть, расположенную где-то у Смоленска.

Большой гурьбой ввалились все мы во двор. Мои сестры как раз убрали в доме и выбежали на крыльцо с мокрыми руками. Мать коналась в огороде. Увидев толпу людей, она прямо-таки замерла: не то испугалась, не то пыталась угадать, что происходит. Как только я отделился от остальных, она вскрикнула: «Володька!» — и побежала навстречу. Прильнула ко мне, от радости заплакала.

Начались разговоры, расспросы. Все наши были живы. Слушая рассказы о тяжких годах оккупации, я хорошо понимал, почему мои земляки с нескрываемым восторгом разглядывали мои скромные гостинцы: сахар, белый хлеб, консервы...

В доме я оказался самым старшим, и мне надлежало позаботиться об ужине. Поставили столы, скамейки, выложили все, что привез, и то, что нашлось под рукой. Род-

степенники и односельчане заполнили дом, а девушки, мои ровесницы, помогли сестрам чистить картошку.

За столом первым делом вспомнили тех, кого не было среди нас. Тут я узнал, что отец находится недалеко от Туришки, и сразу решил завтра же поехать к нему со всеми братьями и сестрами. Узнал кое-что и о своих товарищах. Особенно порадовался за Бориса Резника, услышав, что он тоже капитан, хорошо воюет с врагом, получил несколько орденов.

Мама вспомнила, как гитлеровцы напали в доме мою фотографию в форме летчика, как поставили спимок перед собой и целились в него из пистолета...

Утром мы раздобыли телегу и поехали к отцу. Нас было шестеро. Я с Николаем сел впереди. Конь попался дряхлый и тощий, дорога разбитая, и скоро стало ясно, что больше придется идти пешком.

Город был разрушен, мосты подорваны, объезды вдвое удлиннили дорогу, а у единственной переправы через Днепр мы застали десятки военных машин и обозы. Пришлось немало ждать, пока нашу телегу затолкали между машинами, и наром понес ее через Днепр.

Переправившись на противоположный берег, мы не сразу попали в лесу за городом замаскированное хозяйство части. Командир принял меня среди высоких сосен Красного Бора, выслушал, приказал вызвать отца. При встрече отец прослезился. Потом мы закурили. Командир части хвалил отца за хорошую службу и по нашей просьбе на сутки отпустил его домой.

На обратном пути пассажиров стало больше, и мы с отцом шли за телегой, наслаждаясь беседой. Теперь уже по-прежнему оценивались мои юношеские стремления и поступки, а я по-новому смотрел на немолодого солдата, который устало шагал рядом со мной по грунтовке, чтобы несколько часов побыть в кругу семьи.

Проехали по лугу мимо нашего самолета. Около него с охотничьим ружьем прохаживался дед Винокур. Он отдал честь и доложил, что все в порядке. Мы шутя отметили караул и забрали деда с собой погреться, поговорить, подкрепиться.

В тот вечер нашла даже музыка. Кто-то вспомнил, что в школе была фисгармония, что на ней играла учительница Софья Павловна. Фисгармония оказалась исправной, ее тут же перевезли в дом Зреловых. Туда со-

бралась не только молодежь, пришли и пожилые люди, и дед Винокур, и Резник, и родители Кузьминых, Федоровых.

Молодежь отплясывала за все упущенные праздники. Людям припомнилась мирная жизнь. Одно это улыбкой озаряло лица. И хотя не было во дворах ни птицы, ни домашних животных, хотя питаться приходилось картошкой, клюквой да грибами, хотя война держала на фронтах отцов, братьев, детей — люди в освобожденных городах и селах чувствовали себя счастливыми...

Настал час прощания. Отца отвезли в часть, мы с нянотом начали готовить самолет. Снова собрались земляки, обступили наш «аэродром». Дед Винокур смело помогал нам у машины, а потом, во время прогрева мотора, даже посидел немного в задней кабине самолета.

Внизу промелькнули дома, улочки, люди. Посчастливится ли мне возвратиться сюда после войны?

Самолет вел я сам: очень хотелось пройти над Птахино. Дома мне говорили, что Птахино сожжено, и я решил бросить прощальный взгляд на родное село...

На второй день мы сели на нашем аэродроме у хутора Чаривный.

Полковник Морозов приветливо встретил меня. Расспросив о том, как слетали, как меня встретили дома, он сказал:

— Наши штурмуют укрепления на Молочной. Завтра предстоит большая работа. Готовься к полетам.

Я чуть не вскрикнул от радости. Кончилось ожидание! Жить — для меня означало летать, драться с врагом, видеть родную землю свободной. Я снова возвращался в небо.

Но прежде чем приступить к боевой работе, довелось выполнить еще один не совсем обычный полет. А дело было так. Однажды, впервые за время службы в полку, все мы заметили, что наш замполит чем-то удручен. «Кол-ли такой железный человек не может скрыть своих чувств, значит, произошло что-то серьезное», — решили мы с Амет-ханом и направились к Верховцу.

— Николай Андреевич, что у вас стряслось? — спросили без обиняков.

Верховец внимательно оглядел нас погрузневшими глазами:

— Ничего особенного, ребята... Вот вызывают в армию на семинар политработников. А так хотелось слетать

в только что освобожденный Ямполь... Там мои больные старики остались. Не знаю, живы ли?.. Когда вернусь в полк, будем далеко от Ямполья, противник откатывается быстро...

— Да ведь до Ямполья рукой подать! Вам двух часов хватит...

— А у меня нет и десяти минут — сейчас вылетаю.

Состояние Верховца нетрудно было понять, особенно мне, только что вернувшемуся от родителей.

— Разрешите, товарищ замполит, я слетаю, — невольно вырвалось у меня. — Все узнаю, проведу отца-мать, расскажу им о вас. Может, там и ваша жена...

При последних словах лицо Николая Андреевича померкло:

— Нет там жены... И никто не знает, куда она попала во время эвакуации...

Вот оно что... А мы-то считали, что у замполита все в порядке. Он так держался, что нам и в голову не приходило, какие переживания выпали на его долю.

Еще большим уважением прониклись мы к замполиту.

— Разрешите Володе слетать в Ямполь, — попросил Амет-Хан.

— Спасибо, большое спасибо, ребята, — тепло сказал Николай Андреевич. — Давай, Володя, лети. Захвати го-стишцы. Что сказать — сам знаешь...

Через полчаса У-2 нес меня на своих легких крыльях в Ямполь. Там снова довелось испытать все, что испытал недавно на Смоленщине: бурную встречу, восторги, объятия, расспросы.

Местные жители провели меня к покосившемуся домику, в котором жили родители Верховца, по пути рассказали, что старики сильно болеют. Волнуясь, переступил порог:

— Здравствуйте, я от Николая Андреевича...

Вскрикнула в испуге мать, встревоженно приподнялась на постели отец.

— Не волнуйтесь, сын ваш жив и здоров. Вот передал письмо. Вот подарки. Очень жалел, что сам не смог прилететь. Велел сказать, что при первой возможности обязательно навестит вас.

Как посветлели лица стариков! Мы проговорили весь день, могли бы говорить и дольше, но время торопило меня.

Вернувшись в полк, я рассказал товарищам о полете в Ямполь, о родителях подполковника Верховца. Теперь ребята узнали замполита с новой, доселе неизвестной стороны и полюбили его еще крепче.

ЗДРАВСТВУЙ, МОРЕ!

Черное море еще бороздили вражеские корабли. В Крыму, в Херсоне, Николаеве, Одессе еще гнозились фашистские базы. Нашему 4-му Украинскому фронту предстояло с боями пройти южные стены и выйти к Днепру; в его низовье враг еще удерживал большой плацдарм, прикрывавший подступы к Перекопу.

Наконец-то я в кабине своего самолета! Запустил, опробовал мотор, рычаги управления. Здравствуй, знакомое теплое дыхание мотора! Здравствуй, простор осеннего неба!

Авиатехник Василий Моисеев уже не раз забирался на крыло, заглядывал в кабину, как бы невзначай проверяя, не забыл ли я чего сделать.

Несколько полетов над аэродромом — и я опять почувствовал себя хозяином машины. К вылету на задание готовился уже как командир эскадрильи. А мой бывший ведомый Николай Остапченко шел теперь ведущим пары. За время моего отсутствия он сбил несколько самолетов противника и стал опытным воздушным бойцом.

В дни штурма вражеской обороны наши истребители сопровождали бомбардировщиков и штурмовиков авиасоединения. Фашистская авиация, скованная битвой в районе Киева, не проявляла на нашем участке особой активности. Но когда в прорыв пошли советские танки, а за ними и конница корпуса Кириченко — появились косяки «юнкерсов». Теперь мы должны были прикрывать наступающие войска, веером растекавшиеся по степи от места прорыва.

В начале ноября погода не благоприятствовала полетам. Гонимые ветром рваные облака плыли в несколько ярусов, то застилая полностью небо, то вдруг открывая его. В этих условиях задача летчиков очень усложнялась: противник мог пробраться за облаками в заданный район, мог сбросить свои бомбы через «окно» и скрыться. Моей эскадрилье не раз удавалось перехватывать группы «юн-

керсов» за облаками, разгонять их, вынуждать сбрасывать бомбы вслепую, куда попало.

Как-то мы пришли в зону патрулирования в момент, когда немецкие бомбардировщики уже были над нашей территорией. Земля передала, что ниже нас ходят «юнкеры», но мы не могли их сразу разглядеть. И вдруг я заметил, как в степи поднимаются столбы от разрывов. Пробежал через легкую облачность — так оно и есть, вот они, «юнкеры»! Более выгодной позиции для атаки по прицелу. Я повел свою десятку на переднюю группу. Волнуясь, прицелился в ведущего первой тройки.

Открыв огонь, я тут же убедился, что сделал это слишком поспешно. Трасса не достигла цели. Рванул самолет вверх вслед за «юнкерсами», вырнувшись в жиденькие тучки. Как-то не по себе стало — разучился, что ли, бить стервятников без промаха? Набрал высоту, снова повел машину на ведущего вражеской тройки. Гляжу вниз, а там уже белеют камыши днепровских плавней. Неужели удерут «юнкеры»? Этого нельзя допустить! Догнал их ведущее звено и снова атаковал лидера.

Он запылал сразу. В наушниках раздалось: «Юнкерс горит!» — и немецкий бомбардировщик круто пошел вниз, на плавни. Эскадрилья начала преследовать и сбивать рассыпавшихся в панике «юнкерсов».

В тот день мы записали на свой счет три победы. Потом сбивали и больше за один вылет, но с этой тройки начиналась моя новая боевая жизнь, новая жизнь всей эскадрильи. Для меня было очень важно убедиться самому и показать своим подчиненным, что глаза мои по-прежнему зорки, а руки тверды, что я остался таким, каким меня знали раньше...

Когда войска 1-го Украинского вступили на улицы и площади древнего Киева, соединения 4-го Украинского фронта, прижав противника к Днепру в районе Никополя, очистили всю северную Таврию, овладели побережьем моря в районе Тендровского и Егорлицкого заливов и крепко стали на Сиваше, замкнув ворота Крыма для гитлеровских полчищ.

Линия фронта стабилизировалась на длительное время. Наша авиация сидела чаще всего на полевых аэродромах — в Таврии, очевидно, не было ни одной бетонной полосы, — и полк с конца ноября 1943 по 18 апреля 1944 года лишь один раз поменял свою базу. Мы оставили аэродром

на Мелитопольщине, чтобы по весне получить возможность хотя бы изредка подниматься в воздух с супесчаной площадки вблизи Чаплинки. Но это было потом. А тогда, в поябре, с наступлением погоды жизнь полка стала почти размеренно-мирной: учеба, уход за техникой, снова учеба, а войну продолжали в основном разведка да те, кто увлекался популярной у летчиков-истребителей свободной охотой.

Кто, где и когда в годы Великой Отечественной войны первым осмелился оставить аэродром в неблагоприятную погоду, рассчитывая лишь на свое умение ориентироваться да полагаясь на собственное искусство находить и уничтожать противника? Ответить на этот вопрос не берусь. Думаю, что летать на свободную охоту начали одновременно во многих частях. Такие полеты выражали негасимое стремление советских летчиков уничтожать воздушного врага при любых погодных условиях. Широкое и повсеместное применение усовершенствованных приемов свободной охоты свидетельствовало о неисчерпаемой творческой энергии защитников Родины.

Точно знаю лишь то, что в знаменитом 16-м гвардейском истребительном полку, который вступил в бой с гитлеровской авиацией 22 июня 1941 года над Молдавией, первые маршруты свободной охоты проложил Александр Иванович Покрышкин.

В 4-м гвардейском полку, где я служил раньше, приоритет принадлежал Николаю Тилъченко. С его легкой руки и пошло... За два с лишним года войны летчики и нашего 9-го гвардейского приобрели большой опыт охоты за немецкими самолетами, автомашинами и кораблями (на Азовском море). И теперь, во время длительного базирования на аэродромах Таврии осенью 1943 и зимой 1943/44 года, этот опыт очень пригодился.

В конце года штаб 8-й воздушной армии собрал в селе возле Аскании-Нова мастеров свободной охоты из всех дивизий. Когда от нас выделили несколько человек, в первую очередь оживились наши остряки. Дело в том, что в Причерноморье было сосредоточено в тот период большое количество войск, с питанием было довольно трудно, и нас нередко выручали облавы на зайцев. Вот теперь и пошла молва, что на совещании-де охотников научат сбивать

диких гусей, огромная масса которых скопилась на Черноморском побережье.

На армейский сбор съехались летчики опытные, бывалые, отмеченные многими наградами за победы в воздушных боях над Сталинградом, Кубанью, Украиной. Тут и впервые встретился с широко известным уже тогда дважды Героем Советского Союза Покрышкиным. Руководил совещанием прославленный командир авиасоединения генерал Е. Я. Саницкий.

Разговор шел о том, как в дни затишья на фронте наносить наибольший урон противнику. Вначале были прочитаны лекции на эту тему, потом начался обмен мнениями. Слушая выступавших, я понял, что каждый из летчиков в практике охоты применял что-то свое. Александр Покрышкин рассказал, например, как он со своим напарником Георгием Голубевым выходил далеко в море и там перехватывал транспортные самолеты Ю-52, курсировавшие между Одессой, Галацем и Крымом. Открыв эту трассу, они старались очень аккуратно сбивать одиночные самолеты, чтобы другие экипажи «юнкеров» не заметили чего-то недоброго и не изменили маршрута. И охотникам долго удавалось обманывать гитлеровцев.

Точно так, как и под Сталинградом, фашистская авиация снабжала всем необходимым засевшие в Крыму войска. Вот почему нам надо было находить и любой ценой уничтожать транспортные самолеты врага. Нам было известно, что транспортники могли взлетать только с бетонированных полос аэродромов Одессы, Николаева, Румынии. Зато трассы «юнкеров» и «хейнкелей» углублялись далеко в акватории. По этому поводу Покрышкин произнес тогда фразу, ставшую у нас крылатой: «Над морем «юнкера» не собьешь, если будешь одной рукой держаться за ручку управления самолетом, а другой за берег». Вот почему прославленный ас призывал летчиков отважно заходить далеко в море.

Смельчаков у нас хватало. Однако для того чтобы пропикать глубоко в акваторию, самолеты должны были базироваться вблизи моря. Иначе говоря, необходимо было найти аэродром или площадку прямо на побережье.

Как использовать облака, как атаковать автоколонны и отдельные автомашины, как избежать встречи с зенитной артиллерией, как, где и когда пересекать линию фронта — обо всем этом тоже говорилось на совещании.

Тогда же впервые были выработаны основные правила свободной охоты, четыре из них запомнились мне:

1. Первая очередь должна быть смертельной. Ударил — лети дальше, ищи цель снова и бей уничтожающим огнем!

2. Не держись постоянного курса, ходи ломаным маршрутом!

3. Помни: твой главный враг — зенитная артиллерия. Обходи районы, прикрытые зенитной артиллерией!

4. Боевой опыт мастеров — всем!..

В полк успели прямо к новомуднему ужину. Ребята устроили облаву на зайцев и припесли славную добычу.

После встречи Нового, 1944 года в небольшом приднепровском хуторе Солодком наш 9-й гвардейский полк выдвинул свой авиапост к самому морю, на Килигейские хутора. Не нахожу я теперь на современных картах такого географического названия, и от этого темного грустно. Оно сохранилось в памяти фронтовиков. Килигейские хутора! Совхоз «Килигейский» — это ведь история!

Первой вылетела на площадку у моря эскадрилья Алелюхина. На нашем аэродроме вблизи хутора Солодкого стало еще спокойнее: мы все реже будоражили приутихшую степь гулом моторов.

Эскадрилья Алелюхина очутилась далеко от нас. Связи с ней не было. Лишь изредка прилетал По-2. Нелегко пришлось Алелюхину и его летчикам на новой базе. Но они успешно освоились с незнакомой своеобразной местностью и ничем не выдали врагу своего присутствия.

Когда через полмесяца я со своей эскадрильей прилетел на смену Алелюхину, новое место было обжито, и мы почувствовали себя на Килигейских хуторах, как дома.

С аэродрома хорошо было видно мрачное зимнее море. Посреди ровной как стол местности торчало шесть истерзанных непогодой строений. В них жило несколько семей — жепщины и дети. В одном сооружении помещалась комендатура батальона обслуживавшая, еще одно отделила, восьми летчикам и восьми техникам. Старые, освещенные капониры и некоторые маскировочные средства, привезенные командой, скрывали наши «аэрокобры» от вражеской воздушной разведки.

Разместив самолеты, мы решили осмотреть новую базу и в первую очередь направились перекусить в столовую.

По улочке нас ватагой сопровождали мальчишки. У закрытых дверей столовой сидели кошки, видно давно прижившиеся здесь. Завидев нас, они прыгнули за дом.

Не стовариваясь, зашагали к морю, стали обсуждать предстоящие вылеты. Все наши помыслы сходились на одном: скорее начать боевую работу.

Уже на следующий день я повел четверку в район Одессы, чтобы затем ознакомить эскадрилью с будущим районом боевых действий. Только оторвался от земли — под крыльями распласталось море. Чуть дальше белел песчаными косами остров Довгий. Пролетев над ним, мы взяли курс на Очаков, а затем обогнули его слева (там стояли зенитные батареи), чтобы выйти на Рыбаковку.

Ни одного выстрела, ни одной приметы, обнаруживавшей присутствие врага. Все это успокоило нас. До Одессы оставалось километров пятьдесят — но больше. Обращаясь к товарищам, я подбадривал их. В те дни нелегко было советскому истребителю пробиться к большому городу: над ним бушевал огонь зениток.

Приближение самолетов с востока, вероятно, зафиксировали радиолокаторы. Мы догадались об этом потому, что на довольно большом расстоянии от порта путь нам преградила сплошная завеса огня. И все же мы прорвались в Одессу. Летчики, которые в 1941 году до последнего дня героической обороны защищали этот город, должны были увидеть все своими глазами.

Маневрируя по высоте, я успел развернуться над морем, товарищи последовали за мной. Темные кварталы Одессы остались справа, мы обогнули ее по большому кругу и снова оказались над морем. Вдоль берега бежала дорога, о которой мы уже знали из донесений Алелюхина. Для нашей четверки и всей эскадрильи она представляла большой интерес.

Некоторое время мы шли стороной, на малой высоте, не обнаруживая себя. Потом, внезапно выходя на дорогу под углом, расстреливали вражеские колонны. Автомашинны вспыхивали и догорали в кюветах. Многие оккупанты в тот день не добрались до переднего края. А мы, снизившись над широким лиманом, ушли к морю.

Вскоре показали очертания острова Довгого, уже запомнившиеся нам, и, увидев его, мы обрадовались: от острова до Килигеевских хуторов — рукой подать...

Техники Моисеев, Зюзин, Шапран набросились на нас

с расспросами об Одессе, которую они со своим полком оставили два года назад после героической обороны. А мне было не до разговоров. Я мечтал повести по этому маршруту вторую группу, пройти вдоль дорог от Николаева до Смигиревки, от Херсона до Николаева, пронестись над железнодорожными путями.

На карте, лежавшей в планшете у каждого из нас, вскоре словно бы ожили конкретные ориентиры. Теперь мы точно знали, что и где можем встретить на дорогах, какие самолеты противника стоят на аэродромах, сколько зенитных пушек защищают тот или иной объект. Линия соприкосновения советских и вражеских войск проходила по дельте Днестра, разлившегося здесь на рукава и плавни. Над ней тоже можно было летать без помех. Главная забота в этой ситуации заключалась не в том, как пайти объект для штурмовки, а в том, как незамеченными подкрасться к объекту, как уничтожить его и вернуться на свой аэродром.

Но Одесса оставалась для нас еще недоступной.

Однажды я полетел на охоту вдвоем с Плотниковым. Легкие, жиденькие тучки неслись навстречу, мы пыряли в них, как в морскую пену, просматривали землю, искали что-либо достойное внимания.

— Вижу самолет! — вдруг услышал я возбужденный голос Плотникова.

Осмотрелся вокруг — только рваные облака. Ведомый слова сообщил, что видит самолет, на этот раз уточнив: «Юнкерс-52». Я посмотрел вниз и там, на земле, заметил тень большого «юнкерса». Да, зоркий у меня напарник, безошибочно находит в воздухе чужака!

Транспортного «юнкерса» я расстрелял с одного захода. Он упал, немного не дотянув до Николаевского аэродрома. Но для нас самым важным было не это, главное заключалось в том, что мы нацупали трассу и в дальнейшем подкараулили на ней еще несколько транспортных самолетов.

Сгоревшие автомашины, взорванные паровозы, обломки самолетов — все это всполошило гитлеровцев. Начали искать советский аэродром. Но им никак не удавалось засечь, откуда мы взлетаем и где садимся. Поэтому в районе нашей базы ежедневно стала появляться злобная «рама».

Фотошпмок, сделанный с ее борта, мог схватить капониры, в которых нетрудно было разглядеть самолеты. Выход был один — сбить проклятую «раму»!

А тут и случай пошел нам навстречу. Возвращаясь однажды из Николаева, мы по дороге к Херсону уничтожали несколько автомашин, подожгли автоцистерну и уже взяли было направление на Голую Пристань. Вдруг навстречу — две пары «мессершмиттов». Как не обрадоваться такой okazji! Давненько не сталкивались мы с немецкими истребителями, а потягаться с ними в бою у нас, как говорится, чесались руки.

Только пошли на сближение, как Плотников возбужденно передал:

— «Рама»!

Я тоже сразу увидел ее и так разволновался, что ладони стали влажными от пота: в памяти еще было свежее тяжелое воспоминание о подобной встрече, которая так трагически закончилась для меня. Неудержимый боевой азарт охватил все существо, но чувство настороженности не покидало меня. Я знал, что на сей раз буду действовать более осмотрительно. Подав команду товарищам атаковать «мессершмиттов», я напал на разведчика. Самым главным в поединке с «рамой» было разгадать ее маневр (это я запомнил на всю жизнь!), а уже потом пикировать на нее.

Очередь моего пулемета пришлась по обоим фюзеляжам «рамы», она потеряла управление и утонула возле Голы Пристани. Неподалеку от нее вскоре взорвался один из «мессершмиттов», подбитый моими товарищами.

Этот воздушный бой, по всей вероятности, отбил у гитлеровцев охоту появляться над плавнями в низовьях Днепра. Мы стали полными хозяевами этого района, но подходить к вражеским аэродромам было все же рискованно — немецкие зенитчики зорко следили за небом.

В воздухе с тех пор мы встречали только диких гусей и лебедей, огромное множество которых собралось той зимой в заливах, на островах, на побережье. То ли грохот орудий согнал их сюда со всех других южных зимовок, то ли была какая другая причина. Кто знает! Но факт остается фактом: птицы мирно сидели и с гулом самолетов, и с перестрелкой и не покидали облюбованных мест.

Трогательные сцены тревог и обычаев птичьего базара не раз наблюдали мы с высоты на острове Довгом. За-

слышав гул самолетов, над землей тучей взмывали гуси и лебеди. Гуси четко делились на группы, строились в клинья-«ключи», некоторое время кружили в воздухе, никуда далеко не отлетая, и снова садились. А белые лебеди разбегались по воде и долго били по ней большими крыльями. Страшными, видно, казались им наши стальные птицы. Да и мы в свою очередь тоже опасались столкновения с ними в воздухе — ведь оно могло закончиться катастрофой...

Отсутствие вражеских истребителей просто угнетало нас. «Как же так? — рассуждали летчики. — Мы знаем, что самолеты у фашистов на этом участке фронта имеются, иногда даже подсчитываем их количество на стоянках, а вот сойтись в схватке не удастся».

Однажды при очередном разговоре на эту тему летчик Николай Калачик предложил:

— Давайте вызовем гитлеровцев на поединок!

Предложение активизировать воздушную войну пришлось всем по душе.

Но как послать противнику вызов?

Находчивый Калачик не растерялся и тут. Он сказал, что напишет по-немецки несколько слов на листке бумаги, вложит листок в патронную гильзу и сбросит ее на аэродром в Николаеве. Это предложение было принято единогласно. Но чуть позже выяснилось, что гильзы от патрона крупного калибра в хозяйстве эскадрильи не нашлось. Зато кто-то из ребят обнаружил недействующий огнетушитель. Мы вытопили его, вложили текст вызова и приспособили огнетушитель к бомбодержателю.

Обработав, как обычно, дороги и железнодорожные узлы, мы взяли направление на Николаев. Набрав высоту, пролетели через разрывы зенитных снарядов и сбросили огнетушитель точно на вражеский аэродром. «Завтра в 12.00 ждем вашу четверку севернее Николаева. Нас будет тоже четверо», — говорилось в записке.

На следующий день ровно в 12.00 наша четверка была в районе Николаева.

Погода стояла неплохая, высокая облачность открывала большой обзор. Мы сделали два круга над Николаевом и, убедившись, что фашистских самолетов в небе нет, пошли вдоль дороги в направлении Херсона. И вдруг у самой линии фронта из-за облаков на нас вывалилось двенадцать «мессершмиттов». Это была засада. Значит, гитле-

ровцы узнали о нашем вызове. Мы выдержали предложенные условия, а они вылетели группой, вдвое большей, чем наша, и подло напали на нас в совершенно другом районе.

Во время штурмовки дорог мы уже наполовину израсходовали боекомплект; горючее тоже кончалось. Выход был один: дерзкой атакой на встречных курсах пробиться сквозь заслон и попытаться уйти.

Так и сделали. Гитлеровцы снова остались в дураках, а мы без потерь вернулись на свою базу.

Связь эскадрильи с полком поддерживалась с помощью По-2. Появление этого самолета, преодолевавшего сильный морской ветер, всегда несказанно радовало нас. Он привозил письма, газеты, приказы по штабу. Мы отправляли с ним свою почту и донесения о боевой работе.

Иногда на истребителе к нам прилетали Морозов, Верховец, комэски. Однажды командир полка привез подарки от старых шефов — ростовских рабочих. В присутствии летчиков и техников Морозов развязал большой пакет и каждому вручил по свертку. Наше жилище наполнилось веселым говором, домашним ласковым теплом. К платочкам, шарфикам, папиросам, кистетам были приложены записки с добрыми пожеланиями. В них девушки называли свои имена, сообщали адреса.

На следующий день, возвращаясь в полк, Морозов принимал от летчиков письма. Их оказалось много.

— Вы что, по примеру Карасева решили пайти себе в Ростове невест? — шуточно спросил оп.

— Дали бы только отпуск, товарищ командир, — откликнулся кто-то, — а поехать нам найдется куда!

— Вот освободим Крым, тогда пожалуйста. Карасева назначу пачальником команды женихов — и в добрый путь!

Выслушав мой отчет о боевой работе, Морозов приказал в воздушные бои не ввязываться и город Николаев обходить стороной. (Об истории с огнетушителем мы, конечно, умолчали.) И еще командир полка напомнил, чтобы ограничили радиус действия освоенным районом.

Познакомившись с нашим житьем-бытьем, попробовав зайчатины, он собрался уже улетать. Но тут пошел дождь, грунт совершенно раскис.

— Как же взлететь? — встревожился Морозов.

— Мы приспособились, — успокоил я.

— Каким образом?

— Чтоб переднее колесо не погружалось в мягкий грунт, мы на хвост машины сажаем человека. Как только самолет выйдет на старт, человек соскакивает.

— Зови моториста!

Морозов сел в кабину, запустил мотор. На хвост уселся моторист. Командир полка всегда был довольно резок в действиях. Опробовав мотор, он быстро подрулil к старту. Но здесь не притормозил, а начал энергичный разбег, очевидно, позабыв о сидящем на хвосте человеке. Хорошо, что моторист не растерялся и на солидной скорости сиргнул с самолета...

Вскоре к нам прилетел Амет-Хан со своим боевым другом и ведомым москвичом Иваном Борисовым. Мы еще в воздухе опознали обоих по свойственному только им боевому почерку и очень обрадовались. Дело в том, что нас должна была сменить другая эскадрилья, и Амет-Хан, очевидно, решил ознакомиться с аэродромом.

Но прибывшая пара не торопилась приземляться.

Вообще Амет-Хан умел каждый вылет совершать с максимальной пользой для дела. И не случайно летчики любили ходить с ним на задание, они знали: он обязательно найдет противника... Особенно сильно привязался к этому рассудительному, храброму человеку его ведомый Иван Борисов. Дуэт получился замечательный. Вместе со своим ведомым Амет-Хан провел несколько таких воздушных боев, которые поставили его в один ряд с самыми известными в то время летчиками-истребителями. В августе 1943 года, например, он со своей шестеркой сбил шесть и повредил три вражеских самолета.

Многими отличными боевыми и человеческими качествами обладал наш Амет-Хан, и летчики полка очень любили его.

Удача постоянно сопутствовала моему другу. И не только в боях. Не знаю, чем это объяснить, но Амет-Хан почему-то нередко попадал в самые невероятные ситуации и блестяще выходил из них.

Случай, который произошел в момент его прилета к нам, на Килигейские хутора, лишний раз подтверждает это.

В тот день с моря дул штормовой ветер. Когда Амет-Хан с Борисовым, пройдя над аэродромом, направились

далее, мы подумали, что пилоты хотят лучше присмотреться к местности, все учесть перед посадкой. Но через несколько минут увидели над собой уже не два, а три самолета, слышали перестрелку. Третьим оказался небольшой немецкий моноплан, он летел так низко, что нам было видно, как трудно ему бороться с сильным ветром.

Амет-Хан наседали на моноплан, выпуская в его сторону короткие очереди. Прижимаясь к земле, гитлеровский пилот пошел на посадку, причем от испуга не заметил под собой аэродром и приземлился прямо в поле.

В тот же миг «азрокобра» Амет-Хана развернулась в сторону аэродрома. А через несколько секунд она коснулась тремя колесами грунта, погасила скорость и подрулила к штабному зданию. Радостно возбужденный Амет-Хан спрыгнул с крыла и, улыбаясь, направился ко мне.

— Принимай подарок, дружище! Пилоту «физлер-шторха» и не снилось такое! Летел, наверно, в Евпаторию, а я посадил его на полуостров Лавриненкова...

— Везет тебе, Амет-Хан! Счастье не только идет, но и летит тебе навстречу!

— Ну это, Володя, еще как сказать... Если б я не погнался за ним — черта с два был бы он здесь! А впрочем, дело сделано. Поехали! — уже спокойно закончил он, направляясь к машине, которая стояла невдалеке в укрытии.

Когда мы вдвоем подъехали к притихшему «физлер-шторху», над которым продолжал кружить Иван Борисов, немецкий пилот все еще сидел в кабине. Мы подошли к нему, держа наготове пистолеты. Амет-Хан приказал летчику вылезть. Тот выполнил приказ. Мы поднялись на крыло и беспрепятственно обезоружили его. Амет-Хан показал жестом, чтобы пилот опустил руки, уселся на его место в кабине, оглядел приборы управления и указал на них пленному.

Гитлеровец понял все без переводчика. На несколько минут Амет-Хан уступил ему место в кабине, и немецкий летчик запустил мотор, затем снова вылез на крыло, а место пилота занял мой друг.

Мы с пленным стояли на земле, а Амет-Хан уверенно погнался легкого «физлер-шторха» по полю. Взлетев, он поиграл немного послушной машиной в воздухе и приземлился рядом с нами.

Вечер мы провели в столовой за беседой с пленным

летчиком (Николай Калачик, знавший два-три десятка немецких слов, помогал нам понимать друг друга).

Глядя на немецкого пилота, я вспоминал свое пребывание в плену. Наш пленник чувствовал себя с нами, наверное, лучше, чем я в окружении фашистов на аэродроме в Сталино. Ему здесь ничто не угрожало, и он вряд ли думал о побеге. Связной гитлеровского штаба, он летел из Констанцы в Евпаторию, но его занесло к нам сильным ветром. Мы без труда узнали от пленного, что по этому маршруту ежедневно летают Ю-52 и ходят морские транспорты. Но это больше интересовало Амет-Хана, чем меня: Морозов уже предупредил, что нам предстоит вернуться в полк.

На следующий день Амет-Хан на немецком моноплане отправился на основной аэродром, который находился недалеко от Чаплинки. Оттуда сразу прибыл По-2, забрал пленного летчика и улетел в сопровождении Борисова. Самолету Амет-Хана недолго пришлось стоять в Килигее без хозяина. Он прилетел сюда со своей дружной эскадрильей и сменил нас.

Полтора месяца охотились летчики нашей эскадрильи по тылам врага и нанесли ему ощутимый урон в живой силе и технике. В это время в воздушных боях отличались летчики-истребители Тарасов, Калачик, Смоляков и Останченко. Самым же отрядным за время нашего пребывания на Килигейских хуторах было то, что мы не понесли потерь ни в людях, ни в технике...

Восьмого марта 1944 года мы отметили в своей столовой женский праздник и преподнесли каждой работнице из батальона аэродромного обслуживания по плитке шоколада. Свои законные сто граммов мы выпили в тот вечер за боевых подруг и за прощание с морем. В планах мы уже сменили карты, предварительно проложив на них маршрут до полковой базы.

...Вот и закончились охотничьи будни моей эскадрильи накануне похода в Крым, к берегам Черного моря.

В марте мы часто летали на Николаев, сопровождая большие группы Пе-2. Бомбардировщики выбирали объекты, соответствовавшие мощности их удара, в первую очередь аэродромы. Им удавалось проводить эффективные операции во взаимодействии с истребителями. Моя эска-

дринля не раз прикрывала армады «пешек», выводя их на знакомую околицу приморского города.

С особым удовольствием наблюдал я с высоты за тем, как бомбардировщики высылали смертоносный груз на стоянки «юнкерсов». Немецкие истребители пытались устранивать против нас засады. Но мы легко разгадали их тактику, и Николаевский аэродром, еще совсем недавно неприступный, весной 1944 года был совершенно разрушен, его летное поле зарыло воронками.

Однажды в середине марта, вернувшись из полета, я увидел толпу людей, тесно окруживших одну из машин. Летчиков, заруливающих на свои стоянки, не встречали, как обычно, ни техники, ни механики. Меня охватило тревожное предчувствие, и я поспешил к товарищам. Они читали какую-то бумагу, передавая ее из рук в руки. Увидев Мойсеева, направился к нему.

— Шестаков... Командир наш... Вы слышали? — печально спросил он.

Кто-то подал лист бумаги, исписанный ломаным, неровным почерком. Я пробежал первые строчки письма. Наш любимец и бог Лев Львович Шестаков, бывший командир 9-го гвардейского истребительного авиационного полка, сын донецкого рабочего, погиб на 1-м Украинском фронте, прикрывая советские войска, штурмовавшие гарнизоны противника под Проскуровом.

В последнем бою он расстрелял одного «юнкерса», атаковал другого, взял его в прицел и, сократив дистанцию, послал длинную очередь. Вражеский самолет взорвался в воздухе. Взрывной волной перевернуло машину Шестакова. «Лавочкин» стал беспорядочно падать к земле. Целеный случай вырвал из наших рядов одного из лучших воздушных бойцов.

В конце письма сообщалось, что Герой Советского Союза Л. Л. Шестаков похоронен в село Давидковцы, недалеко от Проскурова...

Всех нас переполнило горе. На какое-то время мы забыли о полетах и о самих себе: потерю дорогого командира тяжело переживал весь полк. Еще и еще раз вспоминали мы замечательные воздушные бои Шестакова над Одессой, Харьковом, Сталинградом. Прекрасная героическая жизнь подполковника Шестакова являлась для нас ярким примером самоотверженного служения Родине. И мы поклялись быть достойными его памяти...

...Дружная крымская весна уже вступила в свои права. Повели теплые ветры, запахло влажной, соленой землей. Канонада, гремевшая над фронтом, доносилась до самых высоких облаков: это советские войска уничтожали укрепления противника у Сиваша.

Некоторым летчикам перед наступлением удалось увидеть, как основательно окопались гитлеровцы за Сивашом. В конце марта командиров эскадрилий из полков всех родов авиации созвали в штаб фронта, а оттуда машинами доставили на передний край.

Мы уже знали, что наши войска владеют небольшим плацдармом на той стороне Сиваша, за солесым широким озером, а потому с нетерпением ждали, когда покажется мост или какая-нибудь переправа. Но машины, в которых мы находились, попали в длинную колонну, медленно продвигавшуюся на юг (вероятно, она направлялась туда же, куда и мы, — на плацдарм). Пришлось нашим командирам искать объезд, и вскоре под колесами машин загудел pontонный мост. С обеих сторон узкой дороги у моста через мель виднелись бесчисленные воронки от бомб и снарядов. Были среди них и совсем свежие, сегодняшние: враг постоянно обстреливал этот единственный путь на плацдарм.

Наконец мы перебрались на южный берег Сиваша. Вокруг все гремело. Нам приказали сойти с машин. Пошли по выкопанному в солончаке ходу сообщения. Время от времени слышались предупреждения: «Не высовываться!», «Головы пригнуть!». Но это было излишним — по свист пудь и вой летящих мин заставляли нас соблюдать меры предосторожности.

Пехотинец-полковник, задержав нас у амбразур дзота, показал огневые точки противника, его укрепления, провел нас по всему участку переднего края своей части. А потом собрал всех в кружок и просто, по-товарищески сказал:

— Теперь вы видите тот рубеж обороны фашистов, который нам предстоит штурмовать. Пехотинцы не пожалеют сил, чтобы прорвать вражеские укрепления. Но им необходимо надежное прикрытие с воздуха. Ведь гитлеровцы обязательно бросят против нас сотни самолетов, на нашу голову посыплются тысячи бомб...

Мы слушали полковника, испытывая чувство восхищения солдатами, которые дорогой ценой захватили плац-

дарм и отстояли его. Теперь им снова предстоит смертный бой с врагом, и мы, авиаторы, обязаны облегчить своим боевым товарищам эту задачу.

— Бомбы с неба — вот что больше всего донимает нас, — еще раз напомнил на прощание полковник. — Не подпускайте к нашему расположению «юнкерсов». А мы в долгу не останемся. Сделаем все, чтобы быстро очистить Крым от фашистских захватчиков!

Мы заверили пехотинцев, что не подведем, и тронулись в обратный путь.

Серьезную работу по подготовке личного состава к боям за освобождение Крыма и к штурму Сиваша развернули партийная и комсомольская организации полка. Благодаря этому мы перед наступлением отлично знали свою боевую задачу на всю глубину удара от Сиваша до Севастополя. И не случайно история полка пополнилась после этих боев новыми славными страницами, повествующими о мужестве, храбрости, находчивости моих боевых друзей.

Наш 9-й гвардейский истребительный авиационный полк был непосредственным участником наступления в Крыму. Мы много патрулировали над полем боя, совершали налеты на вражеские аэродромы.

Один из таких налетов закончился для всех нас весьма печально.

Нам было приказано обеспечить штурмовку «илами» аэродрома в Джанкое. Моя шестерка выполняла роль группы непосредственного прикрытия. Четверка, ведомая командиром полка Морозовым, шла значительно выше нас в качестве ударной группы.

Зенитчики вражеского аэродрома в Джанкое встретили нас плотным огнем. Штурмовики с ходу приступили к делу: пикируя, вели огонь из бортового оружия, сбрасывали бомбы на замаскированные самолеты. После первого их захода зенитки замолчали. «Илы» дважды еще проинструктовали стоянки, летное поле. А мы внимательно следили за действиями штурмовиков и за тем, чтобы самолеты неприятеля не помешали им до конца выполнить задачу. Никто из моей группы не видел четверку Морозова, она в это время «качала люльку». Но все мы ощущали присутствие в воздухе товарищей, знали, что благодаря им гарантированы от внезапного нападения.

Закончив штурмовку, «илы» стали покидать Джанкой.

Я доложил по радио командиру полка, что задание выполнено и мы уходим домой.

«Илы» и мы легли на обратный курс. Все шло спокойно. И вдруг в наушниках моего шлемофона раздался тревожный знакомый голос:

— Меня подбили. Самолет горит. Прикройте!

Это был Саша Карасев. Где он? Что могло случиться?

— Самолет горит! Прикройте! — снова раздалось в эфире.

Я не мог оставить «илов» и пойти на выручку другу: на войне действуют свои суровые законы. Передо мной была поставлена задача, выполнить которую до конца требовалось любой ценой.

Я осмотрелся — нигде ничего не видно. Передал ведомому Остапченко, чтобы и он хорошенько огляделся. Ему тоже не удалось обнаружить никаких признаков горящего самолета.

С тяжелым сердцем продолжал я полет.

Приземлившись на своем аэродроме, первым делом начал искать глазами четверку Морозова. Она еще не вернулась, стоянки были пусты. А когда зарулил на стоянку и выключил мотор, увидел: на посадку заходили три наших истребителя вместо четырех. Герой Советского Союза Карасев не вернулся...

Командир полка рассеянно выслушал мой доклад, чувствовалось, мысли его были далеко.

— Вы знаете, что Карасева сбили? — спросил он у меня.

— Я слышал его. И не пойму, как это могло случиться?

— Карасев шел замыкающим. Несчастье могло произойти во время разворота. Никто не видел его — помешало солнце.

— Вы разворачивались на солнце?!

В том, что произошло, хотелось разобраться каждому. Начали припоминать, анализировать детали полета четверки. И пришли к единодушному выводу: всему виной неудачный маневр. Морозов развернул четверку на солнце, оно ослепило летчиков, в это мгновение на Карасева и навалились «мессершмитты»...

Вечером в полк сообщили, что наш подбитый истребитель упал на территории, занятой врагом, и взорвался при ударе о землю...

Разгромив укрепления гитлеровцев на Сиваше, наши войска растекались по всему Крыму — от Евпатории до Феодосии. Отдельная Приморская армия, пройдя через Ак-Монайские ворота, продолжала успешное наступление. Наши авиаполки покидали обжитые в Причерноморье аэродромы, осваивали новые.

Мы перелетели в Крым, на полевой аэродром, расположенный на землях совхоза «Китай». Теплым солнечным воскресным днем нас встретили жители села с большим караваном на вышитом полотенце.

Но радость встречи вскоре омрачило известие о том, что на одном из аэродромов недобитые гитлеровцы захватили первый приземлившийся там советский самолет, на борту которого находился командир соседней авиационной дивизии... Этот случай очень насторожил нас. Проходя по собственному аэродрому, мы время от времени стали оглядываться по сторонам...

Противник быстро отступал в направлении Севастополя. В его распоряжении оставался лишь один большой аэродром на мысе Херсонес. Предчувствуя скорый конец, гитлеровские летчики дрались с яростью обреченных. Вот почему в те дни трудно приходилось не только молодым, но и бывалым пилотам нашего полка.

Мы ходили на Севастополь, прикрывали от бомбардировок советские войска, штурмовавшие Сапун-гору. Как-то группу повел Алексей Алелюхин. По небу проплывали высокие, редкие облака. «Аэрокобры», развернутые по фронту, достигли заданного района. И тут на них из-за облаков навалились «фоккеры». Одного сразу подбил Алелюхин, но и его машина оказалась поврежденной. Летчику не оставалось ничего иного, как покинуть машину. Товарищи, продолжая бой, одновременно прикрывали своего командира, спускавшегося на парашюте. Алелюхину не повезло — он опустился на дерево и завис на нем. Парашютиста заметили и гитлеровцы, и наши солдаты. Завязалась перестрелка, переросшая в стычку. Мы все страшно волновались.

Алексея Алелюхина любили и уважали за общительный характер, за высокое боевое мастерство. Еще в 1941 году, в окруженной Одессе, взлетая с аэродрома, расположенного прямо в городе, он уничтожил немало фашистов в воздухе и на земле. Довелось ему участвовать и в беспримерном полете на аэродром противника, с которого

оккупанты летали на Одессу. Это была отважная операция полка, причинившая врагу большой урон. В ней Алелюхин отличился точными, неотразимыми огневymi ударами. Даже в ночном небе он безошибочно находил фашистских бомбардировщиков и расстреливал их меткими очередями. Затем, когда жителей Одессы начали буквально терроризировать дальнобойные пушки «Берты», на их поиски послали Алелюхина. И он разыскал пушки, заставил их надолго замолчать.

В полку его по праву считали одним из лучших асов и сложили о нем песню с таким припевом:

Если в небе Алелюхин, —
Значит, «юнкерс» на земле!

Около тридцати фашистских самолетов, сбитых Алелюхиным еще до Крымской операции, надежно подкрепили правдивость этих слов.

И вот Алелюхина постигла неудача. Загрустил полк, загрустили друзья... Чтобы разузнать о судьбе Алексея, на передний край выехал на эмке подполковник Верховец.

Поздним вечером летчики, заведя возвратившуюся эмку, бросились к ней. На заднем сиденье лежал смятый парашют. Все потянулись в штабную землянку. Здесь Верховец начал пересказывать то, что услышал от наших солдат.

— Алексей приземлился на нейтральной полосе и завис на дереве. Это вы уже знаете. Гитлеровцы открыли по нему огонь — это тоже известно. К счастью, ему удалось довольно быстро отделиться от дерева и укрыться в камнях. Тогда фашисты пошли под огнем в атаку, надеясь захватить советского летчика. Наши бойцы заставили фрицев откатиться.

— Да не выматывай душу! — не выдержал Морозов. — Скажи лучше, жив ли Алелюхин?

— А когда я прибыл на боевые позиции той части, где упал наш Алелюхин, там шла горячая стычка, — не меняя тона, продолжал Верховец. — Один боец и указал мне место, где прячется летчик. Подъехать туда не было никакой возможности — местность простреливалась. Вася Погорелов замаскировал эмку и пошел задним ходом...

О том, что было дальше, Верховец досказать не успел.

Дверь штабной землянки широко распахнулась, и на пороге появился сам Алексей Алелюхин.

Мы бросились к нему с криками «ура!». Верховец улыбался от удовольствия: ему удалось поводить нас за нос. Несмотря на ранение, Алексей решил пошутить: вышел из машины чуть раньше и спрятался за деревьями.

— А теперь послушайте, что было дальше, — продолжая он рассказ замполита. — Подполковник Верховец и Василий Погорелов вывели меня буквально из-под огня. Солдаты дрались с гитлеровцами, чтобы отбить у них советского летчика, но познакомиться с ними мне так и не довелось.

В мае 1944 года в сводках боевых действий в Крыму слова зазвучали наполненные героическим величием слова «Севастополь», «Сапун-гора», «Малахов курган». Люди помнили подвиг защитников Севастополя в 1941—1942 годах, названия его увенчанных воинской славой холмов.

Теперь мы летали на побережье, где разгорелась решающая битва. Наша трасса проходила над зеленеющими долинами, над лежавшими в дымке горами, над освоенными селами и городами, над голубыми водами моря. И мы хорошо видели, как пылали еще занятые неприятелем районы многострадальной крымской земли.

Сапун-гора, закрывавшая подход к городу, оцетинилась против наших войск стволами вражеских пушек и пулеметов.

Командование фронта решило в самый короткий срок покончить с фашистами в Крыму, одним ударом разгромить войска, стянутые к Севастополю со всего полуострова. И неудивительно, что наш полк, как и другие авиационные части, работал с огромным напряжением. Немские бомбардировщики эшелонами шли к Сапун-горе. Нам нужно было любой ценой срывать их планы, падежно прикрывать советские части, штурмовавшие склоны Сапун-горы.

В первый день решающего наступления моя эскадрилья сопровождала «ильюшинных». На подходе к цели нас встретили «фоккеры». Один из них напал на меня, но я своевременно заметил его и маневрировал так, что он оказался под моим прицельным огнем. Благодаря этому не мой истребитель, а «фоккер», падая к земле, вычертил кругую черную дугу в небе Севастополя...

Бывая теперь в Севастополе, я каждый раз посещаю диораму «Штурм Сапун-горы». И каждый раз мое внимание неизменно привлекает изображенный художниками темный след, прочерченный пылающим вражеским самолетом на голубом небосклоне. Мне кажется, это горит именно тот, сбитый мною «фоккер», хотя я прекрасно знаю, что не один такой след долго висел в те дни в прозрачном весеннем воздухе...

Гитлеровская авиация, получавшая подкрепление морем, оказывала сильнейшее сопротивление. Надо было нанести ощутимый удар по Херсонесской базе противника, сильно защищенной средствами ПВО.

Херсонесский аэродром располагался над самым морем. На его широком поле базировались десятки самолетов различных марок. Командование понимало, что штурмовики и бомбардировщики, выполняя эту задачу, неизбежно понесут потери. А истребители? Они более маневренны, у них побольше скорость. В общем, нанести удар по Херсонесскому аэродрому было поручено истребителям. В соответствии с тщательно продуманным планом, одна небольшая группа самолетов должна была отвлечь на себя огонь зениток, а остальные машины несколькими эшелонами с разных направлений — дружно атаковать аэродром.

Идти на огонь выпало моей эскадрилье.

Мы выработали свой план действий. Решили уйти километров за сорок в море, скрыться в дымке и там развернуться. Снизившись к самым волнам, мы рассчитывали незаметно достичь берега и внезапно выскочить на аэродром. Для того чтобы молниеносно пронестись над зепитными позициями, обстреляв их из пулеметов и пушек, по нашим прикидкам, требовалось не более двух минут.

И вот эскадрилья, выстроившись над аэродромом, направилась в сторону моря. Все шло, как было задумано, но я очень волновался: задание было исключительно ответственное. Я помнил напутствие Морозова: «Честь девятого гвардейского — в ваших руках. За вами следят вся воздушная армия. Сам комкор Савицкий поведет на Херсонес большую группу истребителей для штурмовки вражеского аэродрома. Если опоздаете или соььетесь с курса — сорвете операцию».

Пока все идет спокойно. Противник нас не обнаружил. До берега километров десять. Пора набрать горку.

Моторам даны полные обороты. Пальцы — на гашет-

ках оружия. Переходим в пологое пикирование для наращивания скорости. И сразу отчетливо видим аэродром, ряды самолетов, наутину ходов сообщения, окопы зенитных батарей.

Первые зенитные снаряды разорвались выше нас. Только бы избежать прямого попадания! И вот уже эскадрилья пронеслась над немецкими зенитками, густо поливая землю пулями и снарядами.

Все ли мои друзья проскочили огненный шквал?
Все!

Людей охватил боевой азарт. Развернувшись, мы стали крошить фашистскую боевую технику. А вслед за нами ринулись на аэродром основные ударные группы.

Над Херсонесом поднялись плотные столбы черного дыма...

В последующие дни мы уже встречали в воздухе лишь отдельные вражеские самолеты, да и те, заведя советские истребители, сразу уходили восвояси.

Оккупанты начали покидать Севастополь. Но еще двое суток они удерживали Херсонес и его причалы: там спешно грузились на баржи и буксиры остатки разбитых соединений, оружие, техника. Наши бомбардировщики наносили по причалам удар за ударом, но некоторым транспортам все же удалось уйти в море.

11 мая я повел звено на разведку побережья. В открытом море мы обнаружили несколько барж, пять буксиров и большой белый теплоход. Все они держали курс на запад.

Мы быстро вернулись на аэродром и доложили результаты разведки.

Через несколько минут поступил приказ: выделить восьмерку истребителей для сопровождения бомбардировщиков, которые нанесут удар по обнаруженным в море целям. Я попросил командира полка послать мою эскадрилью. Морозов согласился, но находившийся тут же начальник штаба Никитин воспротивился:

— Лавриненков только что вернулся, пусть отдохнет.

— Хорошо, — переменил было свое решение командир. — Вызывай Алелюхина или Ковачевича.

Я настаивал на том, чтоб этот вылет поручили моей эскадрилье.

Начальник штаба отвел меня в сторонку и по-дружески стал отговаривать от полета.

Морозов краем уха услышал его слова и, улыбаясь, сказал:

— Да полно вам торговаться! Пусть летит, если уж так ему хочется.

К моей радости, вопрос был решен положительно.

Десятку «петляковых», нагруженных бомбами, вел командир полка Валентик (я узнал об этом, связавшись с ним по радио). И вскоре наша группа — бомбардировщики внизу, «аэрокобры» вверх — взяла курс на запад.

В небе и на земле не было никаких признаков войны. И наверное, именно поэтому наш вылет казался каким-то особенным, даже торжественным.

Включив рацию, я услышал переговоры командира экипажа одного из «петляковых» с ведущим группы.

— Мотор самолета даст перебой, — доложил командир экипажа.

— Возвращайся! — последовал лаконичный ответ.

— И все же я прошу разрешения следовать за группой, — раздалось после паузы.

— Ваш самолет отстает. Выполняйте приказание!

Снова наступила пауза. А после нее радостный голос произнес:

— Мотор стал работать ровнее. Разрешите идти с вами?

— Разрешаю. Но в случае повторных перебоев немедленно возвращайтесь на берег!

Все смолкло. Я разглядел «петлякова», который густо дымил и с трудом держался в строю. О чем думал в те минуты его экипаж? Почему люди не захотели возвращаться? Какая могучая сила вела их над бушующей бездной?..

А вот и цель! Под нами вражеский транспорт. Там, на корабле, на баржах, набитых гитлеровцами, нагруженных награбленным добром, тоже заметили нас.

Я включил передатчик и приказал своей эскадрилье набрать высоту, следить за воздухом. В тот же миг услышал, как Валентик предупредил летчика, который сообщал о неполадках в моторе:

— Бомбы сбросить не пикируя.

Я следил за белым кораблем и за самолетами Валентика. Вот три «пешки» ведущего звена одновременно, сверкнув стеклами кабин, устремились вниз. Четверка наших пошла за ними.

Бомбы отделились и как бы продолжили линию пикирования «пешек». Я проследил за падением бомб.

Вокруг все было в движении: самолеты, облака, волны моря, суда... А в момент взрыва бомб мне показалось, что все на мгновение остановилось, замерло.

Удар нескольких бомб пришелся точно по центру большого корабля. Зрелище было почти неправдоподобное — корабль, окутанный дымом, у меня на глазах разламывался надвое, погружался в воду. Рядом тонули баржи, буксиры, катера.

Мы вышли из пикирования вместе с «петляковыми» и снова покарабкались на высоту. Внизу тонули горевшие суда. Лишь уцелевшая баржа, отдаляясь от остальных, продолжала свой путь. Но тут мое внимание привлек отстававший ранее бомбардировщик. В то время как все другие машины пошли на разворот, он вдруг спикировал. Вот ему уже пора сбрасывать бомбы, а он все снижается. Мне стало не по себе. Успокоился только тогда, когда увидел, как от него отделились бомбы и точно легли на уцелевшую баржу...

Вражеского транспорта больше не существовало. На воде осталось огромное масляное пятно, отливавшее мрачным, неестественным блеском.

Море лежало свободное, широкое, открытое до горизонта. Небо над нами было чистым. Радость победы наполняла наши сердца. Мы возвращались в освобожденный Крым!

Над нашим аэродромом мы попрощались с «пешками» покачиванием крыльев, и я по радио поздравил командира бомбардировочного полка Валентика с последним блестящим ударом по врагу.

Торжественно встретили в полку нашу группу. Когда ко мне подошел Никитин, я увидел, что его глаза светятся радостью. Мы обнялись.

— Вспомнилась мне перед твоим вылетом Павловка, — будто оправдываясь, сказал он. — Тогда тоже не обязательно было идти на задание именно тебе. Меня мучила какая-то неясная тревога. Понимаешь?..

Я рассказал друзьям, как был уничтожен последний плавающий гарнизон гитлеровцев, с восхищением отозвался о боевой работе бомбардировщиков.

После обеда меня неожиданно вызвали в штаб. Там я застал несколько летчиков — Амет-Хана, Остапченко, Аделюхина, Тарасова, Плотиикова.

Амет-Хана я еще раз от всей души поздравил с освобождением Крыма и его родной Алупки.

— Еду к родителям! — торжественно объявил он. — Люди передали — они живы, обо мне слышали... А вас всех приглашаю в гости.

К сожалению, я вынужден был отказаться. Нас с Николаем Остапченко предупредили, что с завтрашнего дня посылают на неделю в Евпаторию, в уже открытый военный санаторий. Кое-кому из летчиков предложили поездку в Севастополь и Херсонес. А группа товарищей во главе с Верховцом собралась навестить семью Амет-Хана.

В Евпаторию мы с Остапченко добрались на ипотных машинах. Санаторий ВВС занимал длинное здание в несколько этажей, расположенное на улице, ведущей к железнодорожному вокзалу.

Море было всего в двух кварталах, но мы не спешили к нему — было еще не так жарко. В комнатах, во дворе санатория нас удивила непривычная тишина. Ласковая прохлада ютилась в каждом уголке. А на спортплощадке уже толпились любители волейбола.

Тишина покорила нас, но ненадолго. Уже на другой день мы с Николаем подались в город посмотреть набережную.

Вокруг были руины, стояли коробки сожженных домов, посреди улиц чернели воронки от бомб и снарядов, на прибрежной гальке валялись выброшенные волной каркасы разбитых катеров, ржавые якоря. Но жизнь известного курорта уже входила в колею.

Мы прошли по берегу у самой воды, увидели несколько пляжников, присоединились к ним. Купание было не из приятных, холодная морская вода обжигала тело.

Искушавшись, вернулись в парк. Наши боевые награды и авиационная форма привлекли внимание местных жителей.

Перед глазами и сейчас, как живой, стоит изможденный, с запавшими щеками, в сильно поношенной одежде седой человек, вижу его большие печальные глаза. Он подошел к нам, когда беседа уже разгорелась. Сначала молча слушал, потом спросил:

— А о евпаторийском десанте слышали?

Все загудели, заговорили шапкеребой. «Это наш подпольщик, электромонтер Александр Рудюк», — сказал кто-то, указывая на мужчину. Потом заговорил и он сам.

— Вот в этом парке, где мы сидим, в траншеях погребены сотни людей... Сюда оккупанты спосили расстрелянных, а потом забрасывали их камнями. А каких людей замучили, изверги! Молодых моряков, настоящих героев! Слушайте, запомните, рассказывайте всем, чтобы люди никогда этого не забыли. Евпаторийцы воздвигнут когда-нибудь памятник жертвам фашизма. Я верю в это. А пока... Пока для меня, например, еще не кончился этот кошмар. Все, как наяву, передо мной. Глаз не смыкаю по ночам. Вижу, все время вижу, как это было...

Рудюк помолчал, собираясь с мыслями, и уже другим тоном начал:

— Так вот, о десанте... Десантники высадились в начале января сорок второго на причальной пристани. Заняли дорогу, ведущую на Симферополь, перерезали провода и пошли на Евпаторию. Тогда здесь стояли две вражеские дивизии. Несколько сот наших моряков выбили оккупантов из города. У нас было три дня свободы! Трое суток на море бушевал такой шторм, что к берегу невозможно было подступить. В море стояли катера с подкреплением, а высадить людей не было никакой возможности. Тогда-то с суши в город и ворвалась эсэсовская дивизия. Она расправилась и с десантом, и с восставшими... Эсэсовцы, наступавшие на позиции моряков, впереди себя гнали детей... С моря, правда, были наши пушки, но этого оказалось слишком мало. Оккупанты жестоко расправились сначала с моряками, а потом с мирными жителями, с теми, кто скрывал у себя оставшихся в живых воинов. Земля пропиталась тогда кровью народной...

Узнали мы и о семейной трагедии Рудюка. Александр Захарович был оставлен в Евпатории для подпольной работы и находился на полулегальном положении. В его домике на берегу моря, как и до войны, жила мать. В ту январскую ночь, когда десантники вошли в город, среди моряков оказался родной брат Рудюка — Петр Захарович. Он был ранен и забежал к матери.

— Мама, мы пришли! — крикнул Петр с порога и пошатнулся.

Мать сразу заметила на сыне следы крови, бросилась бинтовать рану.

Почувствовав облегчение, Петр побежал догонять товарищей, пообещал матери вернуться, когда разобьют врага.

В ту же ночь он пал в бою. Его тело эсэсовцы тоже завалили камнями...

В Евпатории нам рассказали о подвиге летчика Токарева, приведшего сюда свою группу во время боев за освобождение Крыма. Вражеские зенитки повредили самолет. И все же Токарев на пылающем Пе-2 сделал еще один заход, сбросил последние бомбы на позиции неприятеля. Самолет вместе с пилотом ушел и сгорел невдалеке от Майпакского озера...

Яркий крымский май был на исходе, когда кончился наш короткий отдых. Мы с Остапченко вернулись на аэродром, полные незабываемых впечатлений. Немало интересного услышали мы от боевых друзей, ездивших в Севастополь и Херсонес. Но самые яркие впечатления остались у тех, кто побывал в гостях у Амет-Хана Султана. Его родители приняты человек сорок летчиков и техников, прикативших на двух грузовиках и легковой автомашине. Радостно-возбужденные, они возвратились только через три дня.

Мне и Николаю об этой поездке рассказал Анатолий Плотиных.

— Так, ребята, было расчудесно, что не хватает слов. Слухи о нашем появлении домчались до родителей Амет-Хана намного раньше, чем мы сами появились у них. Дом их стоит высоко на горе, и нас приветствовали еще оттуда. Машиной на крутизну не заберешься — пошли друг за другом по узкой извивающейся тропинке. А когда очутились у ограды, перед нами открылся такой простор, какой увидишь только в полете... Представляете себе: море как на ладони! А в саду, прямо на скале, хотите верить, хотите — нет, растут виноград, персики, цветы. Ну, поздоровались мы с отцом, с матерью, с многочисленными родственниками. В тени под орехом накрыт стол, и тут же поблизости жарится шашлык...

Амет-Хан сел между отцом и матерью. Тут мы и увидели, как он похож на обоих сразу. Ну вы, конечно, понимаете, сколько добрых слов сказал каждый из нас об Амет-Хане, о его высоком летном мастерстве, о храбрости, о замечательных человеческих качествах... Чудесные у него старики, приветливые, радушные... Не забыли даже

тех друзей сына, которые не смогли приехать к ним... Да что это я все только говорю и говорю. Подождите минуту. Сами увидите. — С этими словами Плотников на миг исчез куда-то и вернулся с двумя бутылками доброго масандровского вина. — Вот, одна тебе, другая Николаю...

В конце мая мы начали готовиться к перебазированию. Особенно тщательно в этот раз проверяли, ремонтировали, подкрашивали самолеты: мы знали, что передадим их другому полку. Личный состав нашего 9-го гвардейского направляли в глубокий тыл для переучивания на новую технику.

Снова под крыльями поплыли поля и дороги Крыма, затем Украины. Недалеко от Харькова, в Богодухове, мы передали свои «аэрокобры» стоявшей здесь авиационной части и в тот же день на Ли-2 перелетели в Подмосковье.

Нас привезли в авиагородок. Зеленые деревья, асфальт, чистота, электрическое освещение, уютные комнаты и двои, радио, столовая с накрахмаленными скатертями и блеском приборов — все здесь было для нас необычным. Вечером у местного Дома офицеров, на танцевальной площадке, раздались звуки музыки. Впервые за несколько лет мы прогуливались после сытного ужина, наслаждаясь тишиной, ароматным воздухом, чувствуя мирное дыхание земли, любуясь звездным небом.

Поездки в московские театры, вечера танцев, знакомства с девушками — все как бы переносило нас в довоенную жизнь. И лишь близость аэродрома напоминала: война еще не закончилась.

После нескольких дней отдыха подполковник Морозов собрал летчиков и техников и объявил приказ о начале нашего переучивания на истребители Ла-7. Никто из нас еще не видел этой машины, но в прессе уже промелькнуло ее название, до нас доходили слухи о высоких летно-технических данных этого нового, усовершенствованного самолета.

Скорее бы увидеть этот Ла-7! «Аэрокобра» была неплохой машиной, но «лавочкин» наверняка превосходит ее. Мы горели желанием скорее освоить новую технику и имели для этого все возможности.

Учеба поглотила все наше время и внимание.

Быстро пролетел июнь. Со дня на день мы ожидали увидеть новую машину, ожидали этого момента, как большого события. Но меня, как оказалось, ждал еще один радостный сюрприз. Первого июля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР мне было вторично присвоено звание Героя Советского Союза.

Столь высокая оценка боевых заслуг явилась для меня огромным счастьем. Вырываясь из плена, в котором недолго оказался волею случая, я и помышлять не мог, что когда-нибудь второй раз заслужу высшую награду Родины. Пределом желаний было вернуться в родной полк, снова ощутить в руках штурвал истребителя, повести его в бой.

С утра беспрестанно звонил телефон, поступали телеграммы. Поздравления однополчан превратили обычный день в праздник, завершившийся скромным дружеским ужином: поутру предстояли первые полеты на УЛа-5, с которого предстояло пересестись на Ла-7.

Ранним утром все прибыло на аэродром. Начинались тренировочные полеты.

А через несколько дней меня вызвали в Москву для вручения второй Золотой Звезды. Мои ровесники-ветераны без слов поймут, какое счастье испытал я, попав после двух лет, проведенных на фронте, на Красную площадь, к Мавзолею В. И. Ленина. Это были незабываемые минуты, и запомнились они навсегда. В какой-нибудь миг вспомнил я тогда всю свою жизнь: боевых друзей, родную Смоленщину, родителей. Дважды Герой Советского Союза... Новая награда ко многому обязывала. Я отлично понимал это. Мне удалось уже сбить тридцать четыре фашистских самолета. Но война продолжалась. И этот счет предстояло увеличить.

С такими мыслями ехал я из гостеприимной Москвы в свой полк...

Занятия с нами велись капитально, на самом высоком уровне. Судя по этому, полку в недалеком будущем отводилась немаловажная роль. Красавец Ла-7 появился на нашем аэродроме лишь после того, как мы хорошо познакомились с его предшественником — УЛа-5. Но и тогда никого из нас не выпускали в полет сразу, как это делалось на фронте. Сначала мы, как курсанты, отрабатывали руление по земле — ведь Ла-7 совсем не был похож ни на Як-3, ни тем более на «аэрокобру». Этот широколобый, с

мощным мотором, свободной и удобной кабиной и грозным вооружением самолет сразу пришелся нам по душе. Новая машина являлась большой удачей советского самолетостроения.

Потянулись дни тренировок. Мы осваивали самолет в воздушных боях, во время стрельб, на длительных маршрутах. Все шло нормально, пока нас не выбило из колеи непредвиденное большое горе: мы потеряли командира полка Морозова. И что обиднее всего, несчастье случилось не в полете, а во время нашего отдыха на Клязьме.

Похоронили мы командира в авиагородке рядом с авиаторами, на могилах которых были установлены пропеллеры с самолетами тридцатых годов, рядом с теми, кто ценой своей жизни прокладывал путь к появлению современных скоростных машин. Прозвучал боевой салют,obelisk на могиле Героя Советского Союза подполковника Анатолия Афанасьевича Морозова утонул в цветах...

Полеты продолжались. Теперь ими руководил заместитель командира полка Герой Советского Союза А. Ковачевич. Через несколько дней он вызвал меня к себе. Я чувствовал себя с Аркадием свободно, ибо совсем недавно заменил его на должности командира эскадрильи, но тем не менее мысленно перебрал последние события — не провинился ли я в чем-нибудь? Ковачевич вручил мне вызов, в котором предписывалось срочно явиться к Главному маршалу авиации А. А. Новикову.

— Ясно, кого-то опять интересуют мои воздушные бои, — без особого энтузиазма заметил я, сразу вспомнив первый вызов в Москву из Ростова.

— Не приbedняйся, Володька! — вскинулся горячий, впечатлительный Ковачевич. — Всем известно, зачем тебя вызывают, а тебе нет?

Переубеждать Аркадия я не стал, но мне действительно ничего не было известно.

Утром мы с Василием Погорелым выехали на нашей верной эмке в столицу.

Мне не раз приходилось ездить с Погорелым и по степям Приазовья, и по раскаленным крымским дорогам, а теперь впервые мы легко неслись по гладкому асфальту. Шофер уже успел хорошо познать Москву, уверенно ориентировался на улицах и, как оказалось, знал даже дорогу к штабу ВВС.

— Думал когда-нибудь, что придется поехать по Москве? — спросил я Погорелого.

— Признаться, не думал, — бесхитростно ответил он. — А вот по Берлину надеюсь еще вас прокатить, товарищ командир.

— А откуда ты родом? — поинтересовался я.

— Из Пятихаток, товарищ майор.

— В каждом районе есть свои Пятихатки...

— Может, и есть... Но такой красивой станции, как наша, на Украине не сыщешь. Люблю родные места.

— Это хорошо. Так и расшинешься на рейхстаге: «Вася из Пятихаток»...

Домой я возвращался уже в качестве командира полка. Васе о назначении ничего не сказал, но я первичал, курил папиросу за папиросой, а он уже, очевидно, прослышал что-то и хитровато улыбался в свои усы.

По дороге перебирал в памяти разговор с Главным маршалом авиации.

— Командарм Хрюкин попросил именно вас, гвардии майор Лавриненков, назначить командиром полка и прислать ваш полк в его распоряжение.

Мне, наверное, следовало спросить, на какой фронт нас пошлют, но меня так ошеломило неожиданное предложение принять полк, что из головы вылетели все вопросы. О такой должности я не мечтал, не примерялся к ней, считал слишком сложной и недоступной для меня.

— В нашем полку есть люди более опытные, чем я, товарищ Главный маршал авиации... Если надо, я могу побыть заместителем командира полка. Боюсь, не справлюсь с бумагами... Мне бы летать, воевать...

— У вас есть кому составлять приказы и давать им ход — в полку опытный начальник штаба Никитин. А командир полка должен продолжать героические традиции Льва Шестакова. Мы накануне больших воздушных боев над логовом врага.

Начисто отбросив все мои доводы, маршал заключил:

— Закачивайте переучивание и — на фронт.

Это был уже приказ...

«Давай полный газ, Вася Погорелый! Пусть наша эмочка побыстрее домчит нас домой: мне еще сегодня надо выслушать советы Верховца, Никитина, Ковачевича, ведь завтра рано утром день начнется с напряженной работы на аэродроме и в небе».

Следующая неделя принесла немало всяких неожиданностей. Ковачевич и Верховец изъявили желание учиться в воздушной академии, приславшей в полк разрядку. Моими заместителями стали Алелюхин и Плотинов, а замполитом назначили прибывшего из резерва подполковника Фунтова. Из состава бывшего командования остались только В. С. Никитин. На его плечи и легли все штабные хлопоты. Я же полностью отдался боевой учебе и подготовке летчиков, особенно молодых.

А вскоре получили и самолеты. Их пригнали нам прямо с завода. Полк выстроился поэскадрильно перед стоянкой истребителей для волнующей и важной процедуры — распределения личного состава по звеньям, парам и для закрепления машин за летчиками. Народ вручал нам новейшую технику, и каждый из нас понимал это.

Любо было смотреть на прославленных в боях гвардейцев — Алелюхина, Амет-Хана, Головачева, Масленникова, Твеленева, Елизарова, Пухова, Михайлова, Остапченко, Чуднова, Байкова, Малькова, Борисова, Королева, Ковалева, Грачева, Тарасова, Аристархова, Тимофеевского, Золотаева, Петрушевского, Беликова и на молодых, но крепких, выносливых летчиков — Равчеева, Бученкова, Тапакова, Дробышева, Кушнарова, Уткина и других.

На новичках я невольно задерживал внимание подольше. Они занимали места ведомых. Когда-то так же начинали все нынешние асы. Как молодые справятся со своими обязанностями? Достаточно ли хорошо подготовили их к полетам прежние инструкторы и мы здесь, в полку? Сумели ли мы передать тем, кто пойдет за нами, всю серьезность, нерушимость, святость традиций нашей летной жизни?

И вот самолеты уже распределены. В штабе изучается маршрут перелета на фронт. На карте пролегла прямая линия между Москвой и селом Руткишки близ Каунаса.

Осенние леса, припущенные первым снегом поля проплыли под крыльями. Конец октября — пора ненастья, и оно прочертило метелями маршрут. С трудом пробились сквозь них. Пришлось приземлиться в Смоленске, на том самом аэродроме, где я впервые поднялся в воздух. Гололед, изморозь, да еще некстати попавшаяся на пути плохо засыпанная канава на аэродроме — все это, вместе взятое, привело к тому, что две наши новые чудесные машины застыли поврежденными на обочине поля.

Наш полк находился в непосредственном подчинении Главного маршала авиации. Ему и надо было докладывать о всех происшествиях. Вынужденная посадка, две поломки — как сообщить об этом тому, кто был так уверен в тебе? Свою эскадрилью я, возможно, довел бы без всяких неприятностей, а тут — на тебе...

Связался с Главным маршалом авиации.

— Два самолета? — переспросил он и, не ожидая ответа, сурово сказал: — Только назначили, а уже ломаешь новые машины. И это — по дороге на фронт! Чем будешь воевать? Никто вам других не даст!

— Мыотремонтируем самолеты.

— Сколько потребуется времени?

— Три дня.

— Два дня — и ни часа больше!

Я напряженно вслушивался в голос Главного маршала и смотрел на аэродром: возле «лавочкиных» уже возились авиамеханики. Налетевшая неожиданно пурга все скрыла. Разговор закончился. Я подошел к окну. Людей не видно, но я знал, что они работают, был убежден, что оба самолета к утру смогут подняться в воздух. А в ушах все звучал сердитый голос маршала. Этот голос, и пропавший в белой круговерти аэродром, и близость родного села, и воспоминания юности — все это вдруг заставило меня с особой силой почувствовать груз огромной ответственности за трудное и большое дело, которое мне доверили.

«ДЕРЖАТЬ НЕБО ЧИСТЫМ!»

Аэродром у хутора Руткишки, куда мы перелетели из Подмосковья, достался нам, как говорят, еще тепленьким: он только что был отбит у противника. Наша пехота и танкисты прошли через него так быстро, что в салоне роскошной землянки командира гитлеровской эскадрильи уцелела вся обстановка.

Летчики поселились в просторных землянках с кафельными печами и кроватями на пружинных матрацах. Я расположился в землянке командира эскадрильи, отдав салон в распоряжение Васи Погорелого.

Ранняя зима в Прибалтике была мягкой и многоснежной. Самолет, направляясь к старту, вздымал тучи снежной пыли и вырывался из нее лишь в конце поля, когда

отделялся от земли. Наши летчики группами взлетали в воздух для знакомства с районом полетов. А над аэродромом непрерывно проходили эшелонами в сторону фронта «петляковы» и «ильюшинны» в сопровождении «яков»: наступательные бои продолжались.

Мы пока обживались, налаживали отношения с соседями.

Однажды над аэродромом появилась пара «яков». Снизившись до ста метров, ведущий переложил машину на спину и в сопровождении ведомого пронесся строго по центру летного поля. «Мастер!» — сказали ребята. Пара на высоте развернулась, произвела блестящую посадку. Из кабины вылезли незнакомые летчики. Я встретил гостей, представился.

Услышал и их фамилии. Это были командир 303-й истребительной авиационной дивизии генерал Захаров и штурман дивизии майор Серегин.

О генерале Георгии Нефедовиче Захарове мне говорили в Москве как об известном летчике-истребителе, прославившемся еще в Испании. Наш полк входил теперь в состав его дивизии в порядке оперативного подчинения.

Захаров и Серегин с интересом осмотрели ряды новеньких «лавокчиных», потом рассказали о боевой работе дивизии. В авиасоединение наряду с советскими полками входил и прославленный французский полк «Нормандия-Неман». Генерал с похвалой отзывался о французских летчиках, сказал, что мы еще не раз встретимся с ними на земле и в воздухе.

— А пока надо хорошо подготовиться к предстоящим боям, — перешел к делу командир дивизии. — Перед нами Восточная Пруссия — оплот немецкой военщины. Фашисты будут защищать ее до последнего...

Генерал Захаров понравился нам живым общительным характером, простотой, дружелюбием. От майора Серегина летчики успели узнать, что французским авиаторам нравятся истребитель Як-3, что они отличные ребята, любящие шутку и веселье.

Командир и штурман дивизии улетели, а у нас долго еще шли разговоры об их визите...

Вскоре мне приказали явиться к командарму Т. Т. Хрюкину. Я с удовольствием отправился к нему.

На войне даже далекие перемещения, с одного фронта на другой, воспринимались как нечто обычное. Вот поче-

му, когда мы встретились с командармом после Крыма в пеще литовского крестьянина, разговор сразу, без предисловий, пошел о текущих делах. Командарм тепло поздравил меня со второй Золотой Звездой и с назначением на новую должность. Попросив затем принести чай, он повел меня к оперативной карте:

— Ваш полк не будет сопровождать «петляковых» или «ильюшинных». У вас другая задача: держать небо чистым. «Юнкерсы» с бомбами не должны прорываться к нашим войскам, а немецкие истребители — к нашим бомбардировщикам. Настало время, когда мы можем выделить для этого крупные силы истребителей. Летать будете не четверками, а эскадрильями, всем полком. Посмотри на карту. — И командарм указал на район оборонительных укреплений противника.

Я взглянул на пункт, где находился наш аэродром, и от него мысленно провел черту на запад. От нас к Кенигсбергу тянулась железная дорога. У самой границы Восточной Пруссии, вокруг прусской столицы, крутыми дугами лежали толстые линии, обозначавшие долговременные, заранее подготовленные фортификационные сооружения.

Командарм проследил за моим взглядом:

— Мы, авиаторы, должны условно проложить линии этих укреплений и в воздухе... Враг сосредоточил в Пруссии 6-й воздушный флот. Битва будет ожесточенной! Возвратись в полк — расскажи летчикам об этом. Восточная Пруссия всегда служила фашистским завоевателям плацдармом для осуществления агрессивных замыслов. Здесь, в глубинных укрытиях, с 1941 по 1944 год находилась ставка Гитлера — волчья яма, Вольфшанце. В Пруссии располагалась резиденция палача славянских народов Эриха Коха. Здесь же была главная продовольственная база фашистской Германии. И не случайно от Гумбинне до Кенигсберга тянутся девять линий оборонительных укреплений... В Восточной Пруссии каждый замок, каждый дом приспособлены для ведения огня по наземным целям и самолетам. Хорошенько растолкуй это своим подчиненным.

Я заверил командарма, что летчики-гвардейцы, дравшиеся в пеще Сталинграда, так же достойно проявят себя и при штурме Кенигсберга. И вышел от него, как всегда, в хорошем настроении.

Перед отлетом заглянул в штаб тыла утрясти кое-какие вопросы снабжения. Майор, к которому я обратился, внимательно выслушал меня, записал просьбы, пообещал кое-что сделать, а потом неожиданно сказал:

— В одной из наших частей служит ваш однофамилец Дмитрий Федорович Лавриненков... Человек этот уже в годах. Не ваш ли отец?

— Все совпадает, товарищ майор! И имя, и отчество... Если еще этот Лавриненков из Смоленска...

— И это совпадает, — с улыбкой подтвердил мой собеседник. — Жаль только, часть стоит далековато отсюда. Километров сто, не меньше. А впрочем, дело поправимое. Мы можем направить Дмитрия Федоровича на ваш аэродром. Это не сложно.

Трудно передать, как обрадовало и взволновало меня это предложение. Еще бы — служить вместе с отцом! Кто от этого откажется?!

Поблагодарив майора за участие, я заспешил к своему самолету.

За ужином я пересказал однополчанам разговор с командармом. С гордостью восприняли мои подчиненные сообщение о возложенной на полк задаче. Многие высказали лишь одно пожелание, чтобы полеты большими группами не исключали охотничьих прогулок. Амет-Хан даже произнес по этому поводу целую речь, и его поддержали все, кто занимался свободной охотой в Крыму. На том и порешили: охота и разведка парами останутся в расписании боевой работы полка.

...Взрели моторы на нашем аэродроме. Хотя противник всячески старался скрыть истинное количество своих самолетов и они редко поднимались в небо, наши «лавочкины» то и дело встречали их. Наряду с патрулированием над передним краем нам теперь везло и в вылетах на перехват немецких авиаразведчиков. Высотный, скоростной «лавочкин» стал грозой для «юнкерсов», которые в первые дни войны часто безнаказанно проникали в наш тыл и возвращались на свои базы с большим количеством отснятых фотопленок.

В декабре во время короткого затишья на переднем крае летчики полка уничтожили четыре фашистских бомбардировщика. Особенно запомнился всем поединок Героя Советского Союза гвардии капитана П. Головачева с Ю-88 прямо над нашим аэродромом.

Белорус Павел Головачев — один из ветеранов полка — сражался с врагом на Дону, на Волге, в Приднепровье, освобождал Крым. В 1944 году он наконец увидел поля и леса родной Белоруссии, очищенной от фашистской мрази.

Ясным морозным днем Павел со своим ведомым летел вдоль железной дороги над нашей территорией. В этом районе часто появлялись вражеские воздушные разведчики. И день, о котором идет речь, не был исключением. Вскоре на высоте Головачев обнаружил фашистский самолет и стал преследовать его. Скорость Ла-7 позволила нашему летчику через несколько минут настигнуть вражеского пилота. Тот стал отстреливаться. Головачев атаковал один раз, второй — стрелок умолк, а «юнкерс», как бывало нередко и раньше в подобных ситуациях, полез вверх. Такой прием, как правило, выручал вражеских пилотов: на седьмой тысяче метров Як-3 терял в скорости. Но так было с «яками». Совсем другое дело Ла-7. Головачев уверенно пошел за «юнкерсом» и в это время увидел, как снизу, навстречу ему, устремились два «яка». Узнав своих, Павел успокоился. Однако «яки» на форсаже решительно шли наперехват, а затем начали заходить в атаку. Включив радию, Головачев услышал на своей волне французскую речь и сразу понял, что это идут летчики полка «Нормандия-Неман» и что они приняли его самолет за «фокке-вульфа» (внешне он был похож на «лавочкина»). Выход был только один — оторваться от «яков», и это удалось сделать. Головачев вскоре оставил их далеко позади, забравшись на высоту свыше семи тысяч метров.

Пилот «юнкерса», видевший это, сообразил, что имеет дело с истребителем, от которого не уйти, и тут же развернулся в направлении своего аэродрома. Но спастись было уже поздно. «Лавочкин» подошел совсем близко. Павел нажал на гашетки всех трех пушек. Залп такого оружия с малой дистанции способен разнести любую цель в щепки. Но ни один снаряд не вылетел из пупечных стволов. Головачев растерялся: ведь боекомплект был не тронут. Еще раз нажал на гашетки — пушки молчали, очевидно, в подвижных частях оружия застыла смазка (на такой высоте это могло случиться). А «юнкерс» тем временем уходил, хотя был всего в нескольких метрах от носа истребителя. «Таранить, — решил Головачев. — Уни-

чтожить противника и сохранить свою машину, не причинив себе вреда». «Лавочкин» вплотную приблизился к «юнкерсу». Головачев еще немного прибавил газ, подался вперед и пропеллером рубанул по хвостовому оперению разведчика. Истребитель бросило в сторону. Павел выровнял машину, осмотрелся. «Юнкерс» падал, оставляя за собой черную полосу дыма.

Взорвался он вблизи нашего аэродрома.

Головачев посадил свою машину на летное поле. Я помычался к нему на эмке.

После тарана истребители редко возвращались домой. Павел как ни в чем не бывало стоял на крыле и посмеивался над нами: эмка так и не доехала до самолета, увязла в снегу.

Я поздравил Головачева с победой, спросил, как он себя чувствует.

— Нормально, — раздалось в ответ. — Я его деликатненько... Вот только винта жалко...

Осмотр машины показал, что надо заменить лишь лопасти винта, концы которых слегка согнулись.

Мы еще не успели добраться до штабной землянки, как прилетел командир дивизии. Генерал Захаров крепко обнял Головачева, выразил свое восхищение его подвигом и в присутствии всего личного состава полка объявил о награждении летчика орденом Красного Знамени. Боевые друзья тут же стали качать героя.

Кто-то напомнил, как французские летчики преследовали Павла, приняв его за чужого.

— Будь я на их месте, тоже, пожалуй, мог бы позариться на твой лобастый истребитель, — шутя сказал Захаров. — Кому из нас не хочется сбить «фоккера». Но французы умеют различать красную звезду. Будьте спокойны!

Наш полк перекрыл путь вражеским воздушным разведчикам для полетов над железной дорогой. Ни зима, ни метели, ни морозы не помешали этому. И хотя здесь, на севере, условия оказались намного тяжелее, чем в Причерноморье, за два месяца было совершено 385 боевых вылетов на прикрытие наземных войск. Кроме того, мы летали на перехваты одиночных самолетов, вели разведку, блокировали немецкие аэродромы. За это время полк

потерял летчиков В. Мытникова и Г. Галетку, сбитых зенитной артиллерией. Но на смену погибшим тут же прибывали новички — мы готовились к большому наступлению на фронте.

...Однажды в разгар рабочего дня на пороге моей землянки выросла фигура солдата в белой от инея шинели, в валенках, с вещмешком за плечами. Приложив руку в рукавице к шапке, он стал по стойке «смирно» и доложил:

— Товарищ гвардии майор, рядовой Лавриненков прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы!

Я остолепел от неожиданности: это был мой отец! Опомившись, радостно бросился к нему...

В салоне моей землянки пристроили еще одну кровать. Все утрясли, определили, отец занялся своими служебными делами. Мне было приятно каждый день видеть рядом отца, а вот ему быть рядом с сыном-летчиком оказалось нелегко. Условия для него, конечно, были лучше, чем раньше, но мои вылеты на задания и неизбежные потери полка постоянно выводили его из душевного равновесия. Стоило отцу узнать, что я нахожусь в полете, как работа валилась у него из рук. Он быстро подружился с Погорелым, и тот по его просьбе то и дело мчал батю на аэродром. Жизнь на аэродроме была ключом. Непрерывно взлетали и садились самолеты. И отец метался между ними, искал меня. Когда же я возвращался с задания, он встречал меня со слезами на глазах.

— Володька, как можно вытерпеть этакое пекло? — не раз говорил он. — С таким грохотом несешься вверх! И в кого только ты пошел?

Я смеялся в ответ, все превращая в шутку, а он уходил с аэродрома, чтобы вечером, оставшись наедине со мной, снова вернуться к этому разговору. Пришлось запретить Погорелому привозить отца на аэродром, особенно во время полетов. К счастью, батя постепенно свыкся с нашей беспокойной жизнью, и мы дружно прослужили с ним вместе почти до конца войны, когда его демобилизовали по возрасту.

Нашу дивизию наградили орденом Суворова. В связи с этим командование организовало товарищеский ужин. По телефону нам передали некоторые дополнительные

разъяснения: всем предложили явиться при орденах, так как за столом вместе с нами будут находиться французские летчики.

До сих пор с летчиками полка «Нормандия-Неман» мы встречались только в воздухе, сменяя друг друга в процессе патрулирования над передним краем. Их «яки» в честь цветов французского национального флага имели сине-бело-красные носы, и эти машины было очень легко узнать. Кроме того, «раяки» — так называли себя французы по радио в воздухе (идея создания полка возникла на авиабазе Раяк) — имели свой почерк боя и свободного полета. В группах летали пеленгом, ромбом, фронтом. На задания выходили одновременно дружной эскадрилей, а то и целым полком. Домой возвращались по одному, по двое. Воздушный бой строили на несколько иной, чем мы, тактической основе. Сражались французские летчики мужественно, искусно. Все они обладали молниеносной реакцией, умели выжать из машины все, на что она способна. Трогательным было их внимание к нам, своим соседям: не было дня, чтобы «нормандцы» не пролетели над нашим аэродромом, не засвидетельствовав своих дружеских чувств.

В эфире мы уже «перехватили» несколько фамилий и имен летчиков «Нормандия-Неман». Из соседних полков дошли до нас, подобно легенде, рассказы о том, как была сформирована эта необычная авиационная часть* и какие

* История 1-го отдельного истребительного авиационного полка сражающейся Франции «Нормандия-Неман» началась 4 декабря 1942 года, когда эскадрилья «Нормандия», состоявшая из французских добровольцев, была включена в состав советских Военно-Воздушных Сил. В августе 1943 года эскадрилья была переформирована в отдельный истребительный авиационный полк. В ноябре 1944 года, после того как полк отличился в боях при прорыве вражеской обороны на реке Неман, приказом Верховного Главнокомандующего ему было присвоено почетное наименование Неманский. С этого времени и принято название: полк «Нормандия-Неман», которое широко известно у нас в стране и за рубежом. Для удобства читателей оно только так дается в тексте настоящей книги.

Полк «Нормандия-Неман» действовал в тесном содружестве с советскими летчиками. Вначале французская эскадрилья находилась в оперативном подчинении 204-й бомбардировочной авиационной дивизии, а с мая 1943 года и до конца войны — в оперативном подчинении 303-й истребительной авиационной дивизии, которой командовал генерал-майор авиации Г. Н. Захаров. С этим соединением «нормандцы» прошли боевой путь от Подмосковья

подвиги совершили ее летчики в боях за советскую землю. Авиатехники без устали пересказывали подробности гибели летчика парижанина Мориса де Сейна и механика самолета Владимира Белозуба. Из уст в уста передавалось шутливое панутствие старшего летчика П. Лорийона молодому барону Франсуа де Жоффру, только что прибывшему на фронт. Звучало это панутствие примерно так: «Наше дело не такое уж трудное, барон. Ты пристраиваешься в хвост фрицу. Как только увидишь, что черные кресты прямо у тебя перед глазами и вот-вот дотянешься до них рукой, жми на гашетку. В тот же миг фриц готов для гроба. Выше голову, барон! Вскоре все это испытаешь на деле...»

Узнали мы и о том, как Лорийон таранил «фокке-вульфу», отбив ему киль крылом своего «яка». Стиль обращения «нормандцев» друг к другу быстро перенимали многие летчики и техники. «Мой командир!», «Мой капитан!» — можно было нередко услышать в то время у нас на аэродроме.

Жан Луи Тюлян, Марсель Лефевр, Пьер Пуйяд, Луи Дельфино, Жак Андре, Ролан де ля Пуап — эти имена мы произносили с особым уважением.

И вот первая встреча в просторном зале за праздничным столом. Здесь был и наш командарм Т. Т. Хрюкин, и комдив Г. Н. Захаров. Французы резко выделялись своими фуражками с полосатыми околышами и красными куртками с нашивками на рукавах.

Как только «нормандцам» представили нас, сразу началась своеобразная беседа: в ход пошли жесты, мимика и те немногие слова, которые мы знали. В центре вни-

до берегов Балтийского моря. Они участвовали в освобождении Орла, Брянска, Смоленска, Белоруссии и Литвы, в овладении Гумбиненом, Кенигсбергом и другими городами. 96 французских летчиков совершили 5240 боевых вылетов, провели 869 воздушных боев и сбили 268 самолетов противника. За боевые подвиги Советское правительство наградило полк орденами Красного Знамени и Александра Невского. Французское правительство отметило эту авиационную часть орденами Почетного легиона, Крестом войны с шестью пальмами, Крестом за освобождение и Военной медалью. Французские летчики были удостоены многих орденов Советского Союза, а четверо из них — Марсель Лефевр, Жак Андре, Ролан де ля Пуап и Марсель Альбер стали Героями Советского Союза. — *Прим. ред.*

мания оказались Головачев, Лорийон, Амет-Хан, де Жоффри, Борисов, Кастел, Королев. Я познакомился с командиром полка Луи Дельфино и с помощью переводчика завел с ним разговор.

Было что-то символическое и волнующее в этом единении советских и французских летчиков. Посланцы Франции, находившиеся вдали от родины, чувствовали себя среди нас свободно и уверенно. Радостно звучали их задорные голоса, непринужденный смех. Каждое их слово, каждый взгляд, каждое проявление чувств по отношению к советским летчикам были сердечными, теплыми, мы отвечали тем же: за столом помогали выбрать еду покуснее, до краев паливали их рюмки. Французы были столь же внимательны к нам.

Выпили за высокую награду, которой была удостоена наша дивизия, за командира, за боевое содружество... Этих тостов оказалось достаточно, чтобы разговор перешел на чисто профессиональные темы: о самолетах, о боях, о друзьях. Общая цель, высокая гуманитарная миссия, во имя которой мы вместе били врага, — все это быстро породнило нас.

Как только майор Серегин растянул мехи аккордеона, сразу образовался круг. «Нормандцы» заказали песню «Татьяна». Они знали ее и охотно подтянули нам. Потом вместе спели «Катюшу», затем французскую песню.

В перерывах между песнями то и дело вспыхивали дискуссии на летные темы.

Вот наши друзья окружили высокого, богатырского сложения офицера с мужественным, приветливым лицом. Мы не знали, кто он, лишь здесь услышали его фамилию и удивительную историю, приключившуюся с ним. Это был Александр Голубов. Он выпрыгнул из горящего самолета, но парашют не раскрылся, и с высоты бреющего полета Голубову пришлось камнем лететь к земле. К счастью, угодил в болото. Советские солдаты поспешили на помощь, но не смогли приблизиться и бросили веревку. Летчик уцепился за конец и удерживался из последних сил, пока его тащили. Много месяцев он пролежал в госпитале: у него оказалось несколько переломов, но мужской организм и воля победили. Голубов вернулся в свою дивизию. Оказалось, что его знают и любят французские летчики. Это засвидетельствовал Франсуа де Жоффри в

своей прекрасной книге*, которую я прочитал с огромным волнением спустя много лет после войны.

Вот что написано там об А. Е. Голубове:

...Слабым, едва слышимым голосом он, словно пришедший с того света, произносит слова, которые я никогда не смогу забыть:

— Товарищи летчики 18-го полка и вы, наши друзья французы из «Нормандии»... Я сожалею, что вынужден вас покинуть. Но очень скоро я вернусь и буду с вами до окончательной победы. Поклянитесь мне, что вы свято выполните ваш долг! До скорой встречи, друзья! Слава Красной Армии!

В один голос мы выкрикиваем:

— Клянемся!..

Через шесть месяцев полковник вернулся к нам. Было тяжело смотреть, как онковылял по полю, словно собранный из разрозненных частей. Но едва он немного поправился, как сразу же вылетел на очередное боевое задание во главе 18-го полка, сдержав таким образом данное им слово. Он командовал нами до окончательной победы. Этот человек сумел победить даже смерть.

Французы восхищались нашим Як-3. Мы к тому времени уже крепко привязались к «лапочкин», и кто-то из нас несколько неосмотрительно отозвался о «яках». Вот тут-то мы и почувствовали французский темперамент.

— Як-3 легок, как птица, грозен, как молния!

— Когда на нем идешь на свечу, кажется, его мощности нет предела...

— Его кабина удобна для пилота, как колыбель для малыша!

Мы спокойно выслушивали доводы разгорячившихся «нормандцев», не понимая, что травмируем чувствительные души коллег, и продолжали настаивать на своем:

— Летали мы на всех «яках»! «Лавочкин» — самый лучший истребитель! Его потолок — 12 тысяч метров!

— А мотор воздушного охлаждения! А цилиндры! Два цилиндра разбито — на остальных долетишь домой...

* Франсуа де Жоффри. «Нормандия-Неман». Пер. с франц. М., Воениздат, 1960. — Прим. ред.

Ни та, ни другая сторопа не сдавалась, спор прерывали лишь новые тосты. А закончился он тем, что Дельфино предложил мне завтра утром провести над аэродромом одного из полков товарищеский поединок «яков» и «лавочкиных». Он сам возглавит свою пару, значит, вторую пару должен вести я. Даю согласие, и мы при всеобщем одобрении крепкожимаем друг другу руки.

Честно говоря, утром следующего дня я подумал, что Дельфино уже и забыл о нашем уговоре. Но ровно в девять к нам на аэродром спикировали два «яка». Я тоже немедленно стартовал со своим ведомым. Наши бортовые оружие по взаимной договоренности было заряжено только фотопленками. Начался «бой». За ним с земли следили сотни людей. Мы вертелись сорок минут. Я на своей машине после каждой «атаки» значительно быстрее «яка» брал «горку» до восьми тысяч метров, а с высоты всегда лучше нападать. Мы «сражались» вполне серьезно, что подтвердила потом фотопленка.

События, происшедшие некоторое время спустя, не позволили подвести итоги этого необычного соревнования, определить победителя. 13 января 1945 года 3-й Белорусский фронт перешел в наступление. Нам, авиаторам, пришлось очень много летать, вести ожесточенные воздушные бои, умножая славу и «яковлевых» и «лавочкиных» в поединках с врагом.

Командуя полком, я полнее почувствовал роль и значение политико-воспитательной и партийно-политической работы в коллективе, ее благотворное влияние на повышение боеготовности части. Особенно ощутимыми были результаты этой работы в канун наступления и в дни напряженных боев. Тесный контакт с заместителем по полкчасти гвардии подполковником Фуптовым, секретарем партбюро полка гвардии капитаном Ф. Бабиным и комсоргом Д. Каценом очень помогал мне, как командиру полка.

Перед нами лежала Восточная Пруссия — старое гнездовье немецкой военщины, укрепленный рубеж, сильно насыщенный огневыми средствами. Людей надо было готовить к тяжелым боям, и мы упорно занимались этим.

...Залпы тысяч орудий рвали бетон, крушили камень и железо. Эта картина невольно напоминала нам, участникам битвы на Волге, зиму 1942/43 года.

Здесь, на границе Восточной Пруссии, тоже разворачивалось грандиозное сражение.

Оборонительная тактика противника определила и введение его авиации. С первых вылетов мы почти не встречали немецких истребителей — они избегали стычек, признав наше превосходство в воздухе. В то же время гитлеровские пилоты искали случая напасть на «петляющих» или «ильюшковых», чтобы не допустить бомбардировки своих войск.

Мы летали много, почти в любую погоду. Боевая работа была такой же интенсивной и напряженной, как в Сталинграде и в Крыму. Мы перехватывали «мессершмитты», охраняя наши ударные силы, и одновременно отражали массированные налеты бомбардировочной авиации противника. Алелюхин, Амет-Хан, Головачев, Твеленев, Плотников успешно вводили в бой молодых.

В районе Гольдана Твеленев встретил свыше 40 «юнкерсов». До расположения советских войск оставалось несколько километров, истребители решительно ринулись на бомбардировщиков. Два «юнкерса» сразу были сбиты. Некоторые из них сбросили смертоносный груз куда попало и спаслись бегством. Но одна группа упорно пробивалась вперед. Истребители, выйдя из атаки, дружно навалились и на нее. Еще два «юнкерса» рухнули на землю...

И подобные схватки происходили ежедневно — авиация надежно прикрывала свои войска, которые прорвали оборону гитлеровцев и упорно продвигались на запад, в направлении Кенигсберга, с каждым днем все плотнее прижимая фашистов к морю. В эти дни я участвовал во многих боевых вылетах, но уйму времени забирали и полевые, «земные» обязанности. Ведь теперь я отвечал не только за себя, за звено, за эскадрилью, как было раньше, а за весь полк!

А между тем подошло время очередного перебазирования.

Оставив Алелюхина и Фунтова в полку, мы с Погорелым на испытанной эмке отправились в неизведанный путь. Надо было подыскать подходящее для нового аэродрома место на очищенной от врага территории. Дело в том, что фашистская авиация действовала с ближних аэродромов, а мы — с дальних, что усложняло боевую работу. Я должен был сегодня же доложить командарму, куда мы решили перебазироваться.

Ни Погорелый, ни я не знали дороги. Пробивались по месиву из грязи и снега, лавируя между воронками, железобетонными глыбами, разбитой военной техникой. Мрачная, притихшая земля казалась пустынной. Ни к кому не обратиться с вопросом, нигде не погреешься, не перекушишь. Машины — сзади, машины — впереди, и все держат путь, как и мы, на запад.

С помощью карты я сориентировался на местности, определял, сколько проехали, приказал остановиться. Судя по звуку взрывов и выстрелов, нам следовало уже сворачивать в сторону. Свернули. Несколько километров ехали проселком. Вдали открылась заснеженная равнина, за ней — темнеющий лес. Черные воронки свидетельствовали о недавнем бое. Остановились среди поля. Место, подходящее для аэродрома. Но как проверить состояние всей интересующей меня площадки? Грузовая машина из БАО, ехавшая за нами, где-то отстала и неизвестно когда прибудет.

— Давай, Вася, пройдем вон к тому пригорочку, — предлагаю я.

Погорелый, прищурившись, смотрит мне в глаза:

— А не лучше ли обождать саперов?

— Нет, ждать не можем. Вперед, Вася!

Место оказалось хорошим, поле — лучше не найдешь. А тут как раз подъехал и наш грузовик. Я распорядился, чтобы инженер БАО готовил летную полосу. А мы с Погорелым направились к стоявшим в стороне одиноким домикам.

Уныло выглядит жилище без людей. Мы заглянули в несколько домов — нигде ни души, все брошено. Нам было известно, что геббельсовская пропаганда запугивала население «жестокостью» большевиков. И теперь увидели, как подействовала эта пропаганда.

Решили заглянуть в большой сарай: судя по его размерам, туда можно было бы ставить машины. Я открыл дверь — и отпрянул: в сарае было полно народу.

Люди молчали. Мы с Василием подошли ближе. Я не знаю немецкого и попытался объяснить жестами, что мы никого не тронем. Меня поняли. Кое-кто даже улыбнулся в ответ. Я указал на дома, предложил туда возвратиться.

В феврале бои отличались особой жестокостью. Окруженные, прижатые к морю, блокированные с воздуха,

фашистские войска оказались в том же положении, как в свое время армия Паулюса в Сталинграде. На помощь им прибыла новая авиагруппа отборных асов, чьи самолеты были украшены драконами и червонными тузами. Над Кенигсбергом шли многоярусные тяжелые бои нашей авиации с авиацией неприятеля.

Вскоре мы перебрались еще ближе к фронту, на бывшую базу люфтваффе. Здесь же приземлился и полк «Нормандия-Неман». Французские летчики расположили свои «яки» по одну сторону полосы, мы свои «лавоочкины» — по другую. Жилые помещения также распределили поровну.

В просторных ангарах с открывающимися и закрывающимися с помощью электромоторов воротами стояли в полном порядке немецкие самолеты различных марок. Среди них — и самолет для туристов «Мессершмитт-108», вокруг которого сразу собралась толпа авиаторов. Привел своих летчиков и Луи Дельфино.

— На таком «мессере» я согласен хоть сегодня вернуться в Париж! — воскликнул он.

— Если бы фашистские зенитки не угощали нас горячим свинцом, — дополнил кто-то из его друзей.

Подогреваемая снизу бетонированная полоса была всегда чистой и сухой, поэтому оба наших полка могли взлетать в любую погоду. На Кенигсберг ходили в те дни и «петляковы», и «ильюшины», и даже транспортные Лп-2. Все они засыпали бомбами защищенные бетоном и железом вражеские артиллерийские батареи. Этим же курсом летали и наши полки. Навстречу нам с последних аэродромов, расположенных в районе окружения, то и дело поднимались «мессершмитты» и «фокке-вульфы». Взлетая в сторону моря, они набирали высоту, а затем из-за облаков или со стороны солнца напали на наших бомбардировщиков. Мы старались перехватить вражеские машины еще над морем, но иногда они прорывались сквозь заслоны. Однако в любом случае бои проходили быстроходно. Фашистские истребители, завидев нас, убивались, давая возможность вести огонь своим зенитчикам. Кстати сказать, ни до, ни после я не встречал такой плотности зенитного огня, как над Кенигсбергом.

...Только что за горизонтом скрылась эскадрилья «лавоочкиных» — ее повел гвардии старший лейтенант Николай Киреев, воспитанник Амет-Хана и его заместитель.

Поддерживая связь с Киреевым, мы с аэродрома следили за командами ведущего и обстановкой в воздухе. Киреев сообщил товарищам, что видит истребителей противника, дал команду подтянуться, приготовиться к бою и попросил прикрыть его. Потом вдруг стали слышны голоса других летчиков, а Киреев почему-то умолк.

Тем временем с аэродрома взлетели шесть «яков» наших соседей. Они тоже взяли курс на Кенигсберг. У летчиков полка «Нормандия-Неман» свой, отдельный район патрулирования, но, если Кирееву придется тяжело, они тут же нарушат «границу» и вступят в бой с вражескими истребителями.

Все произошло так, как мы предполагали. Французские летчики бросились на выручку своим русским друзьям...

Вот и возвращается наша группа. Машины по одной заходят на посадку. Первым садится самолет, появившийся над аэродромом последним. Его пропускают все остальные. Еще невозможно разглядеть бортовой номер. Чья машина? Самолет вдруг как бы проваливается, зависает на миг у самой земли, потом ударяется колесами, снова взмывает, но, сохранив равновесие и направление движения, опять касается бетонки, катит по ней.

Это «лавочкин» Киреева! Он остановился совсем не там, где положено, и мотор сразу заглох. Фонарь не открывался. Летчик с места не поднимался. Что это значит?

Я на эмке обогнал санитарную машину и вскочил на крыло самолета.

Сколько раз мне приходилось видеть кровь своих товарищей! Но особенно тяжело было увидеть ее разбрызганной по кабине только что приземлившегося истребителя.

Зенитный снаряд, пробив борт машины, разорвался прямо перед глазами летчика. Каким чудом Киреев остался жив, как он удержал штурвал — казалось просто загадкой.

Тяжело раненого летчика мы перенесли в санитарную машину, и она тут же умчалась. Теперь необходимо было убрать с полосы «лавочкина», ибо с минуты на минуту должны появиться «нормандцы». Я отдал соответствующее распоряжение, и мы вернулись на КП, чтобы сформировать новую группу для полета на злополучный Ке-

нигсберг. Едва переступили порог, как опять раздался пронзительный звук сирены санитарной машины. Он дошел с противоположной стороны летного поля. Значит, и там садился подбитый истребитель... У меня похолодело сердце. Я знал, как болезненно переживали французские летчики каждое ранение друга, а тем более его потерю.

Через несколько минут стали известны подробности трагического события у наших соседей. В кабине Ревершона также разорвался снаряд. Пилоту перебило ногу и ранило в руку. И все же он посадил самолет. Но при ударе о землю покалечился еще сильнее. В очень тяжелом состоянии его вслед за Киреевым отправили в госпиталь*.

Прижатая к морю и разрубленная на три отдельные окруженные группировки, немецко-фашистская армия в Восточной Пруссии продолжала оказывать упорное сопротивление, а иногда переходила в контратаки. У гитлеровцев появились новейшей модификации истребители «Мессершмитт-109-Г», обладающие способностью к отвесному пикированию. Новинка эта состоит в том, что самолет, преследуя противника, как бы камнем падает с высоты. Выполняется этот маневр благодаря особой системе обогащения горючей смеси.

Именно на таком вертикальном пикировании «мессершмитт» догнал французского летчика Блетона, и тот вынужден был выброститься из горящей машины на парашюте. Наши летчики и «нормандцы» видели с высоты, как Блетона на земле схватили гитлеровцы. Теперь при встрече с «нормандцами» мне каждый раз приходилось успокаивать товарищей рассказом о том, как я сам вырвался из плена и вернулся к своим. Да и у французов уже был подобный инцидент. Их летчик Фельдзер, сбитый в воздушном бою, вытерпел страшные муки того же концлагеря, в котором находился советский летчик Михаил Девятаев. Девятаев, как известно, бежал из неволи на немецком самолете. Фельдзер тоже вырвался из концлагеря, прошел через всю Германию, попал во Францию, а оттуда снова вернулся в родной полк.

* Большой радостью было для меня, когда в упоминавшейся уже книге Франсуа де Жоффра я прочитал, что советским врачам удалось спасти Ревершона. — *Прим. авт.*

Блетона я знал лично, видел его в бою. Этот храбрый человек с честью выдержал выпавшее на его долю испытание. Гитлеровцы перевезли его из Пиллау в Мекленбург. Город ежедневно бомбили «петляковы». Как-то, воспользовавшись паникой во время бомбежки, Блетон ушел из-под охраны, бежал и вскоре присоединился к наступавшим на Мекленбург советским войскам. Затем он вернулся на По-2 в свой полк и прославился еще не одним подвигом.

Терять боевых друзей, когда победа уже близка, было особенно тяжело.

В феврале в труднейших боях от огня зениток погибли молодой летчик Иван Ковалев и один из ветеранов полка мой друг Анатолий Плотников. С каждым днем, приближавшим нас к победе, все тяжелее воспринимало сердце гибель боевых побратимов. Анатолий Плотников — боль моя, вечная скорбь, незаживающая рана в душе. Мой ведомый, потом командир звена, в последнее время он являлся начальником воздушно-стрелковой подготовки полка. Не было, по-моему, у нас человека, умевшего так метко стрелять, так далеко видеть в полете, так точно и ярко рассказывать о перипетиях проведенного боя, так грамотно анализировать действия участников боевого вылета. Анатолий Плотников, героической и доброй души человек, погиб в дни напряженных боев. Мы несколько раз летали вдвоем над заливом Фриш-Хаф, как когда-то ходили на Черное море. Там, от косы Фрише-Нерунг, по льду, укрепленному ветками, сеном, настилами, пролегали дороги, по которым шло снабжение Кенигсбергского гарнизона. Там мы с Плотниковым уничтожали боевую технику и живую силу врага.

Наша свободная охота в тот последний раз тоже была успешной — мы умели находить противника. В то утро мы проскочили далеко в море, чтобы внезапно напасть на автоколонну, двигавшуюся по ледяной дороге. Тут-то я и заметил некоторые изменения в наземной обстановке: оказывается, ночью по заливу прошел вражеский ледокол, который провел к причалу самоходные баржи и катера. Войска противника потоком хлынули к ним, начали грузиться. Сделав небольшую горку, я пошел в атаку. С барж по нас неожиданно открыли огонь зенитки. Мой

самолет успел проскочить огневую завесу, а самолет Плотникова, повторив мой маневр, попал прямо под обстрел. Когда я оглянулся, «лавочкин» моего ведомого уже дымил. Через несколько минут он вспыхнул, но продолжал лететь: Анатолий пытался дотянуть до берега. И он достиг цели, но машина стала неуправляемой, рухнула на землю.

Я прилетел домой один. Случившееся потрясло меня. Не было ни сил, ни желания выходить из кабины, рассказывать о гибели друга...

В тот же день, 17 февраля 1945 года, в приказе Верховного Главнокомандующего среди армий, корпусов и дивизий, отличившихся в боях за взятие восточнопрусских городов Вормдитт и Мельзак, были названы также фамилии командиров двух авиационных полков — майоров Лавриненкова и Дельфино. Наш полк такой высокой чести удостоился впервые...

Фашисты, отступая на север, приблизились к нашему благоустроенному аэродрому. Они уже начали обстреливать нас, когда мы взлетали или садились. Но мы с «нормандцами» все же сумели отметить здесь День Красной Армии и Военно-Морского Флота. Ни горестные потери, ни артиллерийский обстрел не нарушили этой традиции.

Мы пригласили французских летчиков в столовую. Накрытые столы, песни, горячие рукопожатия и теплые слова оставили у всех незабываемое впечатление. В руках Григория Пухова, того самого, который аккомпанировал нам еще в Ростове, и на этот раз оказался баян. Мы танцевали, пели, обменивались в качестве сувениров теми немудреными вещами, какие имелись у каждого. И конечно, поминали друзей, тех, кто погиб в Восточной Пруссии. Война, хотя и шла к концу, еще бросала нам в лицо порывы смертельных ветров.

Вместе с соседями, нашими боевыми друзьями «нормандцами», мы перебазировались подальше от фронта. Мартовские дни стали длиннее, небо — выше. В эти дни советские войска пошли на решающий штурм укреплений противника. Авиаторы тоже не сидели сложа руки — выискивали и уничтожали «мессершмиттов». Гитлеровцы, правда, пытались подлавливать нас. Именно в связи с этим мне в последние месяцы войны нередко приходилось пресекать отдельные проявления беспечности и бравады со стороны наших летчиков.

Как-то поднялись в воздух три пары на прикрытие наших войск. Ведущий — бывалый боец гвардии капитан Борис Масленников, с ним его соратник Сергей Елизаров и молодые фронтовики Михаил Хвостов, Борис Чубуков, Василий Девятов, Владимир Уткин. Все новички уже встречались с противником, имели некоторый опыт воздушных боев, и поэтому я был спокоен за них: прошли те времена, когда фашисты по вызову своих бомбардировщиков могли выставить против нашей четверки восемь, а то и десять истребителей.

Услышав по радио голос Масленникова: «Прикройте, атакую», мы на КП обрадовались. Попались-таки нашим ребятам на зуб «червонные тузы»! Потом до нас долетел чей-то возглас: «Вижу, горит «фоккер»!» После этого в эфире на несколько минут воцарилось молчание. Лишь некоторое время спустя донесся призыв о помощи Бориса Чубукова. На выручку шестерке Масленникова по сигналу ракеты взлетело дежурное звено Амет-Хана. Над Кенигсбергом разыгралась большая, острая схватка. Потом мы услышали, что Масленников и Елизаров сбили второго «фокке-вульфа».

Время пребывания в воздухе первой группы заканчивалось, я с волнением вглядывался в горизонт, ожидая самолеты. Первым возвратилось звено во главе с Амет-Ханом, с ним и прилетел Борис Чубуков. Где же Масленников, Елизаров, вся пятерка? Ага, вот и они. Но их лишь четверо. Нет Михаила Хвостова.

Спрашиваю приземлившегося Масленникова, где его напарник, а он в ответ о том, как вели бой, как гонялись за «фоккерами».

— Где Хвостов? — переспрашиваю его.

— Не знаю... Потерял в круговерти... И Хвостова, и Чубукова.

— Сколько же было «фоккеров»?

— Одна пара, — еле выговорил вконец расстроенный Масленников.

Решил послушать, что скажет лейтенант Чубуков, вдумчивый, не поддающийся азарту и панике молодой истребитель, недавно пришедший в полк с пополнением. При разговоре присутствовали Амет-Хан и начальник штаба Никитин. Здесь же находился и Масленников. И хотя Борис был очень возбужден, я не заметил, чтобы он преувеличивал чью-либо вину.

А произошло, оказывается, вот что.

— В воздухе было шесть «фоккеров», — волнуясь, начал Чубуков. — Но вы, товарищ гвардии капитан, — обратился он к Масленникову, — заметили лишь одну пару, бросились за ней. А гитлеровцы, видно, внимательно следили за вами. Они сразу навалились на нас с Хвостовым — ведь мы были крайними в строю «фронт». Хвостовым удалось подбить, а я долго отбивался от наседавшей четверки... Если бы не подоспел гвардии майор Амет-Хан, неизвестно, чем бы все кончилось для меня: мне еще не приходилось драться одному против четверых...

Все, кто присутствовал на разборе, поддержали Бориса Чубукова. Он действительно заслужил похвалу за то, что разгадал хитрость противника с приманкой и особенно за мужественное сопротивление «фоккерам». К счастью, все обошлось благополучно. Вечером появился Михаил Хвостов — ему удалось посадить поврежденный самолет у самой линии фронта...

В начале апреля полк перелетел на аэродром вблизи Хайлигенбайля, расположенного почти у самого моря. Со всем недавно наши «петляковы» сыпали сюда бомбы, а истребители поливали аэродром свинцом. Железные ангары, укрепленные капониры, бетонированные укрытия, между прочим, не сильно пострадали от налетов и очень пригодились нам.

По стоянкам наших машин и даже по людям иногда с косы Фриш-Нерунг постреливал противник — там еще действовали причалы. Полоска земли в море являлась для гитлеровцев той соломинкой, за которую хватается утопающий. Мы совершали налеты на транспортные суда, встречали над морем истребителей, посланных из дальних баз. Друзья французы взлетали теперь с другого аэродрома, и наши маршруты пересекались над местами сражений наземных войск. Враг не сдавался. Он прекрасно понимал, что недалек день, когда советские войска двинутся на Берлин, и делал все, чтобы нанести нам как можно больший урон.

Теперь нам часто приходилось летать над морем, которое почти ежедневно штормило. Истребители беспощадно обстреливали баржи, корабли, плоты, на которых удирали, боясь расплаты, фашистские завоеватели. По рукам сами отпускали гашетки, как только в поле зрения попадало плывущее на волнах бревно. У каждого из нас

воскресала в памяти история французского летчика Франсуа де Жоффра, человека непревзойденной стойкости и неизмеримого самообладания.

В начале апреля советские войска приступили к штурму крепости Кенигсберг. Советские самолеты всех видов обрушили на этот форпост фашистской обороны тысячи бомб и снарядов. То и дело поднимались со своих аэродромов истребители, в том числе и полка «Нормандия-Неман». Чтобы очистить небо, они встречали врага еще над бурным морем. Тяжелее всего было для нас блокировать немецкие аэродромы. Хотя сохранились уже немногие из них, они были надежно защищены множеством зенитных пушек. До тех пор пока существовали эти аэродромы, нельзя было окончательно подавить фашистскую авиацию. Мы ходили группами поочередно с «нормандцами» на Пиллау и Нойкурэн. И неизменно нарывались на зенитные заслоны.

Франсуа де Жоффри был в числе 32 французских летчиков, участвовавших в налете на аэродром Пиллау. Запустив моторы, наши друзья звеньями по четыре совершали разбег чуть не вплотную друг к другу и взмывали в воздух (они были искусными мастерами!). «Нормандия-Неман» в тот день повел на врага сам Луи Дельфино.

Фашисты узнали «нормандцев» по боевому почерку и трехцветным кокам и встретили их брошенным в эфир предупреждением:

— Внимание! Французы!

К слову сказать, гитлеровская разведка всячески пыталась узнавать фамилии и место жительства французов, которые воевали против них в составе полка «Нормандия-Неман». «Нормандцы» знали это, не случайно каждый из них имел свой пароль и только им пользовался в воздухе. Наши друзья знали и о том, какая судьба ждет их, попади они в руки фашистам... Самолет Ива Бизьена упал на оккупированной советской территории близ Спас-Демеска. Гитлеровцы пошли у мертвого летчика документы, в которых было указано, что его родители живут в Дьене. Отец, мать, брат и сестра Ива Бизьена были немедленно арестованы и уничтожены...

В том полете 27 марта 1945 года отважные французы, встреченные под Пиллау «фокке-вульфами» и «мессершмиттами» новейших образцов, сражались героиче-

ски. Как рассказывал потом Франсуа де Жоффри, они жаждали победить или умереть. Но их группа рассыпалась в потемневшем от дыма небе, Франсуа остался один, на его машину навалилось несколько немецких истребителей. «Як» запылал. Штопор и пламя вынудили летчика покинуть кабину, хотя внизу бушевало море.

Он упал в холодную воду, только что очистившуюся ото льда.

Пытаясь добраться до берега, летчик уцепился за какое-то бревно. По нему застрочили «мессершмитты». Гитлеровцы, находившиеся на берегу, начали соревноваться в стрельбе по живой мишени. Так, между жизнью и смертью, де Жоффри пробыл более десяти часов в ледяной воде. Причем все это время он находился точно в створе нейтральной зоны. Франсуа уже не чувствовал холода — тело окоченело. Но все же он медленно приближался к берегу.

Под ноги пошла какая-то опора, вроде бы свая. Потом увидел солдат в меховых шапках и серых шинелях, вооруженных автоматами с круглыми дисками. Свол! Можно звать на помощь.

— Товарищи, здесь французский летчик полка «Нормандия-Неман»! Я ранен! — собрав силы, закричал де Жоффри.

В небе вспыхнула осветительная ракета. Какой-то солдат бросился в воду, протянул руку, вынес Франсуа на берег. Солдат спешил: недалеко были фашистские автоматчики, прочесывавшие берег.

Я очутился в воронке от снаряда, переполненной советскими солдатами, — писал впоследствии Франсуа де Жоффри. — Наступление в самом разгаре. Небритые лица с любопытством разглядывают меня. Мое сердце бьется, я живой, но не могу больше произнести ни единого слова. Советский капитан осматривает меня, он замечает на превратившемся в лохмотья кителе орденом Отечественной войны. Его лицо озаряется улыбкой, он наклоняется и крепко целует меня. Этот жест останется навсегда в моей памяти как высшее проявление дружбы бойцов, сражающихся за общее дело...

Де Жоффра спасли советские воины и выводили советские врачи. Он еще летал на своем «яке» над заливом, над Пиллау. О тяжелом испытании, которое он пережил, рассказали в первых числах апреля французские летчи-

ки, совершившие вынужденную посадку на нашем аэродроме. Но с особым волнением я прочитал об этом случае в блестяще написанной книге самого Франсуа де Жоффра «Нормандия-Неман».

События с каждым днем приближались к закономерной развязке. Бои в Восточной Пруссии подходили к концу.

Наш полк получил приказ перелететь в Польшу и влиться в войска, действовавшие на главном направлении. Летчики, техники, механики, мотористы, весь личный состав полка восприняли этот приказ с большой радостью. Да и как было не радоваться! Ведь это означало, что нашему гвардейскому Одесскому ордена Красного Знамени полку, который достойно прошел с боями путь в несколько тысяч километров, предстояло наконец проложить на своих картах маршруты на Берлин.

Никогда еще не видел я своих однополчан такими одухотворенными, как в день, когда мы готовились к перелету. Работали на редкость дружно. Командование выделило нам столько транспортных самолетов, что мы смогли сразу поднять весь полк.

Я улетаю из Восточной Пруссии, с сожалением оставляя там верных боевых друзей из полка «Нормандия-Неман», но верил, что мы еще не раз встретимся и навечно сохраним в душе искреннюю привязанность друг к другу, верность фронтовому братству.

МЫ — В БЕРЛИНЕ!

Тридцать минут полета — и мы из пасмурной Восточной Пруссии перенеслись в Польшу. Люди, природа, постройки — все здесь было иным. Весна властно вступала на освобожденную от гитлеровской орды землю. Летное поле зеленело молодой травой, нежно голубело небо.

Пока разместили самолеты, освоили отведенные под штаб помещения, прибыли «дугласы» с техниками и имуществом. До самого вечера занимались устройством на новом месте, подготовкой к завтрашним полетам. Было уже темно, когда незнакомая эмка остановилась у отве-

денного для нас домика. Не успели расположиться, как в дверь раздался стук и вслед за тем в комнату вошел офицер в авиационной форме. Человека этого я вроде бы не знал, но у него была удивительно знакомая улыбка. Я стал украдкой рассматривать гостя.

— Не узнаете? — весело спросил он, явно стремясь прервать затянувшуюся паузу. Услышав голос, я сразу все вспомнил. Передо мной стоял Горбачев.

— Алексей Николаевич! — радостно бросился я к нему.

Мы крепко пожали друг другу руки, с кинематографической быстротой восстанавливая в памяти события почти трех бурных военных лет.

— Товарищ дважды Герой, нехорошо забывать старых знакомых! А вот вас действительно не грех и не узнать! — взволнованно прознес Горбачев.

— Рад, очень рад встрече, товарищ подполковник...

— Это приятно. А я горжусь успехами старшего сержанта Лаврипенкова...

— Да что там, — отмахнулся я. — Нам всем есть чем гордиться: до Берлина рукой подать!

— Что верно, то верно!

Нам принесли ужин, и потекла беседа. Вспомнили тесную караулку на аэродроме вблизи совхоза «Гигант», встречу в старой Мечетинской, пути, что привели нас на рубеж решающей битвы. Горбачев рассказал, как эвакуировался с авиаучилищем с Кубани, как не скоро попал в действующую армию.

— Сейчас я — в штабе корпуса. Инспектором. Летаю в составе полковых групп на боевые задания. Службой доволен. Все идет своим чередом... А за тебя рад, так рад... — Лицо Горбачева со следами шрамов, напоминавших о тяжелых днях войны, светилось каким-то внутренним светом. Оп, как и все мы, явно переживал огромный духовный подъем.

Я тоже рассказал Алексею Николаевичу о себе. Потом разговор перешел на близкую обоим тему: воздушные бои, летчики, самолеты. Не забыли и тех товарищей, кто в глубоком тылу занимался учебной работой, готовил летчиков для фронта. Оба хорошо знали, что инструкторы, отправляя своих питомцев в боевые полки, сами рвались на передовую и болезненно переживали отказы.

— Очень трудно было вырваться оттуда! — горячо сказал Горбачев. — Знаете, почему я в свое время пошел навстречу вам, Лавриненков? Потому что понял: вас все равно не удержишь. А пока бы вы добились своего, могли нанести беду себе и испортить немало нервов окружающим...

Приятно мне было услышать эти слова от старшего офицера, моего учителя, а теперь тоже воздушного бойца.

— Я всегда буду благодарен, Алексей Николаевич, за то, что вы тогда помогли мне. Не будь этого — вся жизнь моя могла сложиться совсем иначе. Даже страшно подумать... — Сказал это и тут же вспомнил печальную историю одного из наших летчиков, которая не давала мне покоя. После разговора с Горбачевым она стала для меня еще более попятной. А история эта такова.

Летчик, о котором идет речь (назовем его Борисом Ивановым), молодой, энергичный лейтенант, тоже бывший инструктор, мечтал о боевых вылетах, атаках, победах, славе, жил мыслью хотя бы однажды побывать в настоящей воздушной схватке, сразить противника, предстать перед товарищами с заслуженной боевой наградой. Стремления Иванова можно было лишь приветствовать, если бы они были продиктованы не только тщеславием. В этом, к сожалению, я не уверен. И жалею, что очень недолго знал Бориса, чтобы иметь право утверждать обратное. Переводом в наш полк он добился с помощью брата, служившего в одном из вышестоящих штабов, и прибыл к нам уже в конце войны. В то время советская авиация безраздельно господствовала в воздухе. Новичку в такой обстановке было весьма непросто добиться, чтобы о нем заговорили однопольчане. А Борис мечтал заслужить признание товарищей, самоутвердиться среди испытанных воздушных бойцов. Желание добиться цели любой ценой притупляло у него чувство бдительности, порождало беспечную самоуверенность, пагубную для летчика. И беда не заставила себя ждать.

Помню, в апреле 1945 года, когда мы завершали разгром окруженной в Кенигсберге вражеской группировки, гвардии лейтенант Борис Иванов, погнавшись за одним из последних «мессершмиттов», которые еще решались подниматься в воздух, пренебрег элементарными правилами ведения боя и в результате подставил свой самолет под огонь фашистского истребителя.

Это была последняя боевая потеря нашего полка — горькая и бессмысленная...

Нелегкую науку проходил на фронте человек, прежде чем стать настоящим воздушным бойцом. Не каждому она была под силу. Не под силу оказалась эта наука и Борису Иванову. Мы жалели его и досадовали. Досадовали, потому что за всем случившимся видели только бесслабую удачу и бессмысленную погоню за призрачной славой.

Внимательно выслушав меня, Алексей Николаевич неожиданно спросил:

— О Кожедубе слышал?

Имя моего товарища по Чугуевскому училищу прозвучало неожиданно, я даже не сразу сообразил, что речь идет об Иване Кожедубе. А когда понял это, сказал:

— Мы с ним не один пуд соли съели в училище!

— Так вот, заговорил я о нем не случайно. Иван Кожедуб тоже два года просился на фронт и только на третий получил право пересест с двухместного учебно-тренировочного самолета на боевой. Думаю, у него было не меньшее желание сбивать «мессеров» и «фоккеров», чем у Бориса Иванова. И Кожедуб сбивал их! Только за десять дней боевых действий он уничтожил над Киевом одиннадцать фашистских самолетов! Такого успеха мог добиться только большой мастер своего дела. А подлинного мастера никогда не достигнет тот, кто пренебрегает накопленным до него боевым опытом, кто нарушает выработанные практикой правила и не соблюдает требования дисциплины. Летчик же, о котором ты рассказал, предал забвению все эти принципы и жестоко поплатился за легкомыслие. Согласен ты с этим, товарищ Лавриненков?

Это была принципиальная, трезвая оценка случившегося. И я был полностью согласен с Горбачевым. Трагическая гибель Бориса Иванова еще раз напомнила нам, что война есть война, что ее законы неуловимы, что за любые просчеты приходится расплачиваться кровью.

Вдоволь поговорившись с Алексеем Николаевичем, мы условились, что вместе полетаем над Берлином, и вышли на улицу. Ночное небо было усыпано звездами. Высоко над головой гудели тяжелые самолеты — авиация дальнего действия несла свой бомбовый груз в сторону укрепленного противника.

— Завтра будет работа и нам! — сказал я Горбачеву, и мы расстались.

Утром выяснилось, что наш полк намечено включить непосредственно в бой за взятие Берлина, а пока нам было предложено отдыхать, набираться сил. Вскоре подали автобус, и летчики отправились на экскурсию в Познань.

В тот день мы впервые прогуливались по улицам заграничного города. В Познани не было никаких разрушений, будто война обошла ее стороной. В городе уже открылись магазины, кинотеатры, базары, костел зазывал к себе верующих утрепным звоном. Мы с интересом осматривали дома, витрины магазинов, вглядывались в лица местных жителей. Интересно, что они думают о происходящем, как относятся к нам?

Позже мы имели возможность убедиться, что пострадавший польский народ, как и народы других освобожденных от фашизма стран, видел в нас своих спасителей, которые принесли им покой, мир, счастье. Это очень окрыляло нас, помогало глубже понять значение великой освободительной миссии советского народа...

Так и не совершив ни единого вылета, полк снова погрузился в «дугласы». Я с командирами эскадрилий проработал маршрут до Респена, расположенного у озера возле Франкфурта. Мы знали, что советские войска успешно ведут решающее наступление, что они прорвали укрепления неприятеля и подавили бешеное сопротивление немецко-фашистских дивизий. Поэтому невольно опасались, что самое главное свершится без нас. А между тем каждый солдат и офицер нашей части мечтал воевать именно на берлинском направлении, чтобы своими глазами увидеть, как расползется по швам и рухнет «непобедимая» гитлеровская военная машина.

Пролетев сто с лишним километров, мы оказались над линией фронта. Рядом, по ту сторону Одера, шло жестокое сражение с врагом.

События, связанные со штурмом фашистского логова, никогда не померкнут в памяти участников Берлинской наступательной операции.

Весеннее солнце щедро заливало землю своими лучами, цвели сады, весело зеленели обочины военных дорог,

а за Одером поднимались черные столбы дыма, полихали пожарища, небо бороздили боевые самолеты.

...Выполняя боевую задачу, мы прошли над Одером, над разрушенным Франкфуртом, над темными лесами, которые тоже были окутаны дымом. Небо было чистым. Промелькнувшие невдалеке несколько вражеских самолетов поспешно ретировались, не вступая в бой. А потом случилось неожиданное. Нам встретилась группа фашистских истребителей, летчики которых вели себя так, что мы поняли: хотят сдаться в плен. Мы привели группу на свой аэродром, и гитлеровцы произвели нормальную посадку — видимо, раньше им приходилось отсюда летать. Срулив с посадочной полосы, немецкие пилоты выключили моторы, вылезли на крыло, подняли руки. Как были не похожи эти сгорбившиеся фигуры в помятых вылинявших мундирах на тех фашистских молодчиков, с которыми я лоб в лоб встречался в небе Сталинграда и Донбасса!..

Возвращаясь из полета, ветераны полка Амет-Хан, Алелюхин, Головачев, Тимофеев, Остапенко, Тарасов, Борисов, Королев первым делом спешили на КП. Как обычно, докладывали о выполнении задания, а по голосу, по выражению лиц нетрудно было догадаться: не только выполнили задание, но и пролетали над Берлином. Я хорошо понимал состояние боевых друзей, потому что сам испытывал то же чувство гордости за свой народ, за свою Родину, за свою партию. И мне тоже не терпелось пролететь над столицей фашистского рейха, встретить в небе одного из тех, кто за Волгой сбил Тильченко, кто поджег над Крымом машину Карасева, кто продолжал бессмысленную кровавую бойню в Восточной Пруссии и еще не сложил оружия в Берлине.

Наконец я увидел под крылом своего истребителя затупутый тучами дыма Берлин. Группе, с которой я летел, хватило горючего лишь для того, чтобы один раз проскочить над городом, но картина была столь впечатляющей, что мы были вполне удовлетворены увиденным.

На аэродроме нас ожидал приказ немедленно перебазироваться в район Фюрстенвальде. Полк шел следом за передовыми частями. Наступление развивалось молниеносно. Несколько дней назад 800 бомбардировщиков дальней авиации нанесли удар по опорным пунктам неприятеля и берлинским аэродромам. 16-я воздушная армия, в

которую мы теперь входили, совершила два массированных налета (в них участвовало 1486 «петляковых», «ильюшиных», «лавоочкиных»).

В Фюрстенвальде полк задержался лишь на один день. Этот день запомнился тем, что над нашим аэродромом промелькнул какой-то странный самолет. Летчик, вероятно неожиданно для себя, увидел на поле, где еще вчера стояли «мессеры», наши «лавоочкины» и взял такую крутую горку, что сразу растаял в небесной голубизне. Мы удивлялись скорости и необычному силуэту этой машины.

Тем временем поступил приказ срочно перелететь на аэродром, расположенный на одной из окраин фашистской столицы. Разложив на столе карту Берлина, мы легко нашли интересовавший нас пункт Шенефельд. Аэродромная команда быстро погрузилась на автомашины. Я сначала полетел на новую базу один, чтобы осмотреться, оценить обстановку.

Шенефельд... Берлинские богатеи знали, где возводить свои дачи: лес, живописные поляны, красивые дороги...

На горизонте серой стеной проступал город.

Передовая команда нашего полка находилась уже на аэродроме.

«Можно садиться?» — спросил я по радио и, получив утвердительный ответ, направил машину к бетонированной полосе, на которой густо чернели свежесыпавшие воронки.

Пока рулил, успел осмотреться. На краю аэродрома увидел полуразрушенные широкие ангары, служебные и казарменные помещения.

В течение получаса в Шенефельде приземлились две наши эскадрильи. Третья расположилась на аэродроме Темпельхоф.

Это было 25 апреля 1945 года.

Как только смолкли моторы, мы слышали нестихающий грохот артиллерии: советские войска выбивали гитлеровцев, засевших в домах и подвалах. В тот день, завершив окружение группировки противника, в Берлине соединились войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

Группу за группой мы направляли истребителей туда, где требовалась их помощь. Летчиков приходилось подолгу уговаривать, чтобы соблюдали паузы между вылетами — никто не хотел оставаться на земле.

25 апреля советские войска вошли в соприкосновение с американскими войсками на Эльбе, близ Торгау. Это означало, что немецко-фашистские соединения в северной Германии были отрезаны от своих войск, находившихся в Южной Германии. А в Берлине и в небе над ним все еще продолжались жестокие бои.

Берлин затянуло дымом. А над черными столбами дыма проплывали рваные облака. Прикрываясь ими, «юнкерсы» и «фоккеры» прорывались к городу и сбрасывали свой смертоносный груз. Мы знали об этом, и Амет-Хан повел шестерку «лавоочкиных» на перехват фашистских самолетов. Ожидая появления врага, Амет-Хан долго патрулировал над указанным ему участком города. Его время уже истекало, когда из-за облаков выскочило несколько «фоккеров».

Мастер атак, герой Сталинграда, Крыма, Пруссии, Амет-Хан первой пулеметной очередью поджег водупщего фашистской группы. Пилот выпрыгнул с парашютом, и ведомые, покинув его, ушли на запад.

«Фоккер» упал вблизи нашего аэродрома. Тут же приземлился и летчик. Он пытался удрать. Но несколько предупредительных автоматных очередей заставили гитлеровца поднять руки.

Вскоре после этого Елизаров и Бойков тоже сбили фашистский истребитель...

Один из своих аэродромов гитлеровцы устроили прямо посреди Берлина. Нам приходилось его штурмовать. Трудное это дело. В пылающем городе не просто отыскать даже аэродром, а уж нанести по нему удар — и подавно. И все же наши гвардейцы сумели поджечь несколько находившихся на аэродроме самолетов...

В дни штурма Берлина мне так и не удалось встретиться в воздухе ни одного вражеского самолета. Не из честолюбия стремился я сразиться с одним из гитлеровских асов. Много, очень много пережил я за время войны. На моих глазах гибли близкие товарищи и друзья. Столько видел я сожженных и разрушенных советских городов и сел, что оставшимся от них пеплом и битым кирпичом можно было бы вымостить дорогу от Волги до Эльбы и обратно. Могила Виктора Карюкина под дубом над Днепром тоже звала к мести. Вот почему душа жаждала боя...

В ангарах аэродрома Шенефельд, на котором мы базировались, как и в Восточной Пруссии, оказалось много немецких самолетов. Среди них мы сразу узнали машину, подобную той, что так неожиданно промелькнула над аэродромом Фюрстенвальде. У нее был широкий размах крыльев, высокий киль, острый нос, два реактивных двигателя, вооружение состояло из четырех пушек. Что и говорить, хороша была новипка.

Может быть, Гитлер имел в виду и такие вот самолеты, когда обещал своей полуразгромленной армии дать новое чудо-оружие для победы?

Летчики и техники тщательно осмотрели этот необычный для того времени самолет. Он был в единственном экземпляре, совершенно исправный. Если бы гитлеровцы успели наладить массовое производство таких машин, много несчастий принесло бы их появление. Этому мешало стремительное наступление советских войск. Чуда так и не случилось. Фашизм был обречен и доживал свои последние дни.

Осмотр трофейной техники завершился самым неожиданным образом: в подвалах ангара мы обнаружили солидные запасы вин, коньяков, различных продуктов. Враг тут же приступил к проверке и установил, что все пригодно к употреблению. А мы единодушно решили сохранить находку до Дня Победы...

Крепко доставалось в те дни танкистам, минометчикам, автоматчикам: борьба шла за каждый метр укрепленной врагом территории. Чтобы пробиться к центру Берлина — рейхстагу, советские воины должны были преодолеть дома с заложёнными кирпичом окнами и дверями, подвалы с бойницами, огонь вкопанной в землю артиллерии, бесчисленные завалы, реки и каналы со взорванными мостами.

Однажды во время передышки в полетах я решил проведать наших друзей, воевавших на земле, и заодно посмотреть наконец на Берлин не с высоты нескольких тысяч метров, а просто как все люди — с земли.

Оставив змку на окраине города, я двинулся дальше пешком. Но не успел сделать и нескольких шагов, как увидел в укрытии советские танки. Офицеры и солдаты в ребристых шлемах сразу окружили меня, стали приглашать к своим машинам.

За всю войну я только один раз, на Перекопе, побывал в окопах пехотинцев, где непрерывно свистели пули, а после взрыва каждого снаряда на голову и плечи сыпались комья земли.

И вот теперь в Берлине неожиданно попал к танкистам. Много раз видел я грозные тридцатьчетверки, но лишь с воздуха. А тут мне представилась возможность увидеть их вблизи, прямо на исходной позиции к атаке.

Вокруг все гремело, рвалось, горело. И все-таки мы с танкистами у поклеванной пулями стены берлинского дома сумели за какие-то полчаса познакомиться, узнать, кто откуда родом, сказать друг другу теплое слово.

Священное чувство фронтового братства переполняло наши сердца. И я подумал тогда, почему так редки были в ходе войны встречи бойцов разных родов войск? Они ведь несли огромный эмоциональный заряд, укрепляли чувство взаимной поддержки. А потом вспомнил пройденный всеми нами тяжелейший путь и понял: не до частых встреч было нам в то время.

Вернувшись в полк, я рассказал о танкистах, этих мужественных, прославившихся в боях ребятах, о том, какое сопротивление гитлеровцев пришлось им преодолевать. Летчиков мой рассказ очень взволновал.

— Посылай, командир, нас в бой, поможем танкистам, — тут же заявили они.

Вскоре, однако, стряслось такое, что в тот день моим орлам хватило работы. Пока Гитлер отсиживался в своем бункере, остатки разбитых немецко-фашистских соединений со звериным упорством пробивались к Берлину. Большая группа в составе одной моторизованной, трех стрелковых и танковой дивизий прорвалась через боевые порядки 1-го Украинского фронта и достигла города Барута. Гитлеровцы ворвались на аэродром Темпельхоф, где кроме нашей эскадрильи находился соседний авиационный полк.

Нападение было неожиданным и опасным. Мы в Шенефельде узнали о случившемся минут через пятнадцать. К счастью, с Темпельхофа успели взлететь несколько самолетов соседнего полка, в том числе и «як», на котором вывезли Знамя части.

Получив тревожное сообщение, мы немедленно отправились в район прорыва фашистов. Туда же пошли штурмовики и бомбардировщики. Наши совместные удары, на-

носимые один за другим, были столь ошеломляющими, что от вражеских соединений остались лишь небольшие группки, которые расползлись по разным направлениям и были затем окончательно добиты наземными войсками.

...30 апреля 1945 года мы патрулировали над центром Берлина. Патрулирование продолжалось и на следующий день. Первой же был отмечен незабываемым зрелищем. Примерно в то же время, что и накануне, над городом пронеслась группа истребителей и, развернувшись над рейхстагом, сбросила большое красное полотнище. Падая, оно расправилось во всю свою величину и стало плавно опускаться к земле. Мы как зачарованные наблюдали эту картину и восприняли происходящее как символ победы советских войск над гарнизоном фашистской столицы.

И хотя на улицах Берлина еще продолжались бои наших подразделений с гитлеровцами, каждому было ясно: пришла долгожданная победа!

Нашей радости не было предела. Казалось, даже моторы истребителей рокочут совсем по-другому — легко, певуче, торжественно. И надо же было случиться такому: именно в тот день мы чуть не потеряли Бориса Чубукова.

Накануне ночью на его машине был замечен мотор. То ли в самом моторе что-то оказалось не в порядке, то ли при установке допустили какую-то оплошность — сказать трудно. Но когда самолет Чубукова находился над самым большим берлинским мостом, мотор вдруг стал давать перебои, и машина начала терять высоту. Борис перепробовал все, чтобы исправить положение. Но ничего не добился. Прыгать с парашютом над пылающим городом было весьма нежелательно. Оставалось одно: попытаться сбросить высоту, планировать на свой аэродром и приземлиться с ходу. Чтобы осуществить это, требовались исключительная выдержка, самообладание и умение точно все рассчитать.

Борис справился с трудной задачей и вывел тяжелого «лапочкина» к аэродрому. Там уже знали о происшествии и, заткнув дыхание, следили за машиной, которая катастрофически теряла высоту. Вдох облегчения произошел над летным полем, когда колеса истребителя коснулись бетонки и он промчался по ней, остановившись в конце полосы. Откинув фонарь, Борис поднялся с сиденья, бледный и обессиленный, как после тяжелого боя.

Нелегко переживать опасность, когда знаешь, что самое трудное уже позади. Несчастье, которое чуть было не постигло Бориса Чубукова, явилось последним испытанием для моих однополчан. Последним, потому что над Берлином небо окончательно прояснилось, а на земле властно вступала в свои права тишина, нарушаемая лишь случайными выстрелами.

Наш боевой путь, начавшийся 22 июня 1941 года, со славой закончился в поверженной гитлеровской столице. Этот факт говорил сам за себя и не нуждался в комментариях.

Хозяева особняка, который мне выделили в Шенефельде, были пожилыми людьми. В соответствии с законами военного времени им предложили освободить дом, и они покорно выполнили это требование, оставив все на своих местах. Мы с Василием Погорелым, поселившись на новом месте, расценили поведение хозяев как знак безграничного доверия и сразу условились: все, вплоть до последней мелочи, должно остаться, как было.

Как-то вечером я увидел в окно немолодого местного жителя, который медленно прохаживался возле особняка.

— Не знаешь, кто это? — спросил я у Василия.

— Хозяин... Тянет человека к своему гнезду... Когда вас нет, он все время тут бродит.

Мужчина был старше моего отца. Присмотревшись к нему, оглядев двор и запущенный сад, я попросил Погорелого пригласить хозяина. Но Василий вернулся один.

— Не хочет. Отказался и ушел.

— Но почему? Может, ты был недостаточно вежлив?

— Я, товарищ командир, не учился на дипломата, — раздраженно ответил Погорелый, — с фашистами раслаиваться не умею! Он, буржуй, наверное, боится, что начнем распрашивать, кто да что... Может, и его дети нашу землю погнали...

Я не нашелся, что возразить, в словах Василия была своя правда. И все же хотелось поговорить с хозяином дома. Поэтому, когда я снова увидел его, сам вышел на встречу. Поздоровались, пригласил его зайти. Вытирая платком повлажневшие глаза, хозяин, оглядываясь, последовал за мной. Я разрешил ему осмотреть все комнаты, вещи, сказал, что он может приходить, когда захочет, и

пригласил к столу. Старик долго отказывался есть и пить, у него тряслись руки, он все порывался уйти. По всему было видно: человек запуган фашистской пропагандой, не верит в нашу искренность, доброту.

В тот вечер хозяин так и ушел, ни к чему не прикоснувшись. Но через несколько дней появился с женой. Теперь они все осмотрели вдвоем, заглянули в шкафы, в буфет, в кладовую. Потом постучали в мою комнату. Я открыл дверь и сразу прочитал в глазах стариков доверие и признательность.

На этот раз оба не отказались от угощения. Атмосфера за столом была непринужденной. Мы даже поговорили и поняли друг друга, хотя я слабо знал немецкий, а старики — русский. И как я был взволнован, когда старый немец, с трудом подбирая слова, сказал на прощание:

— Все мы в ответе за то, что натворил фашизм... Что делать, заблуждались даже честные люди... Им долго не даст спокойно жить наша больная совесть...

Думаю, не ошибусь, высказав одну мысль. Возможно, именно тогда, в майские дни сорок пятого года, в таких вот, часто случайных встречах, разговорах и появлялись зародыши новых, настоящих человеческих отношений между нами и немцами и закладывались основы будущего большого взаимопонимания.

...По руинам и пожарницам Берлина властно шествовала весна. Она несла с собой мир, цветы, тишину. Наш полк стоял теперь на страже новой жизни города. Самолеты поднимались в воздух только с разрешения вышестоящего командования. А мне так хотелось полетать над мирным Берлином!

Желание это вскоре сбылось. Мне привелось подняться в воздух впервые с сугубо мирным заданием: опробовать мотор после капитального ремонта, иначе говоря, совершить облет материальной части.

Набрав высоту, стал испытывать мотор на разных режимах, а сам по привычке все осматривался, боясь прозевать врага, и по спине пробежал холодок от мысли, что по моей машине могут открыть огонь...

Да, не просто избавиться от рефлексов, приобретенных в сотнях воздушных боев. Много раз после войны я испытывал это, находясь в воздухе.

Итак, я летел над Берлином. Убедившись, что мотор

работает нормально, я дал себе полную волю и пошел на сложный пилотаж. Мой «лавочкин» снижался до самых крыш, свечой взмывал в небо, проделывал каскады головокружительных фигур. Все, чему меня научили в свое время летчики-инструкторы — бочки, иммельманы, петли, я продемонстрировал в тот день берлинцам, а также нашим танкистам, артиллеристам, пехотинцам.

Летал долго, с радостью наслаждаясь мирной высотой, счастьем бойца, достойно завершившего свой долгий и трудный ратный путь.

Напоследок пронесся прямо над ободренным куполом рейхстага, увенчанным алым стягом Победы.

На аэродроме меня уже ждали с тревогой: время полета истекало.

— Отвел душу, командир! — радостно приветствовали меня боевые друзья.

Я рассказал, каким увидел Берлин, и вместе с летчиками отправился на ужин. В тот вечер никто и не помышлял, что нас поднимет с постели неожиданная стрельба. Но случилось именно так. Ничего не понимая, не успев как следует одеться, летчики выскакивали на улицу. Вокруг было светло как днем от сотен ракет, пронизывавших ночное небо. Дежурный позвал меня к телефону, я услышал торжественный, звонкий голос начальника штаба, с полуслова понял его и, выбежав из помещения, закричал:

— Товарищи! Звонил Николай Семенович Никитин. Это — победа! Мир!

То, что было потом, никогда не забудешь. Люди, прошедшие горнило войны, плакали, не стыдясь своих слез, обнимали и целовали друг друга, прыгали, как дети, подбрасывали в воздух в избытке чувств все, что попадало под руку, стреляли из всех видов имевшегося у нас оружия.

Радость победы! Что может сравниться с ней? Мы давно ждали этой вести, и, когда она пришла, не было сил сдерживать свои чувства.

Мне с трудом удалось выстроить полк. Личный состав поэскадрильно прошел перед Знаменем с боевыми орденами и изображением Ленина таким четким шагом, что любо-дорого было смотреть. Потом поздравил личный состав с победой и в заключение предложил почтить память погибших.

После официальной части был организован торжественный ужин. Вот когда нам пригодились найденные в подвалах запасы продуктов!

А жизнь и в этот волнующий момент ставила свои проблемы.

Перед началом вечера в штаб полка пришли летчик Михайлов и техник Балашов со своими подругами-однополчанками. На всех четверых было обычное, но тщательно выстиранное, отутюженное фронтовое обмундирование. В руках — веточки яблоневого цвета.

— Мы хотим пожениться, товарищ майор, — сказал Борис Михайлов, смущенно поглаживая ордена на груди.

— Мы тоже, — эхом откликнулись Балашов и его невеста.

Как бы советуясь, мы переглянулись с подполковником Фунтовым. И он и я понимали: намерения у молодых людей самые серьезные. Омрачить их настроение отказом мы не имели оснований. День Победы и свадьбу наших соратников было решено отпраздновать одновременно.

Вечер удался на славу. Провозглашались тосты за победу, за героев полка, за летчиков, за техников, за мотористов и за молодых, за их семейное счастье. Не забыта была в тот вечер и добрая русская традиция. «Горько!» — то и дело раздавалось за столом к великому удовольствию счастливых молодоженов...

Гуляли до поздней ночи. Танцевали, пели. Потом, выйдя на улицу, наши офицеры открыли стрельбу в воздух. Это не осталось незамеченным. К дому, во дворе которого были накрыты столы, подъехал черный бьюик, из него вышел офицер комендатуры. Я пошел встретить его.

— Что у вас творится? — строго спросил полковник.

— Празднуем победу и одновременно две свадьбы, — доложил я.

Нас окружили летчики. Присмотрелись к полковнику — танкист, награжденный многими орденами.

— Ура полковнику! Качать его! — раздавалось сразу несколько голосов.

Танкист, бережно поддерживаемый десятками сильных рук, взлетел в воздух, потом еще и еще. Как в такой ситуации выдержишь строгий тон?! Полковник взмолился, чтобы его опустили на землю, с удовольствием

принял приглашение к столу и даже выпил рюмку за победу и за здоровье молодых.

Пухову, растягивавшему мехи баяна, кто-то заказал цыганочку. И тут же сплыв вытащили меня в центр круга. Ну, командир, не ударь в грязь лицом, выдай здесь, в Берлине, нашу цыганочку на высшем уровне!

Наполненный радостью и счастьем, всю свою душу вложил я в эту пляску. С таким азартом, с таким вдохновенным чеканил известные мне коленца, что окружающие невольно начали притопывать, прихлопывать и даже подпевать баянисту. Я вихрем носился по кругу. Перед глазами мелькали родные лица боевых друзей, и к сердцу подкралась грусть: война закончилась, рано или поздно нам придется расстаться...

Еще несколько тактов — и пора закругляться. Веселей играй, баянист, поспевай за мной и за девушкой с яблоневым цветом в косах, что вышла в круг, приняв мой вызов!

Выйдя из круга, я случайно оказался возле молодоженов. Глядя на них, почему-то вспомнил осень сорок четвертого года, мое знакомство с юной москвичкой. Образ ее с тех пор жил в моем сердце. И впервые за годы войны я с беспредельной радостью вдруг ощутил, что мне всего двадцать пять и что вся жизнь еще впереди...

Через несколько дней наш полк перебазировался на другой аэродром. Там я получил приказ убыть в Москву для учебы в военной академии.

Началась новая полоса моей жизни. Тревожная юность, прошедшая в грохоте боев, навсегда уходила в прошлое, которое не померкло и никогда для меня не померкнет.

В июне 1945 года, в дни подготовки к Параду Победы, я находился в санатории под Москвой. Сюда и привезли мне пропуск на Красную площадь. Пропуск был выписан на одно лицо, а рядом со мной была молодая жена. Дуся смотрела на меня такими умоляющими глазами, что я сразу понял: без нее поехать не смогу.

В день парада мы оба попали на трибуны. Никогда не забуду, как чеканным шагом проходили по Красной площади воины-победители, как перед Мавзолеем швыряли на брусчатку знамена разгромленных гитлеровских ди-

визий, как звучала над Москвой, пад всей нашей Родной торжественная мелодия, славившая великую Победу.

Я был счастлив. Счастлива была и жена: она гордилась тем, что я принадлежу к великой армии победителей...

После окончания академии мне пришлось поработать на командных должностях в разных, самых отдаленных гарнизонах. Семья у нас сложилась прекрасная: жили дружно, растили детей. Дети выросли настоящими людьми, и я горжусь этим.

Военная авиация осталась моим родным делом на всю жизнь. С годами я перестал летать, но каждодневно занимался и сейчас занимаюсь воспитанием молодых воздушных бойцов, которые овладевают новейшей техникой, отдаю им весь свой боевой и жизненный опыт.

В день 50-летия со дня рождения нашего незабвенного Льва Львовича Шестакова большая группа ветеранов полка, в числе которых мне посчастливилось находиться, побывала на его родине — в Донецкой области. Матери погибшего героя мы вручили подарки, а на доме в Авдеевке, где он родился и вырос, с помощью местных общественных организаций торжественно установили мемориальную доску. Вместе с нами отмечал этот день и сын отважного сокола — тоже Лев Львович Шестаков. Приятно было узнать, что он пошел дорогой отца, стал военным летчиком.

В селе Давидковцы Хмельницкой области, где похоронен наш командир, тоже побывали почти все мои однополчане.

Не раз ездил я в Комаровку и Хощки, посещал памятные по сорок третьему году места и, конечно, встречался с супругами Шевченко, которых считаю родными для меня людьми. Иван Степанович умер в 1973 году. Теперь навещаю его вдову, с ней бываю на дорогой для меня могиле. Вместе с бывшими партизанами А. Крячком, В. Яковенко, А. Янцелевичем, К. Спичевым, И. Процько, Е. Ломакой мы отыскивали в лесу место базирования партизанского отряда, тот дуб, под которым я похоронил своего верного друга по самым тяжелым дням моей жизни Виктора Карюкица. У небольшого костра вспоминали мы под шелест леса минувшие дни, стычки с врагом, погибших друзей...

И по сей день поддерживаю я связь со многими из тех, с кем свели меня фронтовые дороги.

Ректором педагогического института в Черкассах стал Герой Советского Союза Александр Васильевич Ткачко. Беседы с ним помогли мне восстановить в памяти дни пребывания в партизанском отряде.

Много лет после войны работал на аэродроме Гражданской авиации в Одессе бывший мой авиатехник Монсеев. Ныне Василий Иванович на пенсии.

Бывая в Москве, я обязательно встречаюсь с Н. Верховцом, А. Алелюхиным, И. Королевым, М. Твеленевым. В Саратове живет и работает В. Никитин, в Ленинграде — Олег Зюзин, ныне преподаватель военной академии.

С глубокой скорбью приходится повторить, что уже нет среди нас любимца полка Амет-Хана Султана.

Маршал авиации Александр Иванович Покрышкин, побывавший в Париже в качестве члена парламентской делегации Верховного Совета СССР, как-то рассказал мне, что встретился там с Луи Дельфино и что тот интересовался моей судьбой. Прощаясь, Луи Дельфино снял с себя шарфик, протянул его Покрышкину и сказал: «Вручите моему фронтовому другу».

Этот подарок, как и другие, храню как самую дорогую реликвию.

В 1969 году юные следопыты Орловщины разыскали могилу одного из французских летчиков, сражавшихся в составе полка «Нормандия-Неман». В связи с этим Советский комитет ветеранов войны пригласил в нашу страну нескольких ветеранов этого полка для участия в процессе перезахоронения останков их боевого товарища. Во время этой печальной церемонии я встретился с Луи Дельфино. Он был уже генералом и являлся генеральным инспектором военно-воздушных сил Франции.

Вскоре после встречи бывший командир полка «Нормандия-Неман» прислал мне письмо, которое позволю себе привести здесь полностью.

Луи Дельфино писал:

Мой дорогой друг!

Незабываемая церемония, организованная по инициативе советских людей в Москве, глубоко взволновала ветеранов полка «Нормандия-Неман», а мне кроме удовлетворения принесла еще и сердечную радость: снова

встретил тебя, вспомнил с тобой несколько эпизодов из жизни, когда мы были вместе на фронте.

Дружба, возникшая во время войны, вечна. Она настолько крепка, что не нуждается в каких-либо дополнительных заверениях. Между тем кто станет отрицать полезность личных контактов с друзьями, которые в годы тяжелых испытаний никогда не теряли надежды на лучшее будущее!

Вот почему я бываю каждый раз счастлив, когда вместе с тобой имею возможность вспомнить годы нашей общей службы. Эти воспоминания никогда и никто не сможет вычеркнуть из памяти.

Я хотел бы снова передать тебе мою глубокую благодарность за подарок, который меня очень взволновал.

Прошу тебя верить в искренность и глубину моих дружеских чувств.

Генерал Дельфино.

К великому сожалению, моего верного французского друга сегодня тоже уже нет в живых...

Свои воспоминания, читатель, я начал с прибытия в Чернигов зимой сорок первого года. Рассказом о городе моей военной юности, об удивительной встрече, которая произошла там же спустя полтора десятилетия после войны, хочу и закончить их.

Зимой 1960 года я неожиданно попал в чудесный город на Десне по неотложным служебным делам. Время моей командировки было весьма ограниченным, но в первый же день я отправился на площадь имени Шевченко на розыски дома, в котором, как мне стало известно, жил Александр Никитович Карасев, тот самый летчик Карасев, который был сбит в крымском небе в 1944 году.

Карасева и его жену Надежду хорошо знали в полку — они первыми среди наших молодых фронтовиков поженились в суровом сорок третьем году.

Несчастье произошло с Александром, когда он уже был Героем Советского Союза: выпрыгнув с парашютом из горящего самолета, Карасев попал в плен. Долгое время мы ничего не знали о судьбе товарища. Лишь после войны стало известно, что Александр жив, ему возвращены все награды и он по-прежнему служит в авиации.

Трудно описать, какая это была встреча и сколько было переговорено в тот день!

Не скоро улеглось волнение, которое пережили и хозяева дома и я в те часы.

Солнечный зимний день наполнял квартиру ласковым светом, а наши сердца — еще раз осознанным счастьем победы над смертью, счастьем прекрасной мирной жизни.

— Да... Жизнь идет, а мы помаленьку стареем, — сказал А. Н. Карасев, когда подошло время прощаться. — Подумать только, у нас с Надеей взрослые сыновья!.. — Мой собеседник задумался, лицо его стало суровым. — Хочу одного, — медленно произнес он. — Хочу, чтобы ни когда не пришлось пережить то, что выпало нашему поколению... Думаю, ради этой цели любой из нас, ветеранов, не пожалеет жизни. Верно, Володи?

Я крепко пожал руку боевого друга и ничего не ответил: слова были излишни, он сказал все, что надо.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Прощай, Чернигов...	3
«Только на фронт!»	5
Крещение огнем	16
Сталинград — рубеж жизни	28
На крутом переломе	49
Путь на юг	64
Ростовская весна	74
Вперед! — Украина	83
Трудный вылет	102
Возвращение в небо	128
Дорогой юности	158
Здравствуй, море!	165
«Держать небо чистым!»	197
Мы — в Берлине!	220

*Владимир Дмитриевич
Лавриненков*

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЕБО

Редактор *М. Д. Конюшенко*
Художественный редактор *В. В. Васильев*
Технический редактор *Т. Г. Пименова*
Корректор *Н. М. Ломанова*

ИБ № 2164

Сдано в набор 06.01.82. Подписано в печать 20.12.82.
Г-52728. Формат 84×108/32. Бум. тип. № 2. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 7½. Усл. печ. л. 12,6+2 вкл.—
6/8 печ. л.—1,05 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 13,65.
Уч.-изд. л. 14,07. Тираж 100 000 экз. Изд. № 3/8187.
Зак. 3-4. Цена 1 р. 20 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
Набрано в 1-й типографии Воениздата
Отпечатано с матриц на книжной ф-ке им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.